

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ
РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ

ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДОНЫНЪ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗЫСКАНІЕ

Я. ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 9 л., № 12.)

1873.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ. Марта 1873 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Изъ книги *Филологическія разсканія*.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Общія замѣчанія	3
II. Характеристика нынѣшней орфографіи.	10
III. Черты русской фонетики.	15
IV. Очеркъ исторіи нашего правописанія.	19
V. Теоретическія замѣчанія.	79
1. Удвоеніе согласныхъ.	86
2. Правописаніе предлоговъ.	88
3. Буква ы вмѣсто ѣи	90
4. Уподобленіе звуковъ.	91
5. Встрѣча зубныхъ (з, ж, с) съ щ въ окончаніяхъ.	92
6. Употребленіе о послѣ шипящихъ и послѣ ц	93
7. Смѣшеніе шипящихъ.	96
8. Окончанія прилагательныхъ именъ.	97
9. Глагольныя окончанія и формы.	99
10. ѣ и ь въ концѣ словъ.	104
11. Буква ѣ	106
12. Правописаніе заимствованныхъ иноязычныхъ словъ.	110
13. Объ именахъ собственныхъ муж. р. на <i>ла</i> и <i>ко</i>	120
14. Употребленіе большихъ буквъ.	123
15. О слитномъ письмѣ составныхъ реченій.	126
16. О надстрочныхъ и строчныхъ знакахъ.	135
17. Замѣтки о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ.	137
Приложенія.	
По поводу толковъ о правописаніи.	141
Изъ статьи: «Орфографическая распря».	152

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ

ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДОНШНѢ.

«Правописаніе должно быть общее и по естеству дѣла, и по существу слова.»
Сумароковъ. (Соч. X, 32.)

I.

У всѣхъ образованныхъ народовъ господствуетъ требованіе, въ большей или меньшей степени удовлетворяемое, слѣдовать однообразному, твердо установленному способу изображенія звуковъ языка на письмѣ. Оттуда и самое понятіе о *правописаніи*, и названіе этого отдѣла грамматики. Такое требованіе совершенно правильно и естественно: языкъ состоитъ изъ явленій, не случайныхъ, а основанныхъ на законахъ, которые органически связаны между собою общимъ, хотя и не всегда яснымъ единствомъ. Умъ человѣческій стремится къ раскрытію и объясненію этихъ законовъ. Въ устной рѣчи, какъ непосредственномъ дѣйствіи нашего духа, они соблюдаются нами безсознательно; но письмо, какъ результатъ науки, не можетъ происходить надлежащимъ образомъ безъ разумѣнія этихъ законовъ, или, по крайней мѣрѣ, безъ соблюденія точныхъ, преданіемъ или обычаемъ установленныхъ правилъ. Мы пишемъ для того, чтобы другой (а такимъ становимся мы и сами черезъ минуту послѣ начертанія звука¹⁾) вполне понималъ и легко узнавалъ каждое написанное нами слово.

---

¹⁾ Lefmann. Ueber deutsche Rechtschreibung.

Въ отношеніи къ правописанію образованные народы представляютъ двойное явленіе: у однихъ письмо очень близко выражаетъ звуки языка, у другихъ оно болѣе или менѣе удаляется отъ произношенія. Въ первомъ случаѣ, значитъ, письмо основано на выговорѣ, или — употребляя научный терминъ — правописаніе установилось *фонетическое*, каково напр. италіянское: нужно только усвоить себѣ значеніе италіянскихъ буквъ и, разумѣется, узнать законы ударенія, чтобы по книгѣ довольно вѣрно произносить каждое слово. Во второмъ случаѣ различіе между письмомъ и произношеніемъ происходитъ большею частью отъ того, что въ живомъ языкѣ произношеніе отступило отъ его первоначальныхъ формъ, а письмо стремится сохранить ихъ. Таково происхожденіе *этимологическаго* правописанія. Очевидно, что оно имѣетъ научное значеніе, что оно — орудіе и вмѣстѣ пособіе науки. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ напр. въ шведскомъ, *фонетика* получила мало по малу перевѣсъ надъ *этимологіей*; въ другихъ, особенно во французскомъ, произношеніе такъ исказило древнія формы словъ, что одно правописаніе сохраняетъ память ихъ происхожденія и даетъ имъ смыслъ. Есть наконецъ и такіе языки, въ которыхъ, хотя они и не потерпѣли такого фонетическаго искаженія, *этимологическое* начало правописанія все-таки преобладаетъ, какъ необходимый охранитель и регуляторъ языка: таковы языки русскій и нѣмецкій. Въ позднѣйшее время нѣкоторымъ казалось, что русское правописаніе могло бы совершенно отбросить производственный элементъ и сдѣлаться чисто звуковымъ; но эта мысль не можетъ устоять передъ мало-мальски серіозною критикой. Въ русскомъ языкѣ столько не вполне определенныхъ, не вполне явственныхъ звуковъ, особенно гласныхъ, и притомъ столько видоизмѣненій ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, что для множества словъ явилось бы по нѣскольку начертаній и орфографія лишилась бы всякаго руководящаго начала. Между тѣмъ преимущественно - *этимологическое* правописаніе способствуетъ къ уясненію исторіи языка; оно доставляетъ намъ вѣрнѣйшее средство отыскивать смыслъ въ формахъ рѣчи, правильно судить

о развитіи или упадкѣ языка, основательно сравнивать родное слово съ языками другихъ народовъ. Раціональное правописаніе, путемъ школы и литературы, имѣетъ несомнѣнное вліяніе на успѣхи языка, на употребленіе его въ средѣ образованныхъ классовъ, а посредствомъ ихъ это вліяніе можетъ, въ нѣкоторой степени, распространяться и на народъ. При такомъ значеніи этимологическаго правописанія, нельзя не заботиться о поддержаніи его въ той степени, въ какой языкъ, по своему характеру, этого требуетъ, и о томъ, чтобы основанія такого письма болѣе и болѣе очищались наукою отъ всякихъ ошибочныхъ толкованій.

Изъ только-что сказаннаго можно заключить, что языки въ разной мѣрѣ имѣютъ надобность въ этимологическомъ правописаніи. Дѣйствительно, не всякій языкъ равно къ нему способенъ и равно въ немъ нуждается. У Италявцевъ звуки такъ определенны, такъ чисты и просты, что производственное начало почти безъ борьбы уступило побѣду фонетическому. Обыкновенно же, чѣмъ менѣе формы языка самобытны, чѣмъ болѣе онѣ уклонились отъ своего первообраза или источника, тѣмъ правописаніе своеправнѣе, тѣмъ болѣе оно основано на многосложныхъ, частью условныхъ правилахъ, но въ то же время тѣмъ оно тверже, тѣмъ строже соблюдается всѣми. Мы замѣчаемъ это особенно въ языкахъ англійскомъ и французскомъ, гдѣ тотъ же звукъ въ одномъ словѣ изображается такъ, въ другомъ иначе, и гдѣ однакоже тотъ, а не иной способъ написанія каждаго слова совершенно установленъ и для всѣхъ обязательенъ. Напротивъ, въ языкахъ коренныхъ, болѣе или менѣе сохранившихъ свои первобытныя правильныя формы, орѳографія бываетъ разнообразнѣе и труднѣе устанавливается. Причина тому понятна: при постепенно усиливающимся уразумѣніи состава и формъ языка возникаетъ стремленіе измѣнять правописаніе, но улучшенія не легко проникаютъ въ общее сознаніе; съ другой стороны, потребность уясненія формъ такого языка даетъ просторъ произволу въ толкованіяхъ, и оттого являються разные способы начертанія однихъ и тѣхъ же словъ.

Въ такомъ положеніи находятся, въ наше время, языки русскій и нѣмецкій. Впрочемъ, частыя жалобы на пестроту и неопредѣленность нашего правописанія едва ли не преувеличены. Правда, что у насъ многія слова пишутся неодинаково; но, вообще говоря, русское правописаніе представляетъ гораздо менѣе разногласій, нежели нѣмецкое. Для уясненія вопроса въ отношеніи къ намъ, остановимся напередъ на правописаніи Нѣмцевъ.

У нихъ разногласіе начинается отъ самой основы письма — очертанія буквъ: одни пишутъ угловатымъ готическимъ шрифтомъ, другіе круглымъ латинскимъ. Столь же капитальный споръ идетъ у Нѣмцевъ о томъ, начинать ли каждое существительное имя, по старому, большою буквою, или нѣтъ. Далѣе, величайшее разнообразіе въ письмѣ возникаетъ отъ вопросовъ: употреблять ли для протяженныхъ слоговъ, въ однихъ словахъ двойныя гласныя (aa, ee, oo), въ другихъ букву h? когда изображать звукъ s двойною шипящею (ss) и когда знаками ð, /z, sz, и проч. Для нѣмецкой орфографіи очень неблагоприятно то обстоятельство, что языкъ вполне установился и литература достигла богатаго роста прежде нежели явилась въ своемъ высшемъ развитіи филологія. Извѣстно, что на всѣ означенные вопросы только въ 1820-хъ годахъ обращено было вниманіе ученыхъ Яковомъ Гриммомъ, который сталъ употреблять совершенно новое правописаніе; напр. онъ допускалъ большую букву единственно въ началѣ собственныхъ именъ, отвергая ее послѣ точки и даже въ началѣ красной строки. Извѣстно также, что правописаніе Гримма, не смотря на силу его авторитета, до конца его жизни находило не много послѣдователей и что самъ онъ, построивъ свою орфографію на глубоко-обдуманыхъ филологическихъ основаніяхъ, не рѣшался примѣнять ее во всей строгости; такъ напр., изгнавъ h послѣ t въ окончаніяхъ (armut, reichum), онъ удержалъ этотъ знакъ протяженія въ началѣ словъ (thun, that, thor) и говорилъ: «Пускай онъ тамъ покуда остается; довольно, если на первый случай удастся вырвать его изъ окончаній». Но далеко не такъ извѣстно, что самъ Яковъ Гриммъ, при всей сознательности своихъ началъ, никогда не могъ

усвоить себѣ въ частностяхъ вполнѣ послѣдовательное, постоянное правописаніе и до конца жизни колебался въ начертаніи множества словъ, которыя писалъ различно не только въ разныя эпохи, но въ одномъ и томъ же сочиненіи, на близкомъ разстояніи, иногда на одной и той же страницѣ. Особенно трудно было ему согласиться съ самимъ собой относительно употребленія двойнаго *s* и знаковъ, которыми оно можетъ быть замѣняемо (*ß*, *sz*). Сознаніе трудности достигнуть въ этомъ дѣлѣ строгой послѣдовательности было, кажется, причиною, почему Гриммъ избѣгалъ въ печати объясненій на счетъ своей орфографіи и не написалъ объ ней ничего цѣльнаго, довольствуясь одними отрывочными замѣчаніями въ своей грамматикѣ и другихъ сочиненіяхъ. Болѣе отчетливо по этому предмету выразился онъ только въ предисловіи къ своему словарю. Послѣ смерти Гримма (1863) стали появляться особыя монографіи о его правописаніи. Наиболее подробно разсмотрѣно оно въ гёттингенской брошюрѣ г. Андресена¹⁾, который имѣлъ терпѣніе прослѣдить въ этомъ отношеніи всѣ труды Я. Гримма, изучить всѣ основанія его орфографіи и отмѣтить всѣ случаи, въ которыхъ онъ самъ отступалъ отъ нихъ. Въ дополненіе къ этой брошюрѣ г. Михаэлисъ въ Берлинѣ разсмотрѣлъ тотъ же предметъ въ публичномъ чтеніи, которое потомъ было напечатано²⁾. Изъ этихъ двухъ брошюръ и множества другихъ, занимающихся этой стороною языка самостоятельно, видно, какъ многочисленны и многообразны спорные вопросы нѣмецкаго правописанія. Оттого въ современной нѣмецкой литературѣ трудно найти двѣ книги, которыя по правописанію были бы совершенно сходны между собою. Менѣе разногласія видно еще между тѣми грамотеями, которые, не мудрствуя лукаво, держатся прежней орфографіи. Но она дѣйствительно основана на такихъ произвольныхъ правилахъ, что знатокъ языка не можетъ съ нею примириться и по неволѣ ищетъ исхода изъ встрѣчающихся ему на каждомъ шагу несообразностей. Не удивительно, что въ разныхъ

¹⁾ Ueber J. Grimms orthographie, von K. G. Andresen. Göttingen 1867.

²⁾ Ueber J. Grimms Rechtschreibung. Berlin 1868.

концахъ Германіи беспрестанно издаются брошюры о правописаніи. Между прочимъ такая брошюра недавно издана въ Берлинѣ по соглашенію цѣлаго собранія училищныхъ преподавателей, гдѣ дѣло рѣшалось по большинству голосовъ¹⁾. По поводу ея одинъ германскій критикъ справедливо замѣчаетъ, что въ подобныхъ вопросахъ мнѣніе большинства никакъ не можетъ быть обязательнымъ, потому что большинство не всегда бываетъ на сторонѣ правды, особливо въ наукѣ. При этомъ невольно припоминаются слова нашего Сумарокова: «... по большей части вещи утверждаются большинствомъ голосовъ, а невѣжъ больше нежели просвѣщенныхъ людей¹⁾». Не смотря на господствующую въ нѣмецкомъ правописаніи пестроту, можно ожидать, что пробудившійся въ послѣднее время общій интересъ къ этому предмету и тщательное его обсужденіе многими мало по малу приведутъ пишущій міръ къ большому согласію. Строго-историческое начало, которое хотѣлъ исключительно провести Гриммъ, едва ли одержитъ полную побѣду и вѣроятно должно будетъ, слѣдуя измѣненіямъ въ языкѣ, дѣлать уступки фонетикѣ. Такъ Гриммъ, по этимологическимъ соображеніямъ, писалъ *gieñg*, *fieng*, находя въ этихъ формахъ прошедшаго времени долгое *i*; но почти нигдѣ нынче такъ не произносятся, и потому начертаніе *ging*, *fiug* пріобрѣтаетъ перевѣсъ. На этомъ же основаніи не могла распространиться и оригинальная орфографія покойнаго корреспондента нашей Академіи наукъ Шлейхера, который, идя еще далѣе Гримма, не признавалъ между прочимъ надобности означать долготу слога вставкою

---

¹⁾ Regeln und Wörterverzeichniss für deutsche Orthographie. Herausgegeben («auf Grundlage des Usus») von dem Verein der Berliner Gymnasial und Realschullehrer. Разборъ этой книги — въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1871, № 342. Ср. National-Zeitung, № 576, Beiblatt: «Die deutsche Rechtschreibung, eine Nationalfrage». Также: Zeitschrift für das Gymnasialwesen 1871, Juni. — Кстати замѣтимъ, что въ слѣдствіе учебной реформы, предпринятой графомъ Туномъ въ Австріи, эта страна сдѣлалась по преимуществу ареной орфографической борьбы, и введеніемъ новыхъ руководствъ по языку споръ преждевременно занесенъ въ среднія и народныя училища (Lefmann).

¹⁾ Полн. собраніе всѣхъ соч. Сумарокова, X, 21.

буквы *h* и писалъ напр. — вм. *ihm*, *ihn* — *im*, *in*, не отличая этихъ мѣстоименныхъ формъ отъ предлога *in* съ краткимъ *i*.

Въ числѣ нѣмецкихъ брошюръ, въ послѣднее время появившихся по этому предмету, особеннаго вниманія заслуживаетъ изданная въ Берлинѣ г. Лэфманомъ: «Ueber deutsche Rechtschreibung»¹⁾. Вотъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній изъ этой книжки: Гриммъ въ своихъ сочиненіяхъ провелъ безспорно двѣ основы орфографіи — латинское письмо и устраненіе излишнихъ большихъ буквъ, тогда какъ другія несообразности, уже поколебленные имъ, остались у него по вѣнѣ его издателей. Гриммъ наконецъ уступилъ, объявивъ, что «о словахъ и ихъ начертаніи окончательно рѣшаетъ общее употребленіе и народная воля». Но онъ забылъ, что эти двѣ силы должны быть руководимы, и конечно не издателями и наборщиками, а грамматистами. Въ массѣ пишущихъ старая орфографія еще въ полномъ ходу; только въ ученыхъ сочиненіяхъ латинское письмо болѣе вошло въ обычай, да и остальными нововведеніями Гримма воспользовались почти одни ученые, особенно грамматисты и изслѣдователи языка; къ нимъ надобно присоединить еще нѣкоторые спеціальные журналы. Тѣмъ не менѣе, съ конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, когда явилась «Исторія нѣмецкаго языка» Я. Гримма, для нѣмецкой филологіи и грамматики наступила новая эпоха. Въ 1852 году ученикъ Гримма, грацкій профессоръ Карлъ Вейнгольдъ указывалъ на необходимость признать его начала обязательными. Но этой строгой теоріи Рудольфъ Раумеръ противопоставлялъ здравый практическій смыслъ и правило: «Согласуй по возможности свое письмо съ своимъ произношеніемъ», т. е. историко-этимологическому началу онъ противопоставлялъ историко-фонетическое. Въ истекшее десятилѣтіе убѣжденіе въ необходимости реформы проникло въ обѣ противоположныя партіи, и между людьми мыслящими осталось уже не много приверженцевъ неизмѣнной старины, утверждающихъ, будто историческая грамматика вызвала еще

¹⁾ Dr. S. Lefmann. Berlin 1871. Это — одинъ изъ выпусковъ изданія: *Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge*. VI Serie, Heft 129.

большую противъ прежняго путаницу въ письмѣ. Въ послѣднее время уже и началось нѣкоторое примиреніе между строгою теорією и разумною практикою: фонетика должна допускать то, чего исторія требуетъ не на счетъ живого языка; а историкъ не долженъ трогать того, что въ употребленіи языка твердо установилось. Г. Лефманъ ставитъ требованіе: «пиши такъ, какъ ты правильно говоришь». Правильно же говорить, по его мнѣнію, значитъ не только говорить безъ всякаго вліянія діалектовъ, но говорить исторически-правильно, т. е. такъ, какъ требуетъ законное развитіе языка не въ одномъ сочетаніи словъ и предложеній, но и въ звуковомъ отношеніи. Односторонняя фонетика не имѣетъ почвы въ письмѣ, односторонніе историки не признають ограниченій, предписываемыхъ живымъ языкомъ: только взаимное проникновеніе обоихъ элементовъ, какъ соотношеніе языка и письма между собою, можетъ привести къ надежнымъ и твердымъ правиламъ, достигнуть общаго признанія и принятія.

II.

Обращаясь затѣмъ къ нашему правописанію, мы находимъ (какъ уже и выше замѣчено), что оно далеко не представляетъ тѣхъ затрудненій, какія существуютъ въ нѣмецкомъ. Встрѣчающіяся у насъ различія можно раздѣлѣть на два разряда: одни происходятъ только отъ недоразумѣній и потому могутъ быть устранены надлежащимъ разъясненіемъ; причиною другихъ — неодинакій взглядъ на предметъ, и тутъ возможно, конечно, двоякое рѣшеніе вопроса. Къ числу первыхъ разногласій я отношу, напр., написаніе прилагательныхъ: *болѣнъ* и *видѣнъ* съ буквою ѣ вмѣсто е, или глаголовъ: *сыплютъ*, *дремлютъ*, *надѣются*, *морочутъ*, *дышатъ* съ неправильнымъ окончаніемъ, вмѣсто *сыплютъ*, *дремлютъ*, *надѣются*, *морочатъ*, *дышатъ*. Всякаго серьезно относящагося къ дѣлу легко убѣдить, что первая орѳографія просто ошибочна. Къ другому разряду принадлежатъ между прочимъ слѣдующія разнорѣчія: употребленіе въ однихъ и тѣхъ же слу-

чаяхъ большой или малой буквы въ началѣ слова, смѣшеніе пѣ-
 которыхъ гласныхъ (е, о), вставка или опущеніе, сліяніе или
 разложеніе двухъ согласныхъ (з, с; зч=щ). Одни, напр., пишутъ:
Славяне, Нѣмцы; другіе: *славяне, нѣмцы*. Одни пишутъ: *второй,*
второго, легкой, рождаютъ, мечемъ, ученый, душою, желтый; дру-
 гіе: *второй, второго, легкой, рождаютъ, мечомъ, учоный, душою,*
жолтый. Одни: *разказъ, расчетъ, приказчикъ, мужчина, искус-*
ство, отверзтый; другіе: *расказъ, расчетъ, или разказъ, рачетъ,*
прикащикъ, мущина, искусство, отверстый. Одни: *коммиссія,*
адресъ, другіе: *коммисія или комисія, адресъ*. Наибольшую же
 пестроту наше правописаніе представляетъ въ раздѣленіи или
 сліявіи словъ, образующихъ вмѣстѣ одно понятіе и принимаемыхъ
 многими, въ этомъ соединеніи, за предлогъ или нарѣчіе; таковы,
 напр., слова: *въ слѣдствіе, въ послѣдствіи, въ замѣнѣ, по преж-*
нему, по видимому, со временемъ, которыя пишутся то врознь,
 то слитно.

Большая часть этихъ различій правописанія происходитъ и у
 насъ отъ встрѣчи въ немъ двухъ началъ—*фонетическаго* или *звучко-*
вого и *этимологическаго* или *производственнаго*. Мы видимъ, что въ
 пѣкоторыхъ случаяхъ беретъ перевѣсъ первое, а въ другихъ
 второе; наприм., въ начертаніи слитно-употребляемыхъ предло-
 говъ *воз, из, раз, низ* передъ глухими согласными пишется из-
 давна буква *с*, или: въ словахъ *мягкій, гдѣ, здѣсь, вездѣ* по той же
 причинѣ пишется *г, з* вмѣсто *к, с* (*мяжкій, кдѣ, сдѣсь, вездѣ*),
 какъ слѣдовало бы писать по ихъ составу; напротивъ, въ словахъ
кто, что, сдѣлать, сдавать, произносимыхъ хто, што, здѣлать,
здавать, соблюдается законъ этимологіи. Кто же или что, въ та-
 кихъ разнородныхъ явленіяхъ, рѣшаетъ перевѣсъ того или дру-
 гаго начала? Обычай или давность? Но обычай и давность
 бываютъ иногда, какъ удостовѣряетъ опытъ, въ прямомъ проти-
 ворѣчій съ истиною: слѣдовательно окончательный приговоръ въ
 этомъ дѣлѣ все-таки долженъ принадлежать высшему суду, и
 право такого суда можетъ быть признано только за наукой. Ей
 одной подобаешь рѣшать, въ какихъ случаяхъ уступки ео стороны

производственнаго начала въ пользу звукового и вообще въ пользу практическихъ удобствъ письма могутъ быть допускаемы какъ разумныя и потому законныя. Все же безпричинное, неосновательное, а тѣмъ болѣе нелѣпое, хотя и употребительное, должно быть ею строго осуждаемо и по возможности устраняемо изъ обычая. употреблеііе языка людьми мыслящими и вообще грамотными должно быть сознательное; каждый пишущій, если онъ сколько-нибудь образованъ, чувствуетъ потребность отдавать себѣ отчетъ въ начертаніи словъ и стремится къ достиженію въ этомъ возможной послѣдовательности. Отсюда, какъ уже было замѣчено, общее требованіе разумно-установленнаго, единообразнаго правописанія. Языкъ есть достояніе цѣлаго народа, одинъ для всѣхъ, къѣмъ онъ употребляется; языкъ есть дѣло мысли, слѣдовательно мысль должна быть присущею въ каждый мигъ его употребленія, и нѣтъ причины допускать разнообразіе въ рѣшеніи вопросовъ, на которые отвѣта должно искать въ однихъ и тѣхъ же законахъ. Здѣсь мѣсто повторить умныя слова Сумарокова, поставленныя нами въ эпиграфъ настоящаго труда: «правописаніе должно быть общее и по естеству дѣла, и по существу слова». Главнымъ орудіемъ къ исполненію этого вполне законнаго требованія должна быть школа, — построенное на правильныхъ основаніяхъ обученіе молодежи чтенію и письму. Дѣло науки — руководить школу. Наука постоянно развивается, и потому естественно, что она должна отъ времени до времени повѣрять свои собственныя рѣшенія, а съ другой стороны не оставлять безъ изслѣдованія и утвердившихся обычаемъ правилъ. Мы замѣчаемъ дѣйствительно, что во всѣхъ странахъ орѳографія, благодаря успѣхамъ науки, постепенно измѣнялась. Заимствую изъ брошюры г. Лефмана слѣдующій краткій очеркъ такихъ переменъ. Греческіе языковѣды въ 5-мъ столѣтіи установили іоническій алфавитъ, въ которомъ устранены *коппа* и *сампи*; рядомъ съ *хи* и *фи* введены *кси* и *пси*, и для отличія долгаго и краткаго *е* приняты двѣ буквы (*ε* и *η*). Арабскіе грамматисты и іудейскіе масореты 9-го и 10-го вѣковъ также исправили и устано-

вили свое письмо. Еще лучше примѣры доставляетъ болѣе близкое къ намъ время. У Итальянцевъ, до 16-го столѣтія, держались во многихъ словахъ буквы, совершенно бесполезныя для установившагося произношенія: писали *apto, scripto, octo*, а выговаривали *atto, scritto, otto*. Не ранѣе какъ въ сказанномъ столѣтіи грамматисты (особенно Леонардо Сальвиати) приняли за правило *che la scrittura seguiti la pronunzia* и тѣмъ положили основаніе прекрасной гармоніи между итальянскимъ письмомъ и живымъ словомъ. То же до нѣкоторой степени сдѣлано и въ испанскомъ языкѣ. Такъ и у Французовъ архаическія неумѣстныя особенности письма мало по малу уничтожены, и введенное Вольтеромъ различіе *oi* и *ai* до сихъ поръ удержалось подъ именемъ Вольтеровскаго правописанія, не говоря о другихъ, еще и теперь продолжающихся попыткахъ улучшеній. Конечно, въ консервативной Англіи, гдѣ письмо и произношеніе такъ далеко разошлись, едва ли удастся измѣнить «непріятное и почти до смѣшного неудовлетворительное правописаніе», какъ его называетъ знаменитый оріенталистъ прошлаго столѣтія серъ Вильямъ Джонсъ. Возвращаясь къ правописанію Нѣмцевъ, г. Лефманъ замѣчаетъ, что и у нихъ давно уже началось изгнаніе безобразнаго скопленія согласныхъ и протяженія гласныхъ¹⁾. Конечно, говоритъ онъ, такія излишества позволяли себѣ даже многіе изъ лучшихъ писателей, но они поступали такъ отчасти потому, что не заботились о чистовѣшной сторонѣ своихъ бессмертныхъ созданій, а отчасти и потому, что довѣрялись своимъ издателямъ и наборщикамъ: не надо забывать, что искусство и наука въ жизни народовъ появляются не разомъ. Только изъ науки, не изъ литературы и искусства, могутъ быть почерпаемы законы и правила для простоты и правильности письма; только наука способна дать иногда толчокъ, отъ котораго бы встрепенулась масса пишущихъ, упорно привязанная къ старой привычкѣ и не расположенная приучать глазъ и руку къ новому.

¹⁾ Нѣкогда писали: *unndt, Thischthuch*, и не такъ давно еще стали исчезать формы: *verlohten, Bluhme, Seegen, Schaaf*, и т. п. (Lefmann, стр. 11 и д.)

Такъ и у насъ, въ русскомъ языкѣ, многія употребительныя въ прошломъ столѣтіи и еще позже начертанія словъ отмѣнены въ слѣдствіе успѣховъ науки и общаго образованія. Прежде писали, напр.: *здѣлать*, *щастіе*, *щеть*, *лутче*, *мѣлкій*, *мѣльница*, *читѣтся* (вм. *тщитѣся*), *прозьба*, *истинна*, *протчій*, *порутчикъ*, *присудствоватъ*, *вѣтъ* (вм. *вѣдѣ*), какъ теперь никто уже не пишетъ. Съ другой стороны, однакожь, и звуковое начало брало въ нѣкоторыхъ случаяхъ верхъ надъ производственнымъ (*если* утвердилось вм. *естъли*), или обычай принималъ въ руководство ложныя рѣшенія авторитетовъ: Гречъ, по примѣру Карамзина, сталъ писать *лечитъ*, *лекаръ* вм. *лъчитъ*, *лъкаръ*, и далъ ходъ этой орфографіи ошибочнымъ толкованіемъ, будто глаголь *лечитъ* есть искаженіе слова *лечитъ*¹⁾. Такимъ же образомъ въ недавнее время довольно распространились невѣрныя начертанія: *меткій*, *смета* вм. *мѣткій*, *смѣта*²⁾, или *стоятъ* вм. *стѣютъ*.

Какъ бы ни было, въ орфографіи нашей несомнѣнно происходитъ движеніе подъ двойственнымъ вліяніемъ — науки (представляющей начало этимологическое) и практики (обновляемой нововведеніями, иногда наперекоръ наукѣ). Перваго рода движеніе совпадаетъ съ успѣхами филологіи; движеніе второго рода опредѣляется отчасти развитіемъ живого языка, отчасти не совсѣмъ благопріятными случайностями. Цѣль настоящаго труда заключается вовсе не въ какихъ-либо нововведеніяхъ и даже не въ окончательномъ рѣшеніи всѣхъ спорныхъ вопросовъ нашего правописанія (такая задача была бы слишкомъ смѣла), а въ томъ только, чтобы историческимъ путемъ уяснить мыслящему читателю настоящее состояніе русской орфографіи и способствовать къ большому единообразію письма. Возможное при-

¹⁾ *Лъчитъ* происходитъ отъ общеславянскаго корня *лъкъ*. Ломоносовъ писалъ *лъчитъ*. — Ср. *Корнесловъ* Шимкевича, стр. 135.

²⁾ *Мѣтокъ* не тотъ, кто ловко *метаетъ*, а тотъ, кто хорошо *мѣтитъ*. Очевидно, что и *смѣта* одного корня съ словами: *примѣта*, *замѣтка*, *отмѣтка*. Выговоръ *смѣтка* ничего не доказываетъ, потому что въ народной рѣчи и ъ иногда превращается въ ѣ: *смѣтливъ* одного происхожденія съ *примѣтливъ*.

ближеніе къ такому единообразію остается весьма желательнымъ не только по теоретическимъ причинамъ, но и по чисто-практическимъ соображеніямъ: ясно, какъ разнорѣчія въ правописаніи неблагопріятны для школы и какъ они неудобны для типографій. Мы очень хорошо понимаемъ, что достигнуть полнаго соглашенія въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ бѣльшей части человѣческихъ дѣлѣ, мало надежды, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаемъ, что всякій безпристрастно ищущій истины охотно воспользуется нѣкоторыми служащими къ разъясненію ея указаніями. Мы желаемъ только облегчить каждому возможность сознательно употреблять то или другое правописаніе, оставаясь послѣдовательнымъ и всегда вѣрнымъ самому себѣ. По опыту извѣстно, что насильственные измѣненія въ орфографіи не удаются, но отмѣна нѣкоторыхъ частныхъ злоупотребленій письма, не смотря на долговременную къ нимъ привычку, легко принимается людьми непредубѣжденными. Мы готовы сами подать въ этомъ примѣръ и принять въ нѣкоторыхъ случаяхъ чужую орфографію, которой до сихъ поръ не держались, если найдемъ, въ пользу ея, убѣдительные доводы.

III.

Для бѣльшей ясности, обратимъ прежде вниманіе на нѣкоторыя характеристическія черты русской фонетики ¹⁾. Въ ней поражаютъ особенно три явленія:

1) Двойное произношеніе согласныхъ (кромѣ гортанныхъ и шипящихъ), означаемое въ концѣ, а иногда и въ серединѣ словъ, знаками ъ и ь, изъ которыхъ первый уподобляетъ прираженный звукъ сокращенному о, а второй сокращенному е или и. Извѣстно, что буквы ъ и ь нѣкогда замѣняли гласныя о и е при

¹⁾ Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ только объ образованномъ языкѣ. Особенности нарѣчій въ этомъ отношеніи бесчисленны и къ сожалѣнію еще слишкомъ недостаточно изучены. Полезнымъ пособіемъ по этой части могутъ служить статьи г. Потемни въ *Филол. Запискахъ* (1865 и д.); но такъ какъ насъ теперь занимаетъ письменный языкъ, то мы и не касаемся вовсе діалектическихъ различій.

плавныхъ р и л, но произносились короче другихъ гласныхъ, почему и до сихъ поръ еще онѣ иногда называются *полугласными*¹⁾. Звукъ согласной передъ *еромъ*, явнымъ или подразумеваемымъ, можетъ быть названъ *дебелымъ*, звукъ же передъ *ь* — *тонкимъ* (употребляя терминологию Смотрицкаго и Востокова²⁾). Это двойное произношеніе проникаетъ всю нашу фонетику и имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, отражаясь и на гласныхъ.

2) Произношеніе гласныхъ вслѣдъ за двойными согласными очень характеристично: гласныя могутъ быть сами по себѣ также двойкія: *дебелыя* — а, о, у, и *тонкія* — э, и. Въ произношеніи первыхъ слышится тотъ же толстый или широкій звукъ, который у согласныхъ отмѣчается знакомъ ъ: а = ѡа, о = ѡо, у = ѡу. Изъ тонкихъ гласныхъ только *И* можетъ слѣдовать непосредственно за *дебелой* согласной и тогда произносится широкимъ звукомъ, неизвѣстнымъ и труднымъ для западныхъ Европейцевъ и означаемымъ на письмѣ: *ы* = *ѣи* (*еры* = *ерь* + *и*). Этотъ звукъ только тогда и слышится, когда *и* прислоняется къ *дебелой* согласной; онъ невозможенъ въ началѣ слога, а слѣдовательно и слова.

Къ разряду тонкихъ гласныхъ у насъ обыкновенно причисляютъ также буквы е, ё, ѣ, я и ю; но тутъ есть недоразумѣніе или, по крайней мѣрѣ, неточность: во первыхъ, все это — не простыя гласныя, а *двогласныя* (*йэ, йо, йа, йу*), или, по Ломоносовскому термину, — *потаенныя двогласныя*³⁾; во вторыхъ, только въ основѣ е и ѣ лежитъ тонкая гласная э, въ основѣ же ё, я, ю лежатъ *дебелыя* о, а, у. Поэтому е и ѣ могутъ, пожалуй, быть называемы *тонкими* гласными, но только когда онѣ слѣдуютъ за согласною и произносятся точно такъ же, какъ произ-

¹⁾ Ломоносовъ называлъ ихъ *безгласными*; см. его *Грам.*, §§ 103 и 116.

²⁾ У Ломоносова не находимъ термина для этого двойкаго произношенія согласныхъ; Тредіаковскій называетъ различный звукъ ихъ *отолщеннымъ* (при ъ) и *отонченнымъ* (при ь).

³⁾ Явными двогласными, или и трогласными, онъ считаетъ противоположныя сочетанія тѣхъ же звуковъ: *ай, ей, яй, ой, уй*.

носитъ на этомъ мѣстѣ и буква э, которая тоже можетъ слѣдовать только за *тонкою согласною*.

Дѣло въ томъ, что когда къ тонкимъ согласнымъ (бѣ, вѣ, дѣ и т. д.) прислоняются тяжелыя гласныя а, о, у, то утонченіе согласныхъ передается на письмѣ гласнымъ, и вмѣсто а, о, у пишутся доегласныя я, е, ю; но въ произношеніи слышатся все-таки первыя, въ чемъ легко убѣдиться, если выговаривать гласныя протяженно, напр. *коня* = *конь* — *аааа*, *синѣ* = *синь* — *оооо*, *вело* = *вель* — *уууу* и т. д. Иностранцамъ чрезвычайно трудно усвоить себѣ это произношеніе: непосредственно за согласной они выговариваютъ я, ѣ, ю такъ же, какъ въ началѣ слога, т. е. *йа*, *йо*, *йу*, напр. *конйа*, *синйо*, *велйу*.

Отсюда видно, что за тонкими согласными могутъ слѣдовать всѣ самостоятельныя гласныя¹⁾, но что въ такомъ случаѣ тяжелыя гласныя (а, о, у) принимаютъ видъ соответствующихъ имъ доегласныхъ (я, е, ю), которыя слѣдовательно исполняютъ въ русской азбукѣ двойное назначеніе: въ началѣ слога онѣ сохраняютъ свой самостоятельный звукъ, въ концѣ же или въ серединѣ слога онѣ произносятся какъ тяжелыя и означаютъ, что предшествующая имъ согласная должна выговариваться тонко. Другими словами: слоги *всѣ*, *вся*, *всю* и т. п. должны бы по настоящему писаться такъ: *всѣо*, *всѣа*, *всѣу*.

Отъ показанныхъ выше особенностей происходитъ, что когда послѣ тонкихъ согласныхъ стоятъ тонкія же гласныя (или и доегласныя) э, е, ѣ, и, і, — то образующіеся при этомъ слоги бѣ, вѣ, рѣ, лѣ и т. п. произносятся совсѣмъ иначе нежели такіе же по видимому слоги въ западно-европейскихъ языкахъ. Сравнимъ для примѣра русскія слова: *меньше*, *мѣръ*, *вѣръ*, *сирѣ*, *ли*, *нѣтъ*, *тѣ*, *сѣ* нѣмецкими *menchen*, *meer*, *wer* и французскими *sire*, *lit*, *nette*, *tes*: въ русскихъ словахъ слышится особенное іотированіе гласной буквы, которое происходитъ отъ утонченія предыдущей согласной и котораго вовсе нѣтъ въ подобныхъ же иностранныхъ словахъ.

¹⁾ Т. е. а, э, и, і, о, у; но никакъ не ы, которое не самостоятельно и по самой натурѣ своей никакъ сюда не идетъ.

3) Замѣчательную черту русской фонетики составляет близкое родство между гласными а и о, между я и ё, между е и о, такъ что произношеніе то не ясно отличаетъ каждую изъ нихъ, то замѣняетъ одну другою. Оттого онѣ нерѣдко смѣшиваются и на письмѣ.

Справедливо замѣчаютъ, что буква а безъ ударенія послѣ шипящихъ буквъ ж, ч, ш, щ, а также буква я безъ ударенія въ началѣ слога произносятся почти какъ е, напр. въ словахъ: *жалть, часы, шалить, шадить, явить, яйцо*; но къ тому надобно прибавить, что это только одинъ видъ общаго явленія, въ силу котораго звуки а, я безъ ударенія, послѣ какихъ бы согласныхъ они ни стояли, произносятся не какъ дѣйствительныя а, я, а какъ что-то среднее между а и о, между я и е. Иначе выражаясь, буквы а и о, я и е, когда на нихъ нѣтъ ударенія, произносятся одинаково-неопредѣленно, какъ видно, напр. изъ словъ: *умалять, и умолять, пятакъ, пятно, мятежъ, мету, слеза*. Поэтому неудивительно, что въ одномъ и томъ же словѣ одни пишутъ а, другіе о; таковы, напр., слова: *догорать (догарать), рождать (раждать)* или слова неяснаго происхожденія *тороватый (тароватый), творогъ (тварогъ)* и проч. По родству означенныхъ гласныхъ, такое различіе правописанія не всегда можетъ считаться ошибочнымъ¹⁾. Иногда одно и то же слово, въ разныхъ формахъ или сочетаніяхъ, пишется то съ о, то съ а, напр. *расти, росъ; ростъ, возрастъ; заря, зорю; платить, плотить*.

Сюда же относится частое превращеніе звука е и ѣ (йэ) въ йо или, послѣ тонкой согласной, въ о, что на письмѣ иногда означается начертаніемъ ё. Случаи этого произношенія въ первый разъ были разсмотрѣны, съ надлежащею подробностью, Востоковымъ²⁾; но такъ какъ здѣсь правила допускаютъ много исключе-

¹⁾ Неясность произношенія русскихъ гласныхъ обнаруживается еще и въ томъ, что въ глагольныхъ окончаніяхъ я часто произносится, какъ ю (ѣздютъ, стоютъ), а въ окончаніяхъ именъ е выговаривается какъ и (цвѣточикъ, папинька, малинкій); но въ этихъ случаяхъ замѣна неправильна и на письмѣ не должна отражаться.

²⁾ Въ книгѣ И. Борна: *Краткое руководство къ Росс. словесности*, стр. 3—6.

ній, то я замѣчу только, что превращеніе е, а иногда и ѣ въ ё особенно свойственно народному говору и рѣдко сообщается словамъ книжной рѣчи, такъ что изъ двухъ словъ того же корня только народное принимаетъ это видоизмѣненіе, напр. изъ словъ *предметъ* и *подметки*, одинаково происходящихъ отъ глагола *метать*, только послѣднее представляетъ превращеніе е въ ё. Нѣкоторыя слова въ этомъ отношеніи произносятся различно въ народѣ и въ образованномъ языкѣ, напр. *крестъ*, *смертный народъ* выговариваетъ: *крѣстъ* (или *хрѣстъ*), *смѣртный*.

IV.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній намъ легче будетъ говорить о правописаніи, какъ изображеніи звуковъ. Начнемъ съ происхожденія нашей гражданской грамоты и прослѣдимъ главныя измѣненія въ ходѣ развитія употребительной нынѣ орѳографіи, а также и разныя попытки преобразованій въ нашемъ алфавитѣ.

Составленіе гражданской азбуки по видимому произошло не вдругъ, а постепенно. Объ изобрѣтеніи ея и первоначальномъ введеніи сохранилось, къ сожалѣнію, очень мало извѣстій. Дѣтъ десять тому назадъ высказана была догадка, что въ образованіи гражданской печати важное участіе принималъ справщикъ московской духовной типографіи Поликарповъ; но ученая критика не подтвердила этого предположенія и напротивъ замѣтила, что первые начатки гражданской азбуки появляются ранѣе того времени, къ которому обыкновенно относятъ ея происхожденіе: именно указано было на напечатанное въ 1699 году амстердамское изданіе Ильи Копьевича «Поверстаніе круговъ небесныхъ», гдѣ особенно курсивъ представляетъ поразительное сходство съ нынѣшними буквами ¹⁾. И въ другихъ голландскихъ изданіяхъ уже замѣтна отчасти та круглота и чистота шрифта, которая позднѣе, въ москов-

¹⁾ *Наше Время* 1860, № 10, стр. 159: «Историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи» (г. Арсеньева?) по поводу статьи г. Безсонова «Типографская бібліотека въ Москвѣ» (*Р. Бесѣда* 1859, V).

скихъ книгахъ новой печати, такъ правилась Тредіаковскому. Вниманія заслуживаетъ, напр., напечатанная въ 1700 году книжка «Краткое собраніе Лва Миротворца показующее дѣль воипскихъ обученіе». Здѣсь заглавіе набрано отчасти капителью, отчасти курсивомъ, въ которомъ многія буквы мало отличаются отъ нынѣшнихъ, а на послѣдней страницѣ книги слово *Конецъ* напечатано крупнымъ шрифтомъ, въ которомъ всѣ буквы, кромѣ латинскаго N, совершенно сходны съ введенною впоследствии гражданскою азбукою. Такіе образцы новаго для глазъ шрифта вѣроятно поражали Петра В. и подали ему первую мысль преобразованія церковной печати для свѣтскихъ изданій. Однимъ изъ главныхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ, кажется, считать Копьевича, который въ 1700 году завелъ въ Амстердамъ свою собственную типографію, «самъ единъ труждающійся и въ строеніи книгъ, и въ друкарнѣ, обучая мастеровъ въ сидевомъ дѣлѣ». По его же указаніямъ могъ быть подготовленъ и новый шрифтъ въ Голландіи¹⁾. Тредіаковскій говоритъ, что Петръ, видя красивую печать европейскихъ книгъ, пожелалъ имѣть такую же и въ русскихъ изданіяхъ. Поэтому онъ кому-то поручилъ составить образецъ гражданской азбуки и отправить ее въ Амстердамъ для вылитія тамъ новаго шрифта, который въ 1708 году и былъ привезенъ въ Москву.

Какъ бы то ни было, достоверно одно, что съ 1708 г. этимъ шрифтомъ стали печататься книги въ Россіи. Показанія Тредіаковского о постепенныхъ измѣненіяхъ въ гражданской азбукѣ оказываются не совсемъ точными. Такъ онъ несправедливо утверждаетъ, будто новый *друкъ*, въ которомъ не было и, з, v, оставался безъ всякихъ перемѣнъ до 1716 года. Измѣненія начались уже въ 1710 году, но здѣсь бесполезно было бы входить въ по-

¹⁾ Пекарскаго *Наука и Лит. при Петрѣ В.*, I, 16, 18. Копьевичъ возвратился въ Россію около 1707 года; вмѣстѣ съ Тредіаковскимъ можно полагать, что отлитіе новаго шрифта произошло по меньшей мѣрѣ за годъ до привоза его въ Москву; самое же образованіе буквъ и изготовленіе матрицъ должно быть отнесено еще къ болѣе раннему времени. По преданію, сообщенному Евгеніемъ Болховитиновымъ, гражданская азбука изобрѣтена самимъ Петромъ Великимъ около 1704 года (Сл. дух. писат., II, 277).

дробности ихъ ¹⁾. Замѣтимъ только, что по словамъ Тредіаковскаго, въ 1733 году былъ вылитъ новый шрифтъ (нѣсколько продолговатѣе прежняго) для напечатанія, при Академіи наукъ, перевода «Меморій или записокъ» Сень-Реми объ артиллеріи. Тредіаковскій же говоритъ, что въ 1735 году изгнана буква *z* (зѣло), а восстановлена *z* (земля), которая съ тѣхъ поръ и удержалась; отмѣнены *у* (ижца) и *ξ* (кси); прибавлены *й* и *э* (последняя впрочемъ встрѣчается уже и ранѣе²⁾); наконецъ тогда же определено слова, имѣющія двойное значеніе, отмѣчать знакомъ ударенія. Благодаря разысканіямъ Пекарскаго, мы знаемъ теперь, что эти нововведенія сдѣланы были по распоряженію Академіи наукъ, типографія которой въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій была единственною въ Россіи для печатанія книгъ гражданскимъ шрифтомъ. Новая азбука была окончательно установлена учрежденнымъ при Академіи «Россійскимъ собраніемъ» и сообщена въ руководство типографіи двумя записками Тауберта и Шумахера ³⁾. Въ этой азбукѣ являлись, между прочимъ, два знака (*и*, *і*) для звука *і* (не считая *й*, какъ отличающагося особымъ произношеніемъ и потому не лишняго). Изъ нихъ *і* долго писалось не только передъ гласными, но и для означенія этого звука въ иностранныхъ словахъ. Различное употребленіе обоихъ знаковъ, смотря по тому, слѣдуетъ ли за ними гласная или согласная, установилось, какъ увѣряетъ

¹⁾ Въ первопечатныхъ книгахъ 1708 года мы дѣйствительно находимъ только *ı* (палочку безъ точки) и *z* (зѣло), но уже въ 1710 появляются:

і (съ двоеточіемъ), начертаніе, которое оставалось въ нашей печати чуть ли не до начала нынѣшняго столѣтія;

и въ трехъ случаяхъ: 1) въ сочетаніи двухъ *і* (*їи*); 2) въ началѣ русскихъ словъ и 3) въ концѣ словъ. Такъ въ заглавіи одной книжки 1710 г. мы читаемъ: «Инструкціи и артикулы военные надлежащіе къ россійскому флоту».

z (земля) во всѣхъ случаяхъ, вмѣсто отмѣненнаго *z* (зѣло).

д для означенія звука *д*.

Въ Географіи, напечатанной также въ 1710 году, *z* очень рѣдко появляется вмѣсто *z*; а *і* только передъ гласною и для означенія соединительнаго союза; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, и даже въ иностранныхъ словахъ стоитъ *и*, недостаетъ только *й*. Тутъ же встрѣчаемъ уже и *э*.

²⁾ См. предыдущее примѣч. *Ижца* вскорѣ опять была принята въ азбуку.

³⁾ *Исторія Акад. Наукъ* II, 639.

Тредіаковскій, съ 1738 года¹⁾. По свидѣтельству Ломоносова, і осталось въ употребленіи только для того, «чтобы частое стеченіе подобныхъ буквъ непріятнымъ видомъ взору не казалось противно и въ чтеніи запинаться не принуждало²⁾».

Съ тѣхъ поръ составъ нашего алфавита уже не измѣнялся (за исключеніемъ развѣ того, что у, ижица, почти совершенно вышла изъ употребленія). Попытки нѣкоторыхъ писателей усовершенствовать эту азбуку прибавленіемъ недостающихъ буквъ или исключеніемъ лишнихъ, остались безуспѣшными. Одно только нововведеніе было нѣсколько счастливѣе, именно двоеточіе падъ е для означенія извѣстнаго произношенія этой буквы, да и оно все рѣже и рѣже встрѣчается въ нашемъ письмѣ.

Въ первое время по установленіи русской гражданской азбуки замѣчательны орфографическія соображенія трехъ главныхъ писателей, знаменитыхъ современниковъ — Тредіаковского, Ломоносова и Сумарокова.

Тредіаковскій написалъ по этому предмету цѣлую книгу, которая и была напечатана предлагаемою имъ орфографіею³⁾. Его нововведенія состоятъ въ слѣдующемъ: онъ вовсе не употребляетъ буквъ: и, э, щ, ѳ, з, и вмѣсто ихъ ставитъ: і, е, шч, ф, s; послѣдняя, по его мнѣнію, красивѣе з и болѣе отвѣчаетъ цѣли Петра Великаго сблизить русскую азбуку съ латинскою. Кромѣ того, для означенія іотированнаго звука е и ѣ въ началѣ слога или слова онъ употребляетъ форму прописной буквы Е, и такимъ образомъ пишетъ, напр. *Есть* (не отличая *Есть* отъ *ѣсть*), *двое* и т. п. Въ другихъ случаяхъ онъ, однакожъ, оставляетъ неприкос-

1) Относительно употребленія і въ древнихъ рукописяхъ И. И. Срезневскій замѣчаетъ: «і замѣняло въ древности и только случайно или по недостатку мѣста; но потомъ стали употреблять его и нарочно и между прочимъ съ двумя черточками (і'), означавшими и написанное, и превратившимися еще позже въ точки (і); иные писцы пытались писать это і послѣдовательно передъ гласными»... Въ печатномъ Апостолѣ 1564 г. обѣ буквы уже употребляются по нынѣшнему (*О Русск. правописаніи. Письмо 1^е. Журн. Мин. Нар. Просв. 1867*).

2) *Росс. Грам.* § 85.

3) «Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскимъ объ орфографіи старинной і новой». Спб. 1748. 464 нум. стр.

новенною букву ѣ, полагая, что она и произношеніемъ отличается отъ е¹⁾. Наконецъ, онъ находитъ букву г годною только для звука, слышимаго напр. въ словахъ *Господь, благо, богатый*; для твердаго же гортаннаго звука въ словахъ *городъ, голодъ, голый* и т. п. предлагаетъ особое видоизмѣненіе этой буквы (Г) подъ названіемъ *голь*. Впрочемъ замѣтимъ, что мысль объ этомъ нововведеніи въ первый разъ высказана была за 17 лѣтъ ранѣе въ русской грамматикѣ, напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ при словарѣ Вейсмана и приписываемой Адодурову. «Иные», говорится здѣсь, «замѣтивъ недостатокъ буквы g, стали изображать ее литерою Г, какъ можно видѣть въ нѣкоторыхъ до сего напечатанныхъ книгахъ. Итакъ было бы желательно, чтобы вошло въ обычай буквою Г всегда означать h, а буквою Г — звукъ g»²⁾. Тредіаковскій въ своемъ *Разговорѣ* вичего не упоминаетъ объ этомъ болѣе раннемъ заявленіи мысли, которую онъ выдаетъ за свою; предлагаемую букву онъ иначе называетъ *гаммою* и поясняетъ, что у нея «верхній кончикъ молоточкомъ сдѣланъ»³⁾. Основнымъ началомъ орфографіи Тредіаковскаго было требованіе, которое онъ горячо отстаивалъ: «писать по звукамъ» (т. е. держаться произношенія). Въ этомъ взглядѣ онъ шелъ такъ далеко, что писалъ напр. *порятку, свѣцкой* (вм. *свѣтскій*), *обрасцы, извѣсно, кресьяне, скушно, книшка* и т. п.

Иначе, но также весьма оригинально, смотрѣлъ на русское письмо Ломоносовъ. Особенно любопытно, что онъ не хотѣлъ вводить въ азбуку нѣкоторыхъ буквъ, которыя самъ употреблялъ п

---

¹⁾ Это утверждаютъ довольно многіе еще и теперь. Но для опроверженія такого взгляда достаточно замѣтить, что если бъ такъ было, то не встрѣчалось бы никакого затрудненія въ употребленіи буквъ ѣ: стоило бы только ссылаться на произношеніе ѣ и е, чтобы заставлятъ отличать ихъ на письмѣ.

²⁾ *Deutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon. St.-Petersburg 1731. Anfangs-Gründe der Russischen Sprache.* — Подтвержденія словъ автора грамматики объ употребленіи въ печати предлагаемой имъ буквы мы не встрѣчали въ книгахъ указываемаго имъ времени. Въ 1731 году Тредіаковскій, только что возвратившійся изъ за границы, жилъ у Адодурова, который въ то время былъ еще академическимъ студентомъ (*Пек. Ист. А. Н.*, I, 504; II, 18).

³⁾ *Разговоръ*. Спб. 1748, стр. 380, 386.

считалъ вообще позволительными въ употребленіи. Это были: і, щ, ѳ, ю (нынѣшнее ё). Относительно двухъ первыхъ онъ объяснялъ, что і произносится одинаково съ и и употребляется только для четкости письма, а щ состоитъ изъ двухъ звуковъ (шч) и «не больше права имѣеть быть въ азбукѣ какъ ѝ и ѱ». Сверхъ того онъ не признавалъ надобности въ буквѣ э даже на практикѣ.

Рѣзкое разногласіе произошло между Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ по возникшему тогда вопросу объ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ въ именительномъ множественнаго числа, которыя до тѣхъ поръ писались въ этой формѣ какъ пошло, то съ е, то съ я во всѣхъ родахъ. Тредіаковскій съ особеннымъ жаромъ доказывалъ, что въ мужескомъ родѣ они должны оканчиваться на ыи (іи), въ женскомъ на ые (іе), въ среднемъ на ія (ія). Ломоносовъ, напротивъ, стоялъ за правописаніе, принятое академическою типографіею, по показанію Тредіаковского, съ 1733 года: въ муж. е, въ жен. и сред. я ¹⁾. Споры о томъ начались между обоими писателями въ Академіи наукъ, еще въ 1746 году. Тредіаковскій сочинилъ тогда и представилъ въ конференцію цѣлое разсужденіе объ этомъ предметѣ, а Ломоносовъ написалъ возраженіе ²⁾. Позднѣе Тредіаковскій, въ *Разговоръ* объ орфографіи, повторилъ съ тою же настойчивостью свои доводы въ пользу придуманныхъ имъ окончаній, которыя (хоть онъ и не упомянулъ о томъ) какъ разъ соответствовали окончаніямъ множ. числа латинскихъ прилагательныхъ: муж. і, жен. ае, сред. а. Напротивъ того, Ломоносовъ, въ своей *Грамматикѣ*, выразился по этому вопросу

---

¹⁾ Тредіаковскій ошибочно утверждаетъ, что эта орфографія уже соблюдена въ книгѣ: *Меморіи или записки артиллерійскія*, соч. Севъ-Реми, перев. съ фр. при его, Тредіаковского, участіи (Спб. 1732 — 1733): на повѣрку выходитъ, что здѣсь прилагательнымъ въ именит. множ. числа окончанія даются совершенно случайно. Вотъ примѣры: *славныя Авторы, станки суть разныя, цѣльные пушки, пороховые ящики, веревки которые, вещей которые*. Кстати, приведу еще нѣсколько образчиковъ правописанія этой книги: *ни одново, такова* (род. п. муж. рода), *о чомъ, щотъ, учоныхъ, щасливъ, очюнь, дватцать, на концеъ* (нарѣчіе), *по нынь*.

²⁾ Искарскаго *Дополн. извѣстія для біографіи Ломоносова*, Спб. 1865, стр. 98—119.

съ замѣчательною умѣренностью: «Е и Я, говоритъ онъ, нерѣдко за едино употребляются, особливо во множ. числѣ прилагательныхъ пишуть *святые* и *святые*. Сіе различіе буквъ Е и Я въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно обоихъ буквъ Е и Я, во всѣхъ родахъ, употребленіе позволяется; хотя мнѣ и кажется, что Е приличнѣе въ мужескихъ, а Я въ женскихъ и среднихъ» ¹⁾).

Построенное на этомъ основаніи правило, какъ оно ни произвольно, такъ утвердилось мало по малу, что стало соблюдаться съ величайшею строгостью и отступленіе отъ него до сихъ поръ считается чуть не признакомъ кругаго невѣжества. Такова-то сила условныхъ соглашеній въ языкѣ: имъ обыкновенно подчиняются съ гораздо большею внимательностью, нежели многимъ дѣйствительнымъ законамъ его. Такимъ же образомъ, напр., немыслимо нарушеніе правила о различномъ употребленіи буквъ и, і. Замѣтимъ однакожь, что въ первое время Ломоносовскому взгляду на окончанія прилагательныхъ не всѣ беспрекословно слѣдовали: между противниками его выдается особенно Сумароковъ, который во всѣхъ трехъ родахъ постоянно писалъ я.

Что касается общаго характера русской орфографіи, то Ломоносовъ опять совершенно расходился съ Тредіаковскимъ. Последний былъ такъ убѣжденъ въ превосходствѣ своей фонетической методы, что твердо вѣрилъ въ будущее торжество ея. «Я не отчаяваюсь, говоритъ онъ, чтобъ въ нѣкоторое время не стали всѣ у насъ (такъ) писать, еше и ученые, изъ которыхъ катонватѣйшіи, позвольте учное слово, наибольше хорохорятся противъ звоновъ» ²⁾. Съ своей стороны Ломоносовъ, на котораго явно мѣтятъ эти слова, выразилъ противоположный взглядъ съ крайнею осмотрительностью, требуя только: «что бы правописание не удалялось много отъ чистаго выговору и что бы не закрылись со всѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій» ³⁾.

¹⁾ *Росс. Грам.* § 112.

²⁾ *Разговоръ объ орфографіи*, стр. 68 и 285 (изд. Смирдина).

³⁾ *Росс. Грам.* § 108.

Относительно буквы Ъ оба писателя были между собой довольно согласны. Тредіаковскій, устами одного изъ своихъ вымышленныхъ собесѣдниковъ, спрашиваетъ: «Для чего бы вмѣсто Ъ не писать вездѣ е?»¹⁾ по рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, опасаясь, что въ противномъ случаѣ «воспослѣдуетъ превелікая гібель чістому нашему выговору, въ премпогіхъ тысячахъ рѣчей»²⁾: ему казалось, что если написать тебе, победа, слава, верная, песнь, оеиство, крепко, то здѣсь звукъ е останется не іотированнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, эта буква имѣетъ двойкій звукъ, т. е. послѣ согласныхъ она выговаривается какъ э и только въ началѣ слоговъ какъ йэ³⁾. Основываясь на этомъ, онъ считалъ необходимымъ сохранить букву Ъ, когда она слѣдуетъ за согласною. Мы уже видѣли, что въ началѣ слоговъ онъ замѣнялъ ее буквою е.

Ломоносовъ отстаивалъ букву Ъ безусловно. По господствовавшимъ тогда понятіямъ, онъ различалъ, въ отношеніи къ выговору, просторѣчіе отъ чтенія и предложенія рѣчей изустныхъ. Несомнѣнное въ наше время тожество произношенія буквъ е и Ъ⁴⁾ признавалось имъ только во вседневномъ говорѣ, да и то не вполнѣ: онъ находилъ, что «буквы Е и Ъ въ просторѣчїи едва имѣютъ чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ въ Е дебелости, въ Ъ тонкости»⁵⁾ (т. е. напр. съ каедры надобно произносить дзѣбзѣлый, бзѣззъ, въ отличіе отъ вседневнаго выговора: дебелый, беззъ, который сближаетъ эти слова съ произношеніемъ бѣлый, бѣззъ). Окончательно Ломоносовъ приходилъ къ такому заключенію: «Нѣкоторые поку-

¹⁾ Разговоръ, стр. 41.

²⁾ Тамъ же, стр. 127.

³⁾ Въ этомъ Тредіаковскій, очевидно, ошибался: буква е можетъ стоять только послѣ тонкой согласной и въ такомъ случаѣ непременно должна іотироваться. Иначе не можетъ произноситься, послѣ согласной, даже и буква э, потому что ей предшествуетъ тонкая согласная, вліяющая на всякую послѣдующую гласную. Доказательствомъ тому можетъ служить русское произношеніе буквы и послѣ согласныхъ сравнительно съ выговоромъ того же звука въ словахъ иностранныхъ. (См. выше, стр. 17).

⁴⁾ См. выше, стр. 23.

⁵⁾ Росс. Грам. § 100.

шались истребить букву Ъ изъ азбуки Россійской ¹⁾. Но сіе какъ не возможно, такъ и свойствамъ Россійскаго языка противно. Ибо ежели безъ буквы Ъ начать писать, а особливо печатать: то 1) тѣмъ, которые раздѣляютъ Е отъ Ъ умѣютъ, не токмо покажется странно, но и въ чтеніи препятствовать станетъ. 2) Малороссіянамъ, которые и въ просторѣчи Е отъ Ъ явственно различаютъ, будетъ противъ свойства природнаго ихъ нарѣчія. 3) Уничтожится различеніе реченій разнаго знаменованія, а сходнаго произношенія, напр. *лечу, летѣть* отъ *льчу, льчить*; *пеню* имя въ винительномъ отъ *пню, пнишь*; *пенъе, пенъевъ* отъ *пнѣе, пнѣя*; *плень*, родительный множественный отъ именительнаго *пленъ*, отъ *плнѣнъ*, то есть *полонѣнъ*, которыя всѣ и другія многія сими двумя буквами различаются» ²⁾.

Между особенностями Ломоносовской орфографіи стоить замѣтить еще слѣдующія начертанія: *расстыятъ, иссушитъ*; *ево, твоево, слѣпова*; *добрый, синей, хорошей* (въ имен. муж. рода единств. ч.), *Василей; дватцать, лутче*.

Не смотря на громкую славу Ломоносова, его правописание ни при жизни его, ни послѣ не сдѣлалось общимъ. Даже въ средѣ Академіи наукъ оно не было вполне принято; такъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Миллера, которыя издавались во все послѣднее десятилѣтіе жизни Ломоносова, является орфографія, не всегда согласная съ его началами. Впрочемъ едва ли можно придавать этому обстоятельству особенное значеніе: оно могло происходить просто отъ недостаточнаго вниманія къ дѣлу, что часто замѣчается и нынѣ: большинство пишетъ по своему крайнему разумѣнію, не слишкомъ заботясь о строгой повѣркѣ своихъ правилъ или своей практики.

Большаго распространенія правописание Ломоносова могло ожидать отъ школы; но многіе ли учились по его грамматикѣ, да и каково было ученіе? Съ другой стороны, распространенію Ломоносовскихъ правилъ мѣшала литературная вражда. Извѣстно,

¹⁾ Это замѣчаніе доказываетъ, что гоненія на букву Ъ начались очень давно.

²⁾ *Русс. Грам.* § 114.

какова орфографія Сумарокова въ изданіяхъ его сочиненій; не лучше она и въ его рукописяхъ, какъ видно, напр., изъ его писемъ къ И. И. Шувалову¹⁾). Но хотя онъ и плохо зналъ употребленіе буквы ѣ, хотя и вообще писалъ небрежно, однакожь любилъ разсуждать о правописаніи и посвятилъ ему три статьи: одну въ видѣ наставленія «типографскимъ наборщикамъ»²⁾ и двѣ по поводу появленія постороннихъ трудовъ объ этомъ предметѣ³⁾. Книжка, вызвавшая первую рецензію Сумарокова, намъ неизвѣстна: онъ приписываетъ ее своему пріятелю В. (не Баркову ли, переводчику при Академіи наукъ, хорошо знакомому съ грамматикой Ломоносова⁴⁾?). Въ другой критической статьѣ своей Сумароковъ разбираетъ изданную въ 1773 г. при Академіи наукъ брошюру подъ заглавіемъ: «*Опытъ новаго російскаго правописанія*». Подписанныя подъ предисловіемъ ея буквы В. С. означаютъ *Василія Свѣтова*, бывшаго также переводчикомъ при Академіи, издавшаго русскую грамматику и разные переводы. По показанію Евг. Болховитниова, онъ умеръ въ 1787 году, къ которому относится также 2-е изданіе его книжки о правописаніи. Въ его трудахъ обнаруживается рѣдкое для того времени пониманіе законовъ языка, такъ что въ исторіи русскаго слова и письма нельзя забыть Свѣтова. Сумароковъ, разбирая его книжку, справедливо одобряетъ многія его мнѣнія, иногда же высказываетъ и свои собственныя. Во всѣхъ трехъ орфографическихъ статьяхъ своихъ онъ, съ свойственнымъ ему задоромъ, безъ всякаго систематическаго порядка, повторяя по нѣскольку разъ одно и то же, предлагаетъ то правила, не выдерживающія никакой критики, то весьма разумныя замѣчанія, показывающія инстинктивную лингвистическую смѣтливость. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ опирается на потомство, и потомство оправдало его. Такъ онъ отвергаетъ Ломоносовское правило писать въ муж. родѣ един. ч. *синей*, *зо-*

1) *Записки Акад. Наукъ*, т. I.

2) Полное собраніе всѣхъ соч. Сумарокова, т. VI, стр. 307

3) Соч. Сум., X, 6.

4) Билярскій, *Матер. для біогр. Лом.*

рошей, Василей, вм. синій, хороший и т. д., хотя это правило и было совершенно послѣдовательно при тогдашней орѳографіи муж. р. доброй, знатной, вм. добрый, знатный. Вмѣстѣ съ Свѣтовымъ Сумароковъ осуждаетъ употребленіе въ иностранныхъ словахъ і вм. и (напр. історія), форму январь вм. январь, всео вм. все, щастіе вм. счастіе, а относительно словъ, оканчивающихся на ж, ч, ш, щ совѣтуетъ принять въ основаніе лёгкое правило, что имена мужскія этихъ окончаній пишутся съ ъ (ножь, мечъ), а женскія — съ ь (ложь, вещь).

Сумароковъ возставалъ также противъ излишества прописныхъ буквъ въ началѣ словъ, замѣчая, что мы «великостью литеръ и Нѣмцевъ перещеголяли»... Въ старицу, по словамъ его, «кромѣ начала статьи, нигдѣ не ставливались большія литеры, ниже во имени Божіемъ. Сіе нестритъ письма наши; да и на что то введено, въ чемъ кромѣ безобразія ничего нѣтъ?... Чтожъ до собственныхъ прилагательныхъ надлежитъ, такъ я ихъ малыми литерами начинаю: а ставятъ въ отсутствіи моемъ ихъ большими наборщики, думая, что я въ моей рукописи ошибся»¹⁾. Но въ то же время онъ такъ же безуспѣшно, какъ Ломоносовъ и Тредіаковскій, преслѣдовалъ букву э, которая всѣмъ имъ казалась лишнею: «Вошла было въ нашу азбуку», говоритъ Сумароковъ, «страшная литера для изъясненія словъ чужихъ; однако сей пришлецъ выгнанъ»²⁾. Такъ рѣшилъ и Свѣтовъ въ своей книжкѣ, но на практикѣ э удержалось. Что касается ѳиты, исключенной изъ азбуки Ломоносовымъ, то Сумароковъ, напротивъ, ее отстаивалъ, находя, будто она «произносится, хотя и не такъ какъ у Грековъ, но гораздо нѣжняе нежели ф». По этому-то поводу онъ передаетъ разговоръ свой съ знаменитымъ своимъ противникомъ: «Спрашивалъ я г. Ломоносова, ради чего онъ ф, а не ѳ оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ тако: *Esta de литера стоитъ подпершия, и слѣдовательно бодряе: отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ*»³⁾.

1) Соч. Сум., X, 35, 36, 45.

2) Соч. Сум., VI, 314.

3) Соч. Сум., X, 10 и 48.

Сумароковъ не понималъ мысли Ломоносова, что такъ какъ обѣ буквы произносятся совершенно одинаково, то нѣтъ надобности для одного и того же звука имѣть два разные знака. Букву щ онъ терпѣлъ только по давности ея употребленія (такъ какъ для него главнымъ началомъ орфографіи было писать такъ, какъ писали «наши разумные предки»¹⁾), но собственно онъ предпочиталъ ич. По тому самому у него вообще не лежало сердце къ гражданскому письму; онъ признавалъ большимъ неудобствомъ существованіе у насъ двухъ азбукъ и находилъ, что мы *нечувствительно* «отошли отъ несвойственнаго намъ латинскаго начертанія» (принятаго за образецъ Петромъ Великимъ) «и пристали къ своему, данному намъ отъ Грековъ, откуда и Римляне свое начертаніе получили, и прилѣпилися мы къ подлиннику, отставъ отъ преображеннаго списка»²⁾. Здѣсь онъ разумѣлъ преимущественно замѣну буквы *эло* (s) *землею* (z). Такое ученіе Сумароковъ проводилъ главнымъ образомъ, конечно, *par esprit de contradiction*, наперекоръ Тредіаковскому и особенно Ломоносову, увѣряя, что грамматика послѣдняго построена на основаніи провинціализмовъ, то холмогорскихъ, то малороссійскихъ. Замѣчательно вѣрно, однакожь, смотрѣлъ Сумароковъ на законы сочетанія нашихъ согласныхъ съ слѣдующими за ними гласными и уже понималъ, что начертаніе послѣднихъ зависятъ отъ того, есть ли предыдущая — *тупая* (напр. бѣ), или *острая* (напр. бѣ); въ послѣднемъ случаѣ онъ правильно рассуждалъ что бѣ есть не что иное какъ бѣа, что въ сущности намъ не нужно буквы іо (т. е. йо или позднѣйшаго ё), потому что «когда она необходима, такъ мы ее легко изобразить можемъ и писати *Альона, Семьонъ*³⁾, а слова, какъ напр. *ежъ*, можемъ мы писати *йожъ, Йокаста, Йокаста*... но, прибавлялъ онъ, труднее новости вводить, нежели выводить». Равнымъ образомъ онъ утверждалъ, что послѣ буквы і наши чистыя глас-

¹⁾ Тамъ же, 32.

²⁾ Тамъ же, 11.

³⁾ Въ наше время нѣкоторые неправильно пишутъ: *милльонъ, баталльонъ* вм. *милліонъ, баталіонъ* или *батальйонъ*, забывая, что *милльонъ* = *милль—онъ*, т. е. *миллѣнъ*.

ныя а и у не могутъ оставаться безъ придыханія, почему и писалъ *Діана, театръ*, какъ всѣ мы пишемъ: *матерія, Азія* или *іюнь, іюль* (не *іунь, іуль*); но здѣсь онъ былъ не совсѣмъ правъ, какъ показываютъ слова: *Нуза, поэтъ, Сіонъ* и др. Съ особенною настойчивостью онъ доказывалъ произвольность окончанія е, принятаго для прилагательныхъ муж. рода въ именит. падежѣ множ. числа. «Никто, говоритъ онъ по этому поводу, правила сего не устанавливалъ» (ср. выше, стр. 481, необязательное предложеніе Ломоносова); «но невѣжествомъ ввезено въ нашъ языкъ, ко трудности и ко безобразію онаго»¹⁾. — «Вы скажете, такъ пишутъ нынѣ. Кто такъ пишетъ нынѣ? Всѣ, вы скажете. Право не всѣ, ибо не всѣ еще симъ заражены, и никогда не заразятся, а то, что не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, стоять не можетъ»²⁾. Въ этомъ Сумароковъ жестоко ошибся: и его правило въ наставленіи наборщикамъ: «имена прилагательныя кончаются у меня во множественномъ всѣхъ родовъ въ именительномъ падежѣ на я», осталось одною изъ сознательныхъ особенностей Сумароковской орфографіи; осуждаемое же имъ правило сдѣлалось свято соблюдаемымъ закономъ. Браня Ломоносова, Сумароковъ однакожъ наивно жалуется на порчу языка по смерти великаго писателя. Въ своемъ обращеніи къ нему, онъ между прочимъ восклицаетъ: «Были врали и при жизни твоей; но было ихъ и мало, и были они поскромняе; а нынѣ они умножилися за грѣхи своихъ прародителей; и такъ пишутъ они, что бы имъ и стѣнѣ стыдиться надлежало; а они и просвѣщенныхъ людей не стыдятся» и т. д.³⁾. Любопытно замѣчаніе Сумарокова, что Ломоносовъ ужаснулся бы, если бъ увидѣлъ, какъ по смерти его печатаютъ его сочиненія, слѣдуя въ нихъ такому правописанію, котораго онъ не могъ бы одобрить (*возтокъ, источникъ*⁴⁾). Для противодѣйствія искаженію языка онъ взываетъ къ Адаурову, Теплову, Полѣтикѣ, осо-

¹⁾ Соч. Сум., X, 29.

²⁾ Тамъ же, VI, 309

³⁾ Тамъ же, X, 25.

⁴⁾ Тамъ же. (Ср. *Росс. Гр.*, § 123). — Извѣстно, что въ этомъ обвиняютъ Козодавлева, подъ надзоромъ котораго печатались при Академіи соч. Ломоносова.

бенно же къ Козицкому и Мотониусу; онъ жалѣетъ, что нѣтъ ученаго общества, которому бы поручено было охраненіе языка, и что въ школахъ не учатъ ни правописанію, ни грамматикѣ¹⁾.

Дѣйствительно, послѣднее изъ этихъ обстоятельствъ еще долго оставалось препятствіемъ къ распространенію у насъ болѣе правильнаго и однообразнаго письма. Съ 1770-хъ годовъ начали появляться краткіе учебники грамматики и правописанія, но съ одной стороны недоставало хорошихъ учителей и разумныхъ методъ преподаванія, съ другой большинство пишущихъ лишено было всякаго школьнаго образованія. «Наука», справедливо замѣчаетъ г. Буличъ, «была тогда достояніемъ немногихъ; она сосредоточивалась только въ Академіи и Московскомъ университетѣ и находилась въ рукахъ иностранцевъ, не умѣвшихъ писать по-русски»²⁾. Свѣтовъ жалуется на множество людей, «которые по худымъ примѣрамъ и по закоренѣлой къ неправому письму привычкѣ пишутъ безразсудно, каковыми, прибавляетъ онъ, я почитаю большую часть поддьячихъ»³⁾. Просматривая тогдашнія изданія и особенно рукописи, мы находимъ, однакожъ, что тотъ же упрекъ падаетъ и на большую часть не только высшихъ должностныхъ лицъ, но и писателей. Вспомнимъ, напр., какъ писали Бецкой и Державинъ. Нѣкоторые писатели не могли являться въ литературѣ съ своею собственной орфографіей и при печатаніи своихъ трудовъ обращались къ помощи другихъ. Такое положеніе дѣла продолжалось еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи; Карамзинъ въ своей запискѣ о древней и новой Россіи (стр. 2259⁴⁾) говоритъ: «Въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человѣкъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе». Периодическія изданія уже и въ прошломъ столѣтіи представляютъ большое разнообразіе орфографій. Особенною обдуманностью ея отличалась *Всякая Всячина* (1769) Козицкаго,

¹⁾ Тамъ же, 14, 37 и 56.

²⁾ *Сумароковъ и современная ему критика*. стр. 221.

³⁾ *Опытъ нов. правописанія*, 4.

⁴⁾ По изданію *Русскаго Архива*.

котораго не даромъ хвалилъ Сумароковъ за знаніе языка ¹⁾). Козицкій, по свидѣтельству ученика его, Свѣтова, называющаго его великимъ витіей, также написалъ сочиненіе о русской орѳографіи, оставшееся неизданнымъ ²⁾). О тогдашнемъ нашемъ правописаніи, Свѣтовъ замѣчаетъ: «Оно подвержено многимъ изъятіямъ, великимъ несогласіямъ, сомнѣніямъ и трудностямъ, такъ что каждый почти писатель или переводчикъ отличенъ чемъ ни будь въ правописаніи отъ другаго» ³⁾). Къ этому надобно прибавить, что даже въ каждомъ отдѣльномъ періодическомъ изданіи рѣдко соблюдалось однообразное правописаніе. Хотя нѣкоторые изъ этихъ изданій и печатались подъ надзоромъ одного лица (такимъ былъ напр. Козодавлевъ при *Собесѣдникѣ* княгини Дашковой), однакожь почти во всякой статьѣ замѣтны различія, зависящія конечно отъ особенностей письма авторовъ.

Вотъ нѣсколько образчиковъ орѳографіи *Собесѣдника*: *совсемъ, ково, отъ нее, знатной* (муж. р.), *младшей* (также), *нравственныя доводы*, и рядомъ съ тѣмъ *какіе мѣса, предметъ, присуствоватъ, свидѣнія, если*, а въ другихъ случаяхъ *естли, поручикъ, предметъ, ситъ* (вм. вѣдь), *что бы, на конецъ, Эйлеръ, эй* (т. е. э употреблялось, хотя тутъ же встрѣчаемъ *поезія*).

Любопытно, между прочимъ, что въ то время существовало во многихъ случаяхъ двойное правописаніе, одно для просторѣчія, другое для *штиля* (т. е. высокаго слога): «Кажется, говоритъ Свѣтовъ ⁴⁾), что въ высокомъ слогѣ высокія особливо слова лучше кончить на ый, ій, оставивъ окончанія ой, ей просторѣчію и низкому, каковъ Комической, роду сочиненія». Этому правила при-

¹⁾ Не разъ онъ въ этомъ смыслѣ упоминаетъ о Козицкомъ и Мотонисѣ; см. напр. его *Соч.* X, 53.

Вотъ нѣсколько примѣровъ правописанія *Всякой Всячины*: того (не тово), никакого, какій, честный, сомнѣніе (впрочемъ иногда и сумнѣніе), исчезли, если (не естли); въ нѣкоторыхъ случаяхъ Козицкій конечно писалъ не такъ, какъ пишутъ нынче, напр. по томъ, въ прочемъ (но не протчемъ), рускій, вышій, истипна. Буквы э и онъ не употреблялъ.

²⁾ Вѣроятно, рѣчь идетъ о Козицкомъ въ *Опытѣ нов. правопис.*, стр. 5.

³⁾ *Опытъ нов. правопис.*, 7.

⁴⁾ *Опытъ*, 17.

держивался еще и Карамзинъ (см. его *Письма къ Дмитріеву*), употребляя то или другое окончаніе, смотря по предмету, о которомъ онъ говорилъ. По этой же причинѣ, въ «Письмахъ Русскаго Путешеств.» (*Моск. Журналъ*) онъ писалъ *этова*, а другія прилагательныя въ род. пад. муж. р. ед. ч. обыкновенно оканчивалъ на *аго*. Это напоминаетъ, что еще не такъ давно подобныя правила соблюдались иногда и въ произношеніи; такъ въ высокомъ слогѣ не позволялось говорить *Пётръ* вм. *Пэтръ*. «Неопредѣленныя склоненія, утверждалось такимъ же образомъ, кончить на ти можно въ высокихъ рѣчахъ, и чемъ ближе глаголь Словенскому свойству подходитъ, тѣмъ сіе окончаніе слуху пріятнѣе ставится, напр. *вѣщати, глаголати*»¹⁾. Согласно съ этимъ поступалъ даже и Козицкій во *Всякой Всячинѣ*. Надобно однакожь замѣтить, что Ломоносовъ съ обыкновеннымъ своимъ филологическимъ тактомъ отвергъ окончаніе ти въ глаголахъ²⁾ и что въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, его послѣдователи не воспользовались его примѣромъ. Это окончаніе глаголовъ не встрѣчается и въ *Вѣсельныхъ сочиненіяхъ* Миллера, хотя названное изданіе, какъ уже было замѣчено, не во всемъ слѣдовало Ломоносову. Вотъ нѣкоторыя черты орфографіи этого замѣчательнаго журнала: *рассужденіе* (по правилу Ломон.), *прямою, святаго, пріятна, нужная, причина, прочимъ* (и въ то же время *въ прочемъ*), *въ низъ, въ верхъ, на статуахъ, аудіэнція, искусство, рѣма, титифія*. На всѣхъ словахъ однозвучныхъ, но имѣющихъ различное удареніе, даже только въ разныхъ падежахъ, ставились *силы*, напр. *начало, стоить, потѣмъ*.

Изъ всего сказаннаго видно, что орфографія наша въ первыя десятилѣтія по смерти Ломоносова далеко не установилась. Нѣкоторыя слова писались просто неправильно; на счетъ другихъ были разныя мнѣнія. Иныя неправильности озабочивали грам-

1) *Опытъ* Свѣтова, 26.

2) См. его *Грамматику*, § 115, гдѣ онъ говоритъ, что буква и «отъ окончанія неопредѣленныхъ глаголовъ и отъ втораго лица единст. ч. давно отставлена»

матистовъ, которые однакожъ надѣялись, что опѣ со временемъ исчезнутъ. Такъ Свѣтовъ¹⁾ жаловался, что у насъ названія мѣсяцевъ искажены (*октябрь* вм. *октоврїй*, *ноябрь* вм. *ноемврїй*, *февраль* вм. *февруарїй*), не замѣчая, что тутъ дѣло идетъ уже не о правописаніи, а о своеобразномъ произношеніи усвоенныхъ языкомъ, по его духу, названій. Поэтому, надежда его на будущее могла исполниться, и дѣйствительно исполнилась только въ отношеніи къ названію *января*, котораго другое написаніе *генварь* ему не пришлось. «Надобно, прибавляетъ опѣ, исподоволь и по легоньку вводить въ употребленіе таковыя новости. Можетъ быть, со временемъ испорченныя простымъ и обыкновеннымъ выговоромъ слова не странно будетъ писать по настоящему ихъ произношенію». Въ самомъ дѣлѣ, во многихъ случаяхъ, гдѣ ошибки являлись только въ правописаніи, опѣ въ послѣдствіи исчезли, хотя и очень медленно, такъ что напр. слово *генварь* еще и нынче нѣкоторыми, но уже весьма немногими, пишется по старому.

Въ старинныхъ журналахъ нашихъ остались слѣды того, что спорные вопросы орѳографїи не всегда обсуживались хладнокровно. Такъ въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненїяхъ* 1787 года²⁾, въ «Разсужденіи о стихотворствѣ россійскомъ» читается фраза: «не напрасно проименуются педантами или сими школьными упрямыми, которые за единую Ѳ объявляютъ кровавую брань своему ближнему». По временамъ эти споры вызывали въ періодической литературѣ замѣтки или предложенія перемѣнъ. Въ *Собраніи Новостей* 1775 года, журналѣ, который впрочемъ не щеголялъ орѳографїей, помѣщена довольно обширная статья безъ подписи³⁾, присланная, по показанію редакціи, изъ Ярославля, подъ заглавіемъ: «Опытъ о языкѣ во общѣ (sic) и о россійскомъ языкѣ». Она раздѣлена на неболшія главы, изъ которыхъ одна посвящена замѣчаніямъ «о нѣкоторыхъ буквахъ и правописаніи». Какъ вся статья, такъ и эта глава, содержатъ въ себѣ большею частью не-

¹⁾ *Опытъ*, 27.

²⁾ Ч. X, апрѣль, 38.

³⁾ Октябрь, 58—79.

удачныя, отчасти даже нелѣпыя, но тѣмъ не менѣе любопытныя мысли. Такъ напр. авторъ предлагаетъ: вмѣсто новой буквы э, которую вообще преслѣдовали, писать 'е съ точкой наверху (é), и такую же точкой отмѣчать букву о, когда она произносится какъ а; далѣе онъ предлагаетъ вовсе не употреблять буквъ щ, ѣ, ъ и ѵ, какъ ненужныхъ по его мнѣнію, а вмѣсто ихъ ставить шч, е, ф, и. «Но языкъ нашъ», говоритъ онъ, «имѣетъ нужду въ буквѣ іо, которую надлежитъ употреблять на письмѣ согласно съ произношеніемъ словъ». Въ концѣ статьи авторъ выразилъ весьма дѣльное желаніе, «чтобы въ Россіи, по примѣру другихъ просвѣщенныхъ народовъ, составленъ былъ Словарь, съ опредѣленіемъ точныхъ понятій на каждое слово». Желаніе это около того же времени высказывалось и другими. Незадолго передъ тѣмъ, въ *Собраніи Новостей* ¹⁾ напечатанъ былъ планъ русскаго словаря, задуманный обществомъ «нѣкоторыхъ партикулярныхъ людей, любителей наукъ словесныхъ»: предполагалось составить его съ толкованіями на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ языкахъ и въ то же время приготовить словари этихъ языковъ съ русскимъ; смѣлые предприниматели намѣревались периодически (черезъ каждые два года) напечатать въ небольшомъ числѣ экземпляровъ три изданія, съ тѣмъ чтобы напередъ вызвать замѣчанія свѣдущихъ людей, и надѣялись окончить все предпріятіе въ 5 или 6 лѣтъ. Разумѣется, что оно такъ и осталось предпріятіемъ ²⁾. Около того же времени, въ октябрѣ 1779 года, въ

¹⁾ Сентябрь, стр. 115.

²⁾ Мы не знаемъ, кто были эти лица, но вотъ нѣкоторое указаніе на нихъ. Въ началѣ 1778 года Фонъ-Визинъ писалъ изъ Монпелье къ Я. И. Булгакову: «А propos! Я вижу, что и лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденіи. Поевивальная бабушка, то есть Даниловскій, плохо его принимаетъ. Я считалъ его за половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спала ли у него охота. Я купилъ уже le Grand Vocabulaire. Въ маѣ онъ его вѣрно получитъ; но если молодецъ лѣвится, то пожалуйста, по привозѣ le Grand Vocabulaire, продайте его и деньги ко мнѣ переведите.» (Соч. Д. И. Фонъ-Визина, Спб. 1866, стр. 273). Какой-то Даниловскій около 1783 былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гагѣ; въ Смирд. *Ростиси* значится Іоакимъ Евоимъ Даниловскій, который въ 1812 и 1814 г. напечаталъ два учебника. по географіи и по французскому языку.

Академическихъ Извѣстіяхъ (стр. 77) напечатаны «Нѣкоторыя примѣчанія о языкѣ Россійскомъ», подписанныя В. С. (т. е. извѣстнымъ уже намъ Вас. Свѣтовымъ). Мечтая также о русскомъ словарѣ и предлагая нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній (хотя другія конечно отзываются тогдашнимъ младенчествомъ филологіи), онъ въ концѣ статьи говоритъ о Ломоносовѣ: «Онъ же и въ опредѣленіи числа Россійскихъ буквъ и въ раздѣленіи ихъ кажется самъ съ собою не былъ согласенъ. Положивъ нужныхъ буквъ токмо 30, выключилъ изъ алфавита Росс. і, щ и ѳ, кои однако самъ вездѣ употреблялъ. Не смотря на одинакой и и і выговоръ, различается одна отъ другой тщательно въ правописаніи Россійскомъ. Букву щ за тѣмъ не внесъ въ число, что она сложена изъ двухъ письменъ шч или сч; но ежели по сему правилу поступать, то надлежало ему выключить также ц и ч, потому что ц сложена изъ тс или дс, ч изъ тш». Къ примѣчаніямъ приложена особая статейка: «Споръ у буквы и съ і». *Она* рѣшаетъ этотъ споръ слѣдующими словами: «Перестаньте и подите по своимъ мѣстамъ: вы оба въ одно время въ Русь пріѣхали изъ Греціи; только ц и другія нѣкоторыя буквы не нашего поколѣнія». Рѣшеніе *ея* получило силу закона, но только собственное ея существованіе и до сихъ поръ не вполне обеспечено.

Нельзя также оставить безъ вниманія орфографическихъ соображеній Подшивалова, напечатанныхъ послѣ его смерти въ *Трудахъ общества любителей Россійской словесности* (Ч. V, 1816), въ статьѣ: «Чтеніе и письмо» (стр. 82). И онъ полагаетъ, что со временемъ изъ русской азбуки исчезнутъ, какъ ненужныя, буквы: ѳ, и, щ, ъ, э, вмѣсто которыхъ будутъ писать: ф, і, сч, е. Букву й предлагаетъ онъ замѣнить і, а разные случаи употребленія е означать акцентами / \ ^ . Кроме того, онъ считаетъ возможнымъ обойтись безъ ъ и ь, вмѣсто которыхъ можно бы ставить черточки (—) или знакъ апострофа ('), или *ерокъ*. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, азбука наша можетъ быть сокращена до 27-ми или, много, 28-ми буквъ.

Гоненія на букву ъ начались очень рано. Еще Тредіаковскій

въ своемъ «Разговорѣ» упоминаетъ о «нѣкоторыхъ особахъ», которыя хотѣли замѣнить ее надстрочнымъ знакомъ¹⁾). Болѣе рѣшительныя покушенія противъ ера являются въ печати подѣ концѣ прошлаго столѣтія. По распоряженію директора Академіи наукъ Домашнева, въ нѣсколькихъ книжкахъ *Академическихъ Извѣстій* за 1781 годъ печатался безъ этой буквы отдѣлъ: «Показанія новѣйшихъ трудовъ разныхъ Академій». Есть свѣдѣніе, что профессоръ Московскаго университета Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, въ своемъ латинскомъ разсужденіи *De brachygraphia*, предлагалъ выключить ѣ изъ русской азбуки и употреблять на письмѣ, кромѣ того, разныя сокращенія; было ли это сочиненіе напечатано, намъ неизвѣстно; оно не отыскалось ни въ петербургской Публичной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ Московскаго университета²⁾). Но что Барсовъ дѣйствительно желалъ, въ концѣ словъ, обходиться безъ ера, на это есть другія доказательства: въ *Краткихъ правилахъ Россійской грамматики*, учебникѣ, составленномъ имъ для гимназій и изданномъ въ первый разъ въ 1771 году, а потомъ часто перепечатывавшемся, находимъ слѣдующее замѣчаніе: «ѣ значитъ только природное, т. е. дебелое окончаніе согласныхъ и употребляется при нихъ только въ концѣ реченій; хотя оныя буквы тутъ и безъ него не иначе бы выговорены были какъ и въ срединѣ безъ него жъ выговариваются. Напр. въ словѣ *Антонъ* послѣдній складъ *тонъ* не иначе выговаривается какъ и первой

¹⁾ *Разговоръ*, стр. 222. Тутъ надо, вѣроятно, разумѣть главнымъ образомъ Лодурова, который «считается однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, хотѣвшихъ изгнать изъ русскаго алфавита букву ѣ» (Пекар. *Истор. Ак. Наукъ*, I, 506). Самъ Тредіаковскій находилъ, что мы могли бы обойтись безъ ера, и усердно доказывалъ, что ѣ и ѣ не буквы, а только знаки извѣстнаго произношенія, въ чемъ онъ и правъ; но дѣло не въ названіи.

²⁾ Евгенийъ въ своемъ Словарѣ, относя это разсужденіе къ 1790 году, говоритъ, что здѣсь Барсовъ совѣтовалъ также «писать многія русскія слова сокращенно, а нѣкоторыя только одною, двумя или тремя начальными буквами, а особливо имена собственныя и часто повторяемыя существительныя и даже прилагательныя». По біографическому Словарю профессоровъ Моск. университета, эта диссертация была произнесена въ 1768 году. Приношу Н. С. Тихонравову искреннюю мою признательность за его стараніе, хотя и не увѣнчавшееся успѣхомъ, отыскать, по моей просьбѣ, сочиненіе *De brachygraphia*.

Ан, слѣдовательно можнобъ оное слово такъ и писать всегда *Антон*, а потому и всѣ другія согласными буквами оканчивающіяся такимъ же образомъ, какъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ языкахъ, изъ которыхъ ни въ одномъ сего знака нѣтъ, хотя всякой изъ нихъ безчисленное множество словъ на согласныя кончащихся имѣеть; итакъ онъ въ семь разсужденій почти совсѣмъ излишній. Напротивъ того почитается надобнымъ, для отдѣленія согласной, принадлежащей къ первой части сложнаго реченія, отъ гласной, которая принадлежитъ ко второй части онаго, наприм. *объявляю, подъемлю, изыятіе* и проч., дабы не читать *объявляю, подемяю, изыятіе*. Точно такъ же Барсовъ въ грамматикѣ своей признаетъ излишними двѣ греческія буквы ν и θ . О послѣдней онъ отзывается очень категорически: «какъ точное греческое оной буквы произношеніе большей части изъ Россіанъ неизвѣстно и трудно и она у насъ въ выговорѣ никакой не имѣеть разности отъ ϕ , то можно вмѣсто ея вездѣ ϕ писать»¹⁾. Полнымъ образомъ правописанія, какого желалъ Барсовъ, можетъ служить отрывокъ изъ оставшихся послѣ него рукописей, напечатанный Карамзинымъ, съ сохраненіемъ орфографіи подлинника, въ *Московскомъ Журналѣ* 1792 года²⁾, подъ заглавіемъ: «Сводъ бытій российскихъ». Вотъ нѣсколько строкъ оттуда: Словаръ Географическій мѣст, с происшествіями в них случившімися, из коих многіе частные словари в том же отношеніи извлечены быт могут, на прим. Юридическій, ученый, военный, Исторіи Естественной і проч. всеж то с приобщеніем разных списков собрано имрек таким-то, і нѣкоторым новым, сокращеннѣйшим противъ обыкновеннаго образом і способом напечатано»...

Мысль объ изыятіи изъ нашего письма буквыъ, вполнѣ или только въ концѣ словъ, не только повторялась многими, но и осуществлялась по временамъ въ печати, какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи. О новѣйшихъ врагахъ этой буквы упомяну ниже, а здѣсь укажу, кромѣ названныхъ уже Домашева и

¹⁾ *Краткія правила Росс. грамм.* М. 1782, стр. 84—88.

²⁾ Часть VII, стр. 344—347.

Барсова, еще на Чеботарева, Шлецера, Н. Θ. Эмина, Лабзина, Языкова и Измайлова, не говоря о другихъ менѣе извѣстныхъ. Здѣсь же кстати привести заглавія книгъ, въ былое время напечатанныхъ безъ ъ: 1) Ода на заключеніе мира съ Готтами. Н. Эмина. Спб. 1730¹⁾; 2) Кровопрлитная война у Архищыча с'Еремѣвной. Соч. Михаила Бранкевича, М. 1810. (По словамъ г. Генпади, это сатирическая бесѣда, вызваппая войною съ Турками). 3) Дух Эккартегаузена, М. 1810²⁾; 4) Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанные в' 1804 году во время путешествія однимъ Руским. Перевод с Нѣмецкаго (соч. Д. Языкова). Спб. 1808.

Что касается Чеботарева и Шлецера, то ихъ перасположеніе къ буквѣ ъ видно изъ письма послѣдняго къ профессору Московскаго университета Гейму. Въ этомъ письмѣ (1804 г.) Шлецеръ, говоря объ учрежденіи ученаго общества для критическаго изданія русскихъ лѣтописей, замѣчаетъ, что свѣдѣніе о томъ сообщилъ ему «г. Чеботарев, который терпѣть не можетъ ъ, и я также», прибавляетъ знаменитый историкъ³⁾.

О враждѣ извѣстнаго мистика А. Θ. Лабзина къ буквѣ ъ мы знаемъ по преданію, которое подтверждается слѣдующими словами изъ записокъ В. И. Папаева: «Въ бумагахъ покойнаго отца моего нашлось множество писемъ Лабзина подъ псевдонимомъ *Беззеровъ*, вѣроятно потому что онъ нигдѣ *еровъ* не ставилъ»⁴⁾. Мы знаемъ, что Лабзинъ напечаталъ нѣсколько переводовъ изъ

1) Къ этой-то одѣ, какъ теперь несомнѣнно, относится двустигше Державина:

«Прекрасно написалъ ты оду безъ еровъ;

Но лучше бы еще, когда бѣ совсѣмъ безъ словъ». (Соч. Держ. III, 199).

2) Заимствую эти указанія изъ двухъ статей, за подписью *Григорія Книжника* напечатанныхъ: въ *Моск. Вѣд.* 1856, № 92, и въ *Книжномъ Вѣстникѣ* 1862, № 11. Въ числѣ противниковъ *ера* г. Генпади называетъ также извѣстнаго Сквороду; по справкамъ, обязательно доставленнымъ мнѣ А. Θ. Бычковымъ, большая часть рукописей Сквороды оказывается съ *еромъ*; однакожъ у И. И. Срезневскаго нашлось нѣсколько собственноручныхъ писемъ малороссійскаго философа (1786—1788 г.), гдѣ онъ не употреблялъ ни ъ, ни ь.

3) «Фр. Чеботарев (der kein ъ leiden kan, ich auch nicht)»... см. *Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей*. Ч. IV, кн. 1, М. 1828.

4) *Вѣст. Евр.* 1867, IV, стр. 248, въ *Воспоминаніяхъ* Папаева.

Эккарстгаузена. Соображая то и другое свѣдѣніе, можно догадываться, что названное выше подъ цифрою 3 изданіе «Дух Эккарстгаузена» находится въ связи со взглядами Лабзина, хотя переводъ этой книги и принадлежитъ М. Бранкевичу, какъ видно изъ его подписи подъ посвященіемъ И. В. Лопухину. Біографъ Лабзина г. Безсоновъ, жалуясь на трудность перечислить всѣ его сочиненія и переводы, свидѣтельствуесть, что есть такія изданія, которыя напечатаны безъ его имени, но составлены подъ его руководствомъ¹⁾.

Въ исторіи нашего *эра* случайно является также одно изъ знаменитѣйшихъ именъ европейской науки, впрочемъ опять на сторонѣ противниковъ этой буквы. Находясь въ Петербургѣ въ 1830 году, Александръ Гумбольдтъ, на вечерѣ у извѣстнаго А. Н. Оленина²⁾, выразилъ свое мнѣніе о совершенномъ излишествѣ *эра* въ нашей азбукѣ. На другое утро онъ получилъ написанное изящнымъ французскимъ языкомъ письмо за подписью: «la lettre ъ», въ которомъ кто-то съ жаромъ вступился за права этой буквы, основанныя не только на древности ея, но и на ея значеніи, особливо въ серединѣ словъ. Авторомъ письма, за котораго Гумбольдтъ сперва принялъ-было Д. Н. Блудова, оказался потомъ Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, печатавшій свои сочиненія подъ псевдонимомъ Антонія Погорельскаго³⁾.

Эпоху въ успѣхахъ русскаго правописанія составило появленіе въ 1791 году *Московскаго Журнала*. Всегдашнюю свою заботу о чистотѣ и правильности языка Карамзинъ распространялъ и на орфографію: отдавалъ себѣ строгій отчетъ въ употребленіи не только каждаго слова, но и каждой буквы, не устраняя изъ своего письма ни одной. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ однакожь ци-

1) *Р. Архивъ* 1866, стр. 825.

2) Слышано отъ графа Ф. П. Литке, бывшаго также на этомъ вечерѣ.

3) Сколько мнѣ извѣстно, это письмо и отвѣтъ Гумбольдта были напечатаны четыре раза: 1) въ *Литер. Газетѣ* барона Дельвига, 1830, № 22; 2) въ *Маякѣ* 1842, кн. VIII; 3) въ сочиненіяхъ Погорельскаго, изд. 1853, т. II, и 4) въ *Русскомъ Архивѣ* 1865, стр. 1128—1138.

саль не такъ, какъ мы теперь пишемъ и какъ самъ онъ писалъ простѣдствіи: такъ въ *Моск. Журн.* мы читаемъ: *растѣніе, шастіе, не чего, по томъ, поселенцовъ, Руской народъ, яшцы, зтова* (какъ слово просторѣчія), *естъли, сверхъ, яшница, мошннй, порутчикъ, серебряной, ширъ, ни кто, льсница, ничтъмъ, прилъжность, почтилліонъ.* Но онъ уже писалъ *истина, свѣотнѣе, лутше* (не *лутче*), *плечо, искусство, лекаръ, лечить, застрашнй, причина, писъмо, страдалицевъ, эфиръ, вѣдь, прочее, частъки, свечеру, тѣвцомъ, тшомъ* и проч.

Постепенно Карамзинъ видоизмѣнялъ нѣкоторыя частности своего правописанія. Такъ въ *Моск. Журналѣ* онъ писалъ сперва *почтилліонъ*, позднѣе же *почтильіонъ*, способъ написанія, который въ 1840-хъ годахъ былъ принятъ *Отеч. Записками*, а въ 60-хъ *Московскими Вѣдомостями* для словъ подобнаго рода (*бательіонъ*). Букву й употреблялъ онъ не только въ этомъ случаѣ, но иногда и въ началѣ иностранныхъ словъ, напр. въ имени *Йокке* (*Мет. Гос. Росс.* т. IV, стр. 161). Не любя надстрочныхъ знаковъ, не отмѣчая напр. ударенія, онъ однакожъ ввелъ *двѣстотіе* надъ буквою е въ тѣхъ случаяхъ, когда прежде писали іо. Въ одной изъ книжекъ *Аонидъ* въ первый разъ написано такъ, въ концѣ стиха, слово *слѣзы* и въ выноскѣ замѣчено: «Буква е съ двумя точками замѣняетъ іо»¹⁾. Въ сложныхъ реченіяхъ, составленныхъ изъ двухъ отдѣльныхъ словъ, онъ въ концѣ перваго (муж. рода) иногда не писалъ ера. Такъ въ «*Похвальномъ словѣ Екатерины II*» написано: «*Англитъ Мербстскаго Дома*»²⁾. Слово *если* писалъ онъ долго со вставкою буквъ ть, и только въ послѣдніе годы сталъ писать его такъ, какъ оно теперь пишется и какъ иногда писалось уже въ весьма давнее время. (Такъ эта орфографія встрѣчается уже, по крайней мѣрѣ разъ, въ *Духовномъ Регламентѣ*, напечатанномъ гражданскимъ шрифтомъ). Вообще же отличительную черту орфографіи Карамзина составляетъ обиліе большихъ буквъ, которыми у него начинаются не только всѣ иностранныя существи-

¹⁾ *Аониды*, кн. 2-ая (1797), стр. 176: «Опытная Соломонова мудрость».

²⁾ *Соч. Карамзина*, т. VIII, в. М. 1804.

тельные имена (не говоря уже о собственныхъ, сущ. и прилаг.), но и многія свои, которымъ приписывалось особое значеніе. Такъ напр. онъ пишетъ всегда, не измѣняя этой привычкѣ до конца жизни: *Авторъ*, *Литтература*, *Герой*, *Поэтъ*, *Дѣтонисецъ*, *Вѣра* (даже *Малометова*), *Судьба*, *Правительство*, *Природа*, *Держава*, *Члены* (о лицахъ), *Науки*, *Искусства* и проч. Это дѣлалось и другими на основаніи правила, что большою буквою означаются имена почтенныя ¹⁾ и что взятые съ иностранныхъ языковъ слова отличаются отъ «природныхъ россійскихъ прописною начальною буквою». Свѣтовъ признавалъ, что на это нѣтъ достаточныхъ причинъ; но прибавлялъ, что такъ какъ большая часть писателей такъ поступаетъ, «то должно непремѣнно въ томъ всѣмъ согласиться и принять за правило, почитая за бесполезное спорить о такихъ мѣлочахъ» ²⁾. Здѣсь не мѣсто говорить объ особенностяхъ Карамзинскаго языка; упомяну однакожь объ одной, по связи ея съ орфографіею. Карамзинъ не признавалъ глагольной формы *рѣшатъ*, которой нѣтъ во всѣхъ одиннадцати томахъ его *Исторіи*, и употреблялъ только форму *рѣшить*, считая ее несовершеннымъ видомъ. Того же мнѣнія былъ и Пушкинъ, который, въ особенной замѣткѣ, указывая на первую форму, какъ на ошибочную, хотя и многими употребляемую, заключаетъ: «Рѣшу спрягается какъ грѣшу» ³⁾. Очевидно, что разсуждать такъ значитъ налагать на языкъ произвольныя грамматическія оковы.

Впрочемъ Пушкина никакъ нельзя вообще упрекать въ подобномъ направленіи. Но, въ рукахъ нѣкоторыхъ другихъ, теоретическая разработка русскаго языка въ началѣ нынѣшняго столѣтія приняла этотъ характеръ. Такою явилась она уже въ первомъ изданіи академической грамматики (1802), вызвавшемъ извѣстную статью Карамзина въ *Вѣстникъ Европы*: «Великій мужъ русской грамматики». Въ трудѣ Росс. Академіи, въ которомъ главное участіе принадлежало П. И. Соколову, первая часть по-

¹⁾ Правило, принятое уже Ломоносовымъ; см. его *Граматику*, § 129.

²⁾ *Опытъ новаго росс. правописанія*. Спб. 1787, стр. 16.

³⁾ *Соч. Пушкин.* (изд. Анн.). т. V, стр. 43.

священна правописанію; но она въ этомъ отношеніи очень неудачно поправляетъ Ломоносова, наприм. буквы и и ы причисляетъ къ *сложнымъ* гласнымъ по той причинѣ, что «онѣ состоятъ изъ двухъ письменъ», а ѣ и ъ называетъ *средними* ¹⁾ буквами; когда е произносится какъ ю, она совѣтуетъ удерживать въ правописаніи лучше букву е, исключая *симію*, *Маіоръ*, *Маіорскій*; о Карамзинскомъ начертаніи ё нѣтъ и помину. Въ главѣ объ «особенныхъ правилахъ правописанія» пропущены многіе случаи, на которые уже было обращено вниманіе Ломоносовымъ, Свѣтовымъ и Сумароковымъ, а вмѣсто того введены нѣкоторыя либо несостоятельныя, либо мелочныя правила; между прочимъ предлагается въ словахъ *щеть*, *щепаный* и т. п. удерживать предпочтительно букву щ.

Въ 1808 году Ив. Март. Борнъ, учитель русскаго языка въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, издалъ *Краткое руководство къ російской словесности*, книгу, для насъ любопытную особенно тѣмъ, что въ ней напечатаны первыя грамматическія замѣтки Востокова, присоединенныя мѣстами къ тексту издателя, въ видѣ особыхъ примѣчаній, съ подписью *Остенекъ-Востоковъ*. Онъ является тутъ критикомъ Россійской Академіи и послѣдователемъ Карамзина. Въ главѣ «о правописаніи и словопроизношеніи» разъяснены съ особенною внимательностью случаи, когда буква е произносится какъ ю, и замѣчательно, что кромѣ этого послѣдняго начертанія принята въ многочисленныхъ примѣрахъ уже и буква ё (*берёза*, *дешёвой*, *жёлудь* и проч. ²⁾). Примѣчаніе оканчивается слѣдующими знаменательными словами: «Ломоносовъ въ грамматикѣ своей хотя не попалъ еще на настоящую точку, съ которой удалось мнѣ сію грамматическую мѣлочь разсматривать, однако сказалъ объ ней удовлетворительнѣе, нежели Академія, и по край-

¹⁾ Въ названіи этихъ буквъ долго не могли согласиться грамматисты. Французъ Модрю (Maudru), 1808 г., называетъ ѣ *сложнобезгласною*!

²⁾ Впослѣдствіи Востоковъ говорилъ: «Для изображенія звука ю, слышимого въ просторѣчій вмѣсто е, введено начертаніе ё; но употребленіе сего начертанія нѣкоторыми не одобряется, будучи признаваемо излишнимъ тамъ, гдѣ можно писать е» (*Русск. Грамматика*, Спб. 1839, стр. 253).

ней мѣрѣ не пренебрегъ войти въ нѣкоторую подробность о бездѣлицѣ, ежели можно назвать бездѣлицею вниманіе къ механизму языка, неизслѣдованнаго и необработаннаго — вниманіе, которое должно вести къ отысканію многихъ важнѣйшихъ сего правилъ, донынѣ еще подъ Изидинымъ покровомъ толящихся. (Смотри Карамзина: *Великой мужъ Росс. Грамматики*)» ¹⁾). Такъ же любопытны, хотя и не со всѣми ими можно согласиться, тогдашнія замѣтки Востокова о буквахъ ѣ, ъ, ь; особенно справедливо то, что онъ говоритъ о буквѣ ъ, которую считаетъ излишнею: «... пишется она только въ окончаніи словъ, а слышна бываетъ вездѣ, и въ началѣ и въ серединѣ словъ, напр. лѣошадь, желѣаю, полѣка, нѣашь, гиѣу, приманѣка, сѣало, масѣло, невѣсѣта. Ежели она во всѣхъ сихъ случаяхъ не пишется, а подразумѣвается, то можетъ и въ окончаніи подразумѣваться, тамъ гдѣ не будетъ стоять ь: но и сію букву весьма бы можно замѣнить апострофомъ или какимъ другимъ знакомъ». Кстатѣ замѣтимъ, что послѣ буквъ ж, ч, ш, щ, въ концѣ именъ муж. р., Востоковъ ставилъ ъ, отличаясь тѣмъ отъ Карамзина, который писалъ *мечь, лучь*, но послѣ остальныхъ шипящихъ также писалъ ъ. Относительно прописныхъ буквъ Востоковъ держался правила, что онѣ пишутся, между прочимъ, въ началѣ названій «важныхъ государственныхъ мѣстъ и чиновъ». Впослѣдствіи онъ видоизмѣнилъ это правило, сказавъ, что изъ нарицательныхъ именъ прописною буквою пишутся: «титла, чины и должности лицъ разнаго званія, выключая самыя низшія степени, какъ-то: *солдатъ, матросъ, дячекъ, пономарь*», также: «имена Правительствъ и мѣстъ Судебныхъ, Обществъ и сословій; напр.: *Государство, Правительство, Сенатъ, Департаментъ, Дворянство, Купечество* и пр.» ²⁾).

Въ 1811 году на грамматическое поприще выступаетъ Гречъ, и вскорѣ русское правописаніе надолго подчиняется его вліянію.

¹⁾ *Кр. руковод. къ росс. словеск.*, стр. 6. Замѣтимъ, что заглавіе статьи Карамзина приведено Востоковымъ не совсемъ вѣрно: у Карамзина (1802 г.) грамматика уже названа *Русскою*.

²⁾ *Русск. Грамматика*, Спб. 1839, стр. 373.

Первымъ трудомъ его по теоріи языка была брошюра *Опытъ о русскихъ спряженіяхъ*¹⁾. Но еще важнѣе было начатое имъ въ слѣдующемъ году изданіе *Сына Отечества*. Здѣсь, какъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ издашіяхъ, Гречъ, въ отношеніи къ языку вообще и къ правописанію въ особенности, является строгимъ послѣдователемъ Карамзина. Вся его грамматика была впоследствии построена на сочиненіяхъ знаменитаго исторіографа. Нисколько не уменьшая услугъ, оказанныхъ Гречемъ русскому языку, особенно въ педагогической сферѣ, нельзя однакожь не замѣтить, что онъ обращался съ нимъ такъ же, какъ Готшедъ съ языкомъ нѣмецкимъ. Господствующимъ направленіемъ Греча было не изслѣдованіе законовъ языка, для чего необходимо справляться и съ исторіею его, и съ народною, вообще съ живою рѣчью, а установленіе правилъ по избраннымъ литературнымъ образцамъ. Когда же образцы не давали отвѣта, или когда между ними замѣчалось разногласіе, — придумывались правила чисто-условныя,

¹⁾ «Съ таблицею». (Спб. 1811). Въ началѣ эпиграфъ изъ Гёте. Въ маленькомъ предисловіи авторъ сознается, что основная мысль брошюры (раздѣленіе глаголовъ по значенію, — по объему дѣйствія, — на простые, однократные, учащательные и сложные) принадлежитъ Борну, его другу и предметнику въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра. Общество любителей словесности, наукъ и художествъ, въ которомъ этотъ опытъ былъ читанъ, поручило Востокову рассмотреть рукопись, и его отзывъ, исполнѣ одобрительный, напечатанъ въ концѣ книжки. Слѣдующій грамматическій трудъ Греча былъ напечатанъ въ 1823 г. въ числѣ 50-ти экземпляровъ подъ заглавіемъ: *Корректурные листы Русской Грамматики*, тетрадь I, въ 4 д. л., съ большими полями для замѣчаній. Въ предисловіи объяснено, что Общество любителей словесности предложило автору «привести въ порядокъ и издать собранныя имъ въ теченіе многихъ лѣтъ правила русской грамматики». Въ концѣ предисловіи сказано: «Почтенный писатель нашъ В. А. Жуковскій сообщилъ мнѣ рукописныя свои замѣчанія о Р. Грам., изъ коихъ я заимствовалъ много новаго и полезнаго». (Жуковскій преподавалъ тогда русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ). Въ 1827 г. напечатаны: *Практич. русская грамматика*, и *Пространная р. гр.*, Греча; въ 1828 *Начальныя правила р. гр.*, и съ тѣхъ поръ тѣ же труды являлись въ разныхъ видахъ и подъ разными заглавіями. — Грамматическіе труды Востокова напечатаны были отдѣльно въ первый разъ въ 1831 году подъ заглавіями: *Русская Грамматика* и *Сокращенная р. грам. для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ* (по порученію Комитета для рассмотрѣнія учебныхъ пособій). Каждая изъ нихъ, особенно послѣдняя, перепечатывалась потомъ нѣсколько разъ. Въ началѣ Востоковъ заявилъ, какъ много онъ обязанъ труду чеха Пухмайера.

основанныя на механической правильности построения фразы, или на внѣшнихъ соображеніяхъ. Свобода, разнообразіе, прихотливость языка, иногда видимыя отступленія отъ правилъ, не принимались въ разчетъ, или служили поводомъ къ *исключеніямъ*. Положимъ напр., что вы употребили выраженіе: «можно бы подумать» или написали: «всклоченные волосы». Нѣтъ, восклицалъ Гречъ: надобно сказать: «можно было бы подумать»¹⁾, — «всклоченные волосы», не обращая вниманія на то, что вся Русь говоритъ иначе. Такъ и по орфографіи говорилось: «пишите *лекаръ*» (какъ писалъ Карамзинъ): это слово происходитъ отъ глагола *лечить*; пишите *близъ* (нарѣчіе) для отличія отъ существительнаго *близъ*; пишите *наизустъ*, а не *наизусть*, потому что предлогъ *изъ* требуетъ родительнаго падежа: *устъ*. Но авторитетъ Греча, проповѣдывавшаго эти произвольныя правила въ многочисленныхъ изданіяхъ своей грамматики и проводившаго ихъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Булгаринымъ, въ журналахъ, въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ отдѣльныхъ книгахъ, былъ такъ великъ, что правила этого рода сдѣлались господствующими и держались почти неизмѣнно лѣтъ двадцать, то есть до середины 1830-хъ годовъ. Разумѣется, впрочемъ, что въ первое время существованія *Сына Отечества* встрѣчаются въ немъ начертанія словъ, позднѣе оставленныя самимъ издателемъ. Такъ въ 1812 году онъ еще писалъ, напр.: *естли, щастіе, порутчикъ, Рускіе, унѣтенный*, т. е. писалъ такъ, какъ Карамзинъ до появленія *Исторіи Государства Россійскаго*.

Нѣкоторыя отступленія отъ Карамзинской орфографіи становятся особенно замѣтными сперва въ *Вѣстникъ Европы* Каченовскаго, а потомъ въ *Библіотекъ для Чтенія* Сенковскаго. Каченовскій (см. *В. Е.* 1830) не отдѣлялъ напр. частицы *не* отъ глаголовъ (*несмѣдуетъ*), любилъ ударенія (*какъ, такъ, нѣже, находите*), не употреблялъ ни *э* (*ето, Поезія*), ни *ѣ* (*Гете*), писалъ *идти* (не *итти*), *искуство, друіій, вразсужденіи* (хотя онъ же

¹⁾ На томъ будто бы основаніи, что глаголъ *быть* можетъ подразумѣваться только въ настоящемъ времени.

писалъ *не уже м*); но особенно оригинально его правописание въ греческихъ словахъ, въ которыхъ онъ для звука и писалъ то *і*, то *г*, напр. *Іліада*, *Іоанна*, *Ахіллесъ*, *Ферсітъ*, *Політика*; *Улссъ*, *Смирна*, *система*. Отступленія *Библиотеки для Чтенія*, которая начала издаваться съ 1834 года, заключаются главнымъ образомъ въ менѣе частомъ употребленіи прописныхъ буквъ и въ стремленіи обозначать черточками (единиными знаками, какъ называли ихъ въ старину) совокупленіе двухъ или нѣсколькихъ словъ въ нарѣчіе (*locution adverbiale*); такъ здѣсь пишутся слова: *можетъ-быть* (иногда безъ запятой), *по-крайней-мѣрѣ*, *по-счастью*, *во-первыхъ*, *по-видимому*, *между-тѣмъ*, *едва-ли*; несмотря пишется слитно; тутъ же мы находимъ *смѣшонъ* и рядомъ съ этимъ орфографію *лице*.

Еще далѣе въ подобныхъ, для того времени новыхъ начертаніяхъ пошли *Отечественныя Записки*, основанныя въ 1839 году А. А. Краевскимъ. Здѣсь прилагательныя *собственныя имена* начинаются уже во многихъ случаяхъ небольшою буквой (*русскій*, *нѣмецкій*); однакожь имена народовъ (*Русскіе*, *Шведы*) и учрежденій (напр. *Дворянское Уѣздное Училище*) пишутся еще по прежнему съ прописною буквой; послѣ ж, ч, ш, щ иногда является о (*бисомъ*), въ предлогахъ *воз*, *из*, *раз* сохраняется передъ всѣми буквами з (*разкрытъ*, *изтреблятъ*); слова *что*, *нѣчего*, *какъ*, въ извѣстныхъ случаяхъ, отмѣчаются удареніемъ; но особенно выдаются черточки для соединенія словъ одного и того же реченія, напр: *въ-самомъ-дѣлѣ*, *въ-слѣдствіе*, *въ-послѣдствіи*, *потому-что*, *для-того*, *въ-теченіе*, *должно-быть*, *какъ-можно-строже*. Мало по малу многія изъ такихъ словъ стали писаться даже слитно, напр. *вслѣдствіе*, *что* сначала возбуждало общее вниманіе и толки, особенно когда увидѣли написанныя такимъ же образомъ слова *исожалѣнію*, *исчастію*. Съ этими двумя послѣдними начертаніями, такъ же какъ и съ прилагательною формою *петербургскій*, которою отличались *Отеч. Записки*, публика никакъ не могла примириться, и редакція, если не ошибаемся, принуждена была наконецъ отказаться отъ нихъ. Менѣе противодѣйствія нашло введен-

ное ею опущеніе ера въ сложныхъ словахъ подобныхъ слѣдующимъ: *генерал-адъютантъ, пол-листа*; однакожь и эта орѳографія мало распространилась.

Съ этихъ поръ нарушено было то довольно общее однообразіе правописанія, которое установилось-было по образцу Карамзинскаго, и началась пестрота его въ подобныхъ приведеннымъ случаяхъ. Болѣе и болѣе стала обнаруживаться склонность не употреблять прописныхъ буквъ, писать слитно слова, прежде писавшіяся отдѣльно, и сближать письмо съ говоромъ, особенно употребленіемъ о вмѣсто е (ё) послѣ ж, ч, ш, щ, что теперь, по примѣру *Голоса*, принято и нѣсколькими другими изданіями.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частнымъ попыткамъ измѣнить въ томъ или другомъ отношеніи наше правописаніе. Эти попытки касались то самой азбуки нашей, то различныхъ способовъ передавать звуки существующими у насъ буквами. Такъ какъ то и другое часто соединяется въ предположеніяхъ одного и того же лица, то мы и будемъ разсматривать вмѣстѣ оба рода нововведеній.

Въ 1828 году нѣкто (по показанію г. Геннади, умершій 1835 П. І. Яковлевъ¹⁾) издалъ въ Москвѣ книжку: *Рукопись покойнаго К. А. Хабарова*, авторъ которой выдастъ себя за отставнаго корректора и рассказываетъ, что тотчасъ по окончаніи своего ученія въ школѣ, онъ опредѣлился въ типографію. «Сталъ набирать, печатать, читать корректуру — рассказываетъ онъ въ своей автобіографіи — и въ годъ выучился всему типографскому дѣлу. Работа трудная — за то здоровая. Всѣмъ, потерявшимъ аппетитъ, всѣмъ ослабленнымъ отъ удовольствій, я бы совѣтовалъ только одинъ мѣсяць поработать въ типографіи въ должности тердорщика²⁾. Увѣренъ, что они выздоровѣютъ совершенно». По увѣренію автора, онъ цѣлые 22 года постоянно занимался при разныхъ типографіяхъ, а потомъ, наскучивъ этимъ дѣломъ, завелъ книжную торговлю. Онъ убѣдился, что русская азбука,

¹⁾ См. *Книж. Вѣстн.* 1862 № 11: «Библиографич. справки по предполагаемому изгнанію изъ азбуки буквы ъ» Григорія Книжника.

²⁾ Это слово, значащее печатникъ, взято съ итальянскаго *tipatore*. Я. Г.

Форма литеръ требуютъ большихъ преобразованій. «Всякій разъ, набирая какую-нибудь книгу, продолжаетъ онъ, я думалъ о улучшеніи литеръ азбуки: вмѣсто отдыха, послѣ работы, чертилъ формы буквъ или задумывался надъ безтолковой азбукой нашей! Сдѣлавшись книгопродавцемъ и имѣя много свободнаго времени, я сталъ записывать свои мысли и предположенія о литерахъ и азбукѣ — вышло небольшое сочиненіе, которое и назначаю издать въ свѣтъ черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерти». Онъ умеръ будто бы въ 1803 году, и рукопись издана кочующимъ книгопродавцемъ Евгеніемъ Третейскимъ. Сочиненіе это напечатано въ той же книжкѣ подъ особымъ заглавіемъ: «Усовершенствованная русская азбука или средства облегчить изученіе оной и способъ сократить число русскихъ буквъ, поясненныя примѣрами. Бутырки, 1800 г. января 5 дня». Въ маленькомъ предисловіи мнимый Хабаровъ утверждаетъ, что мысль о возможности улучшенія русской азбуки представилась ему, когда онъ сталъ набирать съ рукописи профессора Барсова, въ которой не было буквъ ъ и и и которая была, какъ видѣли выше, напечатана въ *Московскомъ журналѣ*.

Улучшенія Хабарова состоятъ въ томъ, что онъ предлагаетъ: 1) исключить изъ русской азбуки буквы: і, щ, ъ, ь, ѣ, э, о, ѵ, такъ что вмѣсто 35-ти останется только 27 буквъ. По мнѣнію его, въ азбукѣ нашей недостаетъ двухъ буквъ іо и й, но ихъ не нужно вводить туда: ѳ замѣнить іо, а знакъ ~ надъ а, е, и, о, у, ы, ю, я замѣнить й. Вмѣсто і Хабаровъ совѣтуетъ употреблять всздѣи, вм. щ — сч или шч, вм. ъ кавычку или черточку, вм. ь надстрочный знакъ ^, а вм. ѣ ставить е. — «ѣ, говоритъ онъ, буква бесполезная, но которая, какъ пронырливый лицемѣръ или хлопотливый бездѣльникъ, сдѣлалась не только пужною, но необходимою, полезною, — она одна можетъ дать вамъ патентъ на званіе грамматнаго и учонаго человѣка — только узнайте напередъ гдѣ ее употреблять... а етаго-то... никто не знаетъ! ѣ совершенный лицемѣръ... Одни говорятъ, пишете ѣ во всѣхъ гѣхъ словахъ, въ которыхъ Малороссіане произносятъ И! Покорнѣйше благода-

римъ! слѣдовательно чтобъ писать по русски надобно ѣхать въ Малороссію или имѣть у себѣ ручнаго Малороссіянина для справокъ?... Другіе, Богъ знаетъ съ чего рѣшительно вопіють: пишито ѣ въ словахъ: *инъздо, блѣдный, свѣтъ, мѣсяцъ*. Но почему? *зачѣмъ*? Развѣ меня не поймутъ, если я напишу: *инздо, бледный* и проч. Развѣ смыслъ слова измѣнится отъ моеѣ антипатіи къ езуитской буквѣ ѣ? Никакія усилія учености не могутъ доказать, что для насъ, имѣющихъ уже букву Е, нужно еще ѣ... Одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ есть: такъ писали — такъ пишутъ всѣ граматныя — но будто это доказательство?»

Мы видимъ, что Хабаровъ противъ буквѣ ѣ употребляетъ совершенно тѣ же доводы, къ которымъ и въ наше время не разъ обращались, чтобы доказать ся излишество. Таковы же и аргументы его противъ другихъ осуждаемыхъ имъ на изгнаніе буквѣ. Относительно *ѣиты* онъ справедливо замѣчаетъ: «Чему намъ учиться прежде: русской грамотѣ, или греческому, латинскому, французскому и татарскому языкамъ?».—Чтобы дать наглядное понятіе о правописаніи Хабарова, выпишемъ одинъ изъ предлагаемыхъ имъ самимъ примѣровъ новаго письма: «Глаз по своему образованию не можетъ смотрѣть на себя безъ зеркала. Мы видимъ себя толко в' другихъ предметахъ. Чувство бытія, личност', душа, все сие существуетъ толко потому, что вне насъ существуетъ и проч.

Утверждая, что письмо наше будетъ одинаково понятно, писать ли вездѣ е, или ѣ, и приводя тому примѣры, авторъ этой книжки между прочимъ говоритъ: «Скажу: веденіе — напишу веденіе, или вѣдѣніе — все равно». Неумѣстность такого примѣра портитъ всю его аргументацію: очевидно, что именно между этими двумя начертаніями величайшая разница, потому что каждое изъ нихъ отличаетъ слово, имѣющее свое самостоятельное значеніе.

Покойный Лажечниковъ въ романѣ *Басурманъ* (1838) попытался-было сблизить правописаніе съ произношеніемъ. Главныя черты его письма состояли въ слѣдующемъ: 1) мѣстоименія и

прилагательныя муж. и сред. рода въ род. пад. ед. числа оканчиваются на *ова, ева* : *ево, ницево, това, старова, дальнева*; 2) буква *е* пишется съ двоеточіемъ всякій разъ, когда она извѣстнымъ образомъ произносится, а послѣ шипящихъ буквъ на мѣсто ея ставится *о* : *чорный, шолковый, въ чомъ, вошолъ*; 3) *ѳита* вездѣ замѣняется буквою *ѳ* : *Афанасій, Марѳа*; 4) слова, составляющія вмѣстѣ какъ бы одно понятіе, пишутся слитно или соединяются черточками : *какбы, какбудто, както, сверхтово, квечеру, можстбыть, снеболшимъ, вутъшеніе; вг-самомъ-дѣль, на-этомъ-разъ, Успенской-Соборъ*; 5) вмѣсто *сч* пишется *щ* : *несчастный, рщотъ*. Въ то же время, однакожъ, Лажечниковъ слѣдуетъ иногда противоположному правилу, т. е. усиливаетъ этимологическое начало, и пишетъ : *тъ, тъмъ*. Но его нововведенія не встрѣтили ни въ обществѣ, ни въ литературѣ сочувствія; напротивъ, они возбудили только насмѣшки, и во 2-мъ изданіи *Басурмана*, напечатанномъ въ 1841 г., мы уже не встрѣчаемъ этихъ странностей.

Въ 1842 году нѣкто г. Кадинскій, въ Петербургѣ, рѣшился выстунить съ новою азбукой, составленною изъ латинскихъ буквъ, которымъ онъ въ разныхъ сочетаніяхъ давалъ совершенно условное значеніе для передачи звуковъ русскаго языка. Все это было изложено въ брошюрѣ, названной «Упрощеніе русской грамматики. *Uproscenie ruskoj grammatichi*» и напечатано двоякимъ шрифтомъ : русскимъ и вновь предлагаемымъ латинскимъ. Какъ поводъ къ своему изобрѣтенію, составитель выдаетъ некрасивость и неудобство русскаго шрифта, съ которымъ будто бы неизбежно связаны неясность при чтеніи и опечатки; далѣе ему кажется, что наша орфографія будто бы такъ произвольна и трудна, что требуетъ измѣненія шрифта. Входить здѣсь въ подробности орфографической затѣи г. Кадинскаго было бы утомительно и совершенно бесполезно. Довольно, что въ свое время Бѣлинскій обстоятельно разобралъ эту брошюру ¹⁾, справедливо замѣтивъ, что ее слѣдовало бы назвать не упрощеніемъ, а «затрудненіемъ» русской

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. IX, стр. 484—510.

грамоты или новою, еще ужаснѣйшею путаницею нашей грамматики. Знаменитый критикъ съ особенной охотою занялся этимъ разборомъ, потому что русское правописаніе, какъ видно, сильно интересовало его и самъ онъ носился съ мыслями о преобразованіяхъ по этому предмету. Нашъ алфавитъ казался ему по многимъ изъ своихъ буквъ некрасивымъ и даже безобразнымъ; употребленіе Ѣ находилъ онъ основаннымъ часто на шаткихъ правилахъ и потому пужнымъ только въ грамматическихъ окончаніяхъ; да и тутъ онъ предпочиталъ вмѣсто этой не правившейся ему буквы писать е съ облеченнымъ знакомъ (ê); нѣкоторыя другія буквы представлялись ему также излишними; кромѣ того Бѣлинскій недоволенъ былъ слишкомъ искусственною орфографіей нашихъ прилагательныхъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ онъ предлагалъ: 1) буквы п, ц, ш, щ изъ угловатыхъ сдѣлать округленными посредствомъ верхней и нижней поперечной черты (любопытно, что эта мысль, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ буквѣ п, была лѣтъ черезъ 20 вышолпена въ московской типографіи М. П. Каткова¹); 2) выкинуть изъ азбуки буквы: и, й, ѣ, э, ѳ, ѵ; изъ нихъ й замѣнить длиннымъ латинскимъ j, а букву е, посредствомъ надстрочныхъ знаковъ, различать по свойству выражаемыхъ ею трехъ звуковъ; 3) для именительнаго падежа именъ прилагательныхъ муж. р. ед. ч. и всѣхъ трехъ родовъ множ. ч. принять ихъ настоящія, естественныя, какъ ему казалось, окончанія (ой, ей—ьи, іи. ей: ед. больной, всякой, синей; мн. больныи, всякіи, синей) вмѣсто искусственныхъ и книжныхъ; въ род. же пад. ед. ч. писать: славново, большово, верхнева, нижнева. Изъ этого видно, что въ предположеніяхъ Бѣлинскаго повторились мысли частью Ломоносова, также писавшаго *добрый, верхней* и не признававшаго э и ѳ, частью Тредіаковскаго, который писалъ во множ. *добрыми, верхніи*, а вмѣсто Ѣ

¹) Ту же мысль выразилъ въ *Малю* 1843 года (т. VII) кто-то подписавшійся *Старая Кавыка* въ статьѣ: «Совѣтъ типографщику моему» и проч. Авторъ хлопочетъ особенно о красотѣ буквъ, предлагаетъ для звука д одно изъ начертаній, употребительныхъ въ скорописи (ѿ или ѿ), находить, что вмѣсто ѣ слѣдовало бы, соотвѣтственно выговору, писать е, поправляетъ порядокъ нашей азбуки и т. п.

ставилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ е. Впрочемъ Бѣлинскій, серьезно предлагая эти измѣненія, какъ осуществимыя по его убѣжденію на практикѣ, — шелъ въ теоріи гораздо далѣе и доказывалъ, какъ было бы хорошо дать нашей азбукѣ болѣе латинскій характеръ, измѣнивъ значеніе нѣкоторыхъ изъ ея буквъ (такъ чтобъ напр. р значило п) и введя новыя латинскія же буквы вмѣсто тѣхъ, которыя бы такимъ образомъ остались за штатомъ. Но на такомъ коренномъ преобразованіи азбуки Бѣлинскій не настаивалъ, понимая, что «подобныя реформы не зависягъ отъ воли и желанія одного лица» и прибавляя, что онъ высказалъ свое мнѣніе только какъ мечту.

Что касается до г. Кадинскаго, то мы увидимъ ниже, что онъ не удовольствовался одною только попыткою дать ходъ своей странной орфографіи.

Замѣтимъ, что мысли въ родѣ выраженныхъ Бѣлинскимъ о болѣшемъ сближеніи нашей азбуки съ латинскою, высказывались и прежде, и послѣ него. Въ 1833 году, въ Москвѣ, появилась брошюра подъ заглавіемъ: «Новыя усовершенствованныя литеры для русскаго алфавита». Неизвѣстный авторъ заботится о томъ, чтобы облегчить и сократить *первоначальное ученіе*, и для того находитъ нужнымъ: перемѣнить въ нашей азбукѣ нѣкоторыя буквы, сообразно съ исправленіями, сдѣланными Петромъ Великимъ; къ заимствованнымъ прежде изъ латинскаго алфавита прибавить или приспособить еще нѣсколько буквъ, а излишнія вовсе исключить. Чтобы разомъ дать понятіе о предлагаемыхъ имъ измѣненіяхъ, выписываю другое заглавіе книжки, представляющее смѣсь латинскихъ буквъ съ русскими: «Опытъ введенія новыя русскія литеры». При такомъ нововведеніи, по мнѣнію автора, можно бы выкинуть изъ нынѣшней азбуки четверть буквъ и ограничиться 27-ю; «прекратились бы, говоритъ онъ, безпреставные споры объ е, ѣ, э, и, і, ѵ, ѣ, о и проч.; иностранцы не будутъ смотрѣть на наши буквы какъ на полуазіятскія; какое торжество для типографій! тогда прямо могутъ печатать красивыми Дидотовскими литерами или получать самыя красивыя шрифты изъ всѣхъ столицъ».

Европы». Вовсе устраняются буквы и, щ, ъ, њ, ѣ, э, ѓ, ѵ; сохраняются: а, о, е (для звука е вообще) и т; вмѣсто остальныхъ буквъ предлагаются соотвѣтствующія латинскія начертанія (Б=В, В=V, Г=G и т. д.); вм. и, ѣ — і, ї; вм. щ — сч, шч; вм. ъ — черточка, вм. њ — надстрочный знакъ.

Рядомъ съ этими фантастическими нововведеніями авторъ выражаетъ одну мысль, въ наше время уже осуществленную, но тогда еще совершенно новую, заимствованную имъ у германскихъ педагоговъ во время заграничнаго путешествія: онъ горячо рекомендуетъ звуковой способъ обученія грамотѣ.

Совершенно съ тою же идеею, по которой неизвѣстный москвичъ сорокъ лѣтъ тому назадъ перестраивалъ нашу азбуку, выступилъ недавно г. Засядко въ книгѣ: «О русскомъ алфавитѣ» (М. 1871). Ему также наша азбука кажется не красивою и не довольно четкою; кромѣ того онъ видитъ въ нашемъ письмѣ «чрезмѣрную растянутость, послѣдствіе излишняго числа письменныхъ знаковъ, и оттого напрасную трату времени, капитала и труда, и всѣ другія затрудненія для издателей, писателей и типографій». Поэтому авторъ считаетъ необходимымъ подвергнуть русской шрифтѣ коренному измѣненію, сохранивъ въ немъ «древній греческій корень», но исправивъ его съ помощію латинскаго алфавита. Особенно осуждается то свойство нашего шрифта, что онъ имѣетъ одну только форму для литеръ, которыя здѣсь почти всѣ прописныя: при введеніи Петромъ Великимъ гражданской печати не озаботились, въ наибольшемъ числѣ случаевъ, дать строчнымъ литерамъ форму, отличную отъ прописныхъ. Въ латинской азбукѣ, замѣчаетъ г. Засядко, изъ 26 литеръ только 8 имѣютъ одинакія очертанія съ прописными; у насъ, наоборотъ, изъ 36 литеръ, составляющихъ нашъ алфавитъ, только 5 (а, б, е, р, у) имѣютъ въ печатномъ шрифтѣ различныя очертанія для прописной и для строчной формы; а всѣ остальные, въ томъ и другомъ случаѣ, печатаются совершенно сходно¹⁾. Авторъ находитъ это весьма стран-

1) До 1830-хъ годовъ для звука *m* была въ печати особая строчная буква, подобная рукописной (*m*), т. е. *m* вверху ногами; строчное *t* было въ первый

нымъ, мѣшающимъ изяществу и четкости шрифта. Послѣ подробной критики нашего алфавита какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, т. е. какъ по очертаніямъ буквъ, такъ и по отношенію ихъ къ звукамъ (критики, въ которой о многомъ можно бы поспорить съ авторомъ), онъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: буквы ъ, ь, ѣ, ы, и, й, э, ю, я, ж, ц, ч, ш, щ, Ѡ должны быть изгнаны; вновь предлагаются: 1) латинскія h и j для выраженія густаго придыханія (Номеръ вм. Гомеръ), и іотированія гласныхъ (jолка, моjо, поjотъ); 2) я и ю замѣняются слогами ja, ju; 3) вмѣсто шипящихъ вводятся: ç (ц), zh (ж), ch (ш), çh (ч), çch (щ). За этими и другими предлагаемыми авторомъ измѣненіями, вотъ его русская азбука: A, B, V, G, D, E, H, Z, I, J, K, L, M, N, O, P, R, S, T, U, Ф, X, Ç, Zh, Ch, Çh (всего 26 знаковъ). Ъ и Ь замѣняются надстрочными черточками.

А вотъ и образецъ письма по этой азбукѣ:

Ja, jakop', stojauka, predjavleuije, objavit', razjasuit', liuija, perja, struçja.

Это читается такъ:

Я, якорь, стоянка, предъявленіе, объявить, разъяснить, ливія, перья, стручья.

Читатель видитъ, что, расходясь въ частностяхъ, изобрѣтатели двухъ новыхъ азбукъ, являющіеся на разстояніи почти 40 лѣтъ одинъ отъ другаго, чрезвычайно согласны между собою и не очень далеки отъ г. Кадинскаго. Едва ли была бы какая-нибудь польза въ серіозномъ разборѣ подобныхъ попытокъ, совер-

---

разъ придумано и употреблено въ печати покойнымъ академикомъ Кеппеномъ въ «Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи», Спб. 1827. Мало по малу это нововведеніе вошло въ общій обычай; но сперва оно казалось страннымъ: въ газетѣ *Съверная Пчела* оно является только съ начала 1833 года; слѣдовательно тогда этою новою буквой завелась типографія Греча, примѣру которой послѣдовали затѣмъ и другія. Самъ Кеппенъ упоминаетъ о своемъ нововведеніи въ *Bulletin de la Classe historico-philologique* 1847 г. (V, 48). Въ курсивномъ шрифтѣ до сихъ поръ остается еще въ употребленіи *т* рукописное; недавно, по желанію А. А. Куника, въ типографіи Академіи наукъ отлито строчное *т* и для этого шрифта. Отсюда видно, что не всѣ, подобно г. Засядко, считаютъ неудобствомъ одинаковость формы строчныхъ и прописныхъ буквъ.

шенно чуждыхъ практической почвы. Приходится повторить то, что сказалъ Полсвой при появленіи первой изъ этихъ двухъ книгъ: «Несовершенство русскаго алфавита заставляло многихъ думать объ исправленіи и даже о перемѣнѣ онаго. Но употребленіе, вѣчный врагъ всѣхъ нововведеній, противится преобразователямъ нашего алфавита, и уничтожаетъ ихъ попытки. Нѣтъ сомнѣнія, что и сей новый *Опытъ введенія новыхъ русскихъ литеръ* не будетъ имѣть никакихъ слѣдствій» ¹⁾.

Къ попыткамъ этого же рода можно отнести и стараніе нѣкоторыхъ, впрочемъ гораздо болѣе рациональное, видоизмѣнить или дополнить тѣ или другія русскія буквы для болѣе точной передачи звуковъ въ иностранныхъ словахъ, особливо въ именахъ собственныхъ. Тутъ сперва является Тредіаковскій, о предложеніи котораго ввести букву *голь* уже говорено выше. Позднѣе академикъ Палласъ, въ *Сравнительныхъ словаряхъ* ²⁾, далъ букву *г*, для звука *h*, въ отличіе подстрочный значокъ (седиль). Академикъ Бётлингъ предлагалъ употреблять въ такихъ случаяхъ *ѣ*. Иные совѣтовали просто перенести въ русскій алфавитъ латинскую букву *h*. Бывшій профессоръ Гельсингфорскаго университета С. И. Бараповскій въ своихъ географическихъ пособіяхъ прибѣгалъ для этого звука къ знаку греческаго густого предыханія (°). Покойный Ястребцевъ въ издаанной имъ книжкѣ «О умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста» ³⁾ ставитъ этотъ же знакъ, но не отдѣльно передъ гласною, а надъ самою буквой *г*, напр. онъ пишетъ Гигіена. Онъ же, для означенія англійскаго звука *th*, употребляетъ, какъ въ греческихъ именахъ, *ѳитту* ⁴⁾; тонкое произношеніе буквы *л* отмѣчаетъ онъ надстрочнымъ *ерикомъ*, напр. Палласъ; наконецъ, для изображенія французскаго носоваго *п* (какъ въ словѣ *Cousin*) онъ сначала писалъ *н'* (съ апострофомъ), а потомъ, по совѣту египтолога Гульянова, сталъ ставить надъ *н* букву *г*, «такъ какъ

¹⁾ *Моск. Телеграфъ* 1833, № 14, стр. 263.

²⁾ Ч. I. Спб. 1787: см. *Explicatio literarum Alphabeti Rossici*.

³⁾ М. 1831; отрывки были напечатаны въ *Моск. Телеграфъ* 1832.

⁴⁾ Что и въ наше время дѣлаютъ иные: Gatherly = Гаерли.

во французской носовой буквѣ п, кромѣ *словесной стихии*, выражаемой русскимъ н, находится еще часть *стихии*, выражаемой буквою г». Въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ стали у насъ являться еще нововведенія въ правописаніи чужихъ собственныхъ именъ и другихъ заимствованныхъ словъ. Такъ въ *Библиотекѣ для Чтенія* вошло въ обычай писать ихъ иностранными буквами, а при склоненіи ставить апострофъ между именемъ и падежнымъ окончаніемъ, напр. съ Lagrange'емъ, beau monde'a; но не есть ли это вопіющій образецъ Грибоѣдовскаго «смѣшенія Французскаго съ Нижегородскимъ?» *Отеч. Записки* начали писать: *Уальтеръ Скоттъ*, *Уингилмонъ*, *Бэкиъ*; многіе приняли эту орфографію; другіе остались при прежней, какъ видно, напр., изъ напечатанной въ *Московитянинѣ* 1849 года ¹⁾ статья М. Лихонина «О правописаніи иностранныхъ собственныхъ именъ».

Названный выше профессоръ Барановскій, въ брошюрѣ «О согласованіи правописанія съ произношеніемъ» ²⁾, представляя свои наблюденія надъ фонетикой главныхъ нарѣчій русскаго народа, совѣтуетъ писать: «мужеского и среднего рода», «для господствующаго русскаго нарѣчія»; далѣе: «различіе, розпространять» (т. е. предлогъ *роз*, по его мнѣнію, долженъ всегда писаться *роз*, потому что иногда онъ такъ произносится). Впрочемъ г. Барановскій — усердный защитникъ не только буквы ѣ, которая на его слухъ имѣетъ свое особое произношеніе, но также *ѣиты* и *ѣисцы*, полезныхъ, какъ онъ находитъ, для изображенія иностранныхъ звуковъ.

Мимоходомъ упомяну здѣсь о брошюрѣ г. В. Васильева: *Грамматическія разысканія* (1845), первая часть которой посвящена разсмотрѣнію буквы ѣ какъ въ произношеніи, такъ и на письмѣ. Хотя взглядъ автора и не совсѣмъ правиленъ въ строго-научномъ смыслѣ, однакожъ во многихъ случаяхъ онъ заслуживаетъ вниманія. Между прочимъ брошюра осуждаетъ покойнаго Межевича

¹⁾ Ч. IV, Отд. III. Науки и художества.

²⁾ Напечатанной отдѣльно безъ означенія года и помѣщенной также въ *Иллюстраціи*, когда именно, не упомянуть.

за употребленіе начертаній: *почотный, счотъ, въ чомъ, чорный*, и приводитъ изъ *Съверной Пчелы* слова Булгарина, выражавшія его негодованіе противъ тѣхъ, которые говорили, что должно писать, какъ говорятъ. Мы не будемъ слѣдить здѣсь за предлагаемыми г. Васильевымъ, не всегда основательными доводами, и предоставляемъ себѣ изложить ниже свое собственное мнѣніе объ этомъ нелегкомъ вопросѣ русской орѳографіи.

Въ 1852 году издатель С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей Фурманъ вздумалъ возбудить въ этой газетѣ вопросъ о русскомъ правописаніи ¹⁾. «Не только каждый журналъ, говорить онъ, но почти каждый нѣсколько замѣчательный писатель придерживается *своего* правописанія... Съ одной стороны мы видимъ постоянное слияніе предлоговъ съ существительными, ксожалѣнію, впродолженіи, втеченіе и т. п.; съ другой замѣненіе буквы е буквою о, учоный, чорный, душою, отцомъ и т. п.; далѣе особенную любовь къ дательному падежу, — подобнаго роду, такого разряду ²⁾ и т. д.». Затѣмъ авторъ статьи старается доказать, что буквы ѳ и э совершенно излишни. «Ѳ, говоритъ онъ, сдѣлалась въ нашей азбукѣ буквою *мертвою*, т. е. осталась только въ нѣкоторыхъ старыхъ греческихъ словахъ; во всѣхъ же другихъ, переходящихъ въ нашъ языкъ, начиная съ вѣка Екатерины II, является вмѣсто ѳ буква т. Слѣдственно, мертвый членъ можно отсѣчь легко, безъ всякаго ущерба для всего тѣла, особенно если онъ можетъ быть замѣненъ другимъ, *вполнѣ ему равносильнымъ*... Русскій языкъ не имѣлъ нужды поддѣлываться подъ греческій звукъ, а прямо превратилъ его въ свой губной звукъ, для выраженія котораго назначена буква ф. Для чего же ѳ? Развѣ для того только, что славянскіе учителя были Греки и произносили о по гречески. Для ихъ уха было странно превратить зубной звукъ въ губной; а быть можетъ они даже не угадывали, въ какой звукъ славянскій говоръ превратитъ ихъ ѳ. Вотъ какъ явилась въ славянской азбукѣ ѳ; явилась она *разумно*,

¹⁾ Вѣд. Спб. гор. полиціи 1852, №№ 213 и 226.

²⁾ Намекъ на Сенковского, который часто употреблялъ это польское окончаніе род. падежа.

не какъ лишняя, но какъ буква со своимъ особеннымъ звукомъ. Славянскій языкъ, по свойству своему, не принялъ этого звука. Зачѣмъ же остался знакъ, его выражавшій? Съ какой стати буква ф получила вовсе не нужный дубликатъ?» Что касается буквы э, то Фурманъ совершенно неудачно силится доказать ея бесполезность и мнимую сбивчивость ея употребленія. Все дѣло въ томъ, что она соотвѣтствуетъ дѣйствительно-существующему въ языкѣ звуку и что она необходимо принадлежитъ къ системѣ нашихъ гласныхъ, которая безъ нея не имѣла бы полного на письмѣ изображенія. Наши іотированныя гласныя (по Ломоносову, потаенно доегласныя) произошли отъ чистыхъ: а, о, у; я=йа, ё=йо, ю=йу; очевидно, что и е=йэ, т. е. что это — іотированное э; безъ послѣдняго начертанія мы не могли бы правильно изобразить состава буквы е.

Замѣтки Фурмана и возбужденныя ими толки подали поводъ г. Стоюнину помѣстить въ Полицейской же газетѣ ¹⁾ дѣльную статью «о русской азбукѣ», гдѣ онъ противъ безогчетныхъ умствованій выставляетъ знамя науки. Разсматривая постепенное развитіе нашей азбуки со времени введенія гражданской печати, онъ останавливается подробнѣе на мнѣніяхъ Тредіаковскаго, Ломоносова, Сумарокова и наконецъ вступаетъ за оспариваемыя нѣкоторыми права буквы ф. «Въ грамматическомъ устройствѣ языка», говоритъ г. Стоюнинъ, «обѣ буквы—ф и с—имѣютъ свое значеніе и свои особенныя, отличныя одинъ отъ другаго законы. Мы можемъ уничтожить знакъ, но не уничтожимъ законовъ, которые всегда останутся въ языкѣ: вредъ будетъ состоять только въ томъ, что мы лишимся *видимыхъ* фактовъ, какъ представителей звука. Пусть ф уступитъ всѣ свои права е, тогда у насъ для одной буквы явится множество правилъ, различныхъ, несогласныхъ и, можетъ быть, часто противорѣчащихъ правилъ, которыя теперь распредѣляются между *двумя* буквами и составляютъ немногосложныя и простыя правила. Но намъ скажутъ: вѣдь исключена же буква

¹⁾ 1852, №№ 242 и 243.

юсъ, которая имѣетъ свои особенности, отличныя отъ коренныхъ у и я? Да, въ письмѣ она исключена, но мы безпрестанно должны къ ней обращаться при изученіи грамматическаго образованія многихъ русскихъ словъ; въ русскомъ письмѣ ея нѣтъ, но въ русской грамматикѣ она все-таки существуетъ во всей своей силѣ и не можетъ оттуда никогда исчезнуть. Въ такомъ случаѣ не можетъ ли и буква ѣ существовать только въ одной грамматикѣ? Какая же изъ того польза? Развѣ та, что большинство не будетъ затрудняться въ правописаніи многихъ словъ; но вѣдь и кромѣ буквы ѣ есть не мало случаевъ въ русскомъ правописаніи, гдѣ затрудняется большинство: неужели все это уничтожать и измѣнять по требованію большинства, которому между тѣмъ легко можетъ помочь наука? Такимъ образомъ буква ѣ не можетъ назваться условною буквой, до которой нѣтъ дѣла филологіи; нѣтъ, она имѣетъ свое свойство, свое значеніе, имѣетъ полное право стать подъ защиту разумной науки».

Особенною смѣлостью отличается орфографическая попытка, выразившаяся издавіемъ книги: «Філоктіт, трагедія Софокла. С греческова перевел і замѣчаніямі объясніл П. Т. Санктпетербург 1856». Въ предисловіи переводчикъ говоритъ: «... я держался правописанія, которое назову правописаніемъ безъяцкім — безъяцкіі, безъяк, без ѣ; прідержіваясь этого правописанія я выпустил изъ азбуки букву ѣ і все излишнія буквы, знаки не имеющіе ілі потерявшіе значеніе и смысл, я старался довести русское правописаніе до возможной простоты; мне кажется, я надеюсь на то, я даже уверен в том, что это правописаніе со временем должно войти в употребленіе, ибо оно рационально, оно просто, оно уничтожает всякія устаревшія, потерявшія значеніе, бессмысленныя і затрудняющія формы азбуки. Впрочемъ рациональная послѣдовательность требуетъ ввести новый знак ѣ для обозначенія мягкова о, т. е. ё, іо, какъ наприкладъ в словахъ: еще, все перевел; такимъ образомъ все гласныя будутъ имѣть знакъ для обозначенія ихъ смягченія, а именно: а — ја = я, э — је = е, і — жі = і, о — јо = ѣ, у — ју = ю;

о знаке ѣ не буду спорить: если можно придумать лучшей, более удобный знак, то тем лучше».

Орографию того же рода находимъ въ книгѣ: «Греческая мифология, или сказаніе о вере и богахъ древнихъ народовъ. Н. Причудинскова». (Спб. 1860. 12^о). Авторъ находитъ, что при множествѣ предметовъ, которые русскому человѣку пужно изучать, ему нельзя «терять время на то, чтобы научиться писать букву ѣ и другія безполезныя буквы — нет, нетъ и тысячу разъ нет!... Университетское изученіе русскаго языка и славянскихъ наречій», объясняетъ онъ, «убедило меня в возможности выпустить букву ѣ и другія лишнія буквы (Ѡ, і, ѣ въ концѣ слов); вотъ почему я написалъ эту книжку безъяцкимъ правописаніемъ». Послѣдкія слова и другія особенности этой книжки, хотя и не совсѣмъ согласныя съ тѣмъ, что мы видѣли въ предыдущей, заставляютъ предполагать, что обѣ одного происхожденія ¹⁾.

Въ 1857-мъ году является опять г. Кадинскій; на этотъ разъ его книжка озаглавлена: «Преобразованіе и упрощеніе русскаго правописанія». Чтобы дать понятіе о скромномъ взглядѣ самого автора на свое изобрѣтеніе, достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ послѣдней страницы этого творенія: «... pri Latinscoi asbucae у pri моихъ правилax ни одинъ ребѣнокъ не можетъ сдѣлать ошибокъ въ правописаніи; потому что и менѣе каждаго звука имѣетъ собственное начертаніе, незамѣнимое никакимъ другимъ начертаніемъ; такъ что всеако произволъ въ правописаніи на всегда устраняется. У доколае Руссаіа речъ будетъ гитъ въ устахъ народа, доколе мое правописаніе сохранитъ неизмѣнно свои характеръ». При появленіи этой книжки, Сепковскій, остроумно поднявъ на смѣхъ такое писъмо ²⁾, воспользовался случаемъ, чтобы и съ своей стороны предложить пововведеніе, не менѣе страстное. Считаю «истиннымъ горемъ русской грамоты отсутствіе въ ней всякой

¹⁾ По мнѣнію г. Геннади, это — собъ Н. Тимаева; начальными буквами его имени означено и предыдущее изданіе.

²⁾ Смыслъ От. 1857, № 32.

методы выражать съ надлежащею вѣрностью иностранныя собственныя имена», онъ придумалъ слѣдующій оригинальный способъ поправить эту бѣду. «Есть у насъ», говоритъ *Брамбеусъ* (такъ онъ подписался подъ статейкой), «одна оборотная буква (э). Основаніе системы положено: нельзя ли дать ей нѣкоторое развитіе... распространить кругъ оборотности? Почему бы оборотное г не могло выражать у насъ латинскаго, нѣмецкаго и англійскаго h¹)? Почему оборотный ерикъ ч, поставленный послѣ н, не указывалъ бы на французское носовое n? или оборотное л на англійское th?... Французское n можно было бы удобно выразить посредствомъ того же мягкаго знака, поставленнаго послѣ твердаго русскаго у такъ: уь. Глухое h хорошо выражается оборотнымъ апострофомъ: фамилія Victor Hugo приняла бы въ русской печати видъ «Викторъ 'Уьго»... и т. д. Сенковскій (серіозно или шутя?) находилъ эту мысль полезною и выражалъ желаніе, чтобы она удостоилась вниманія и утвержденія главнѣйшихъ періодическихъ изданій.

Послѣ г. Кадискаго соотечественникъ его г. Котковскій пошелъ еще далѣе и въ издашии въ 1862 Кіевѣ брошюрѣ *Postęć i wsteczność* и проч. доказывалъ, что всѣ Славяне должны принять польскую азбуку и польское правописаніе (см. *Кіев. Курьеръ*, 1862 № 35, статья К. Шейковскаго «О польскомъ правописаніи»). Вотъ что между прочимъ говоритъ рецензентъ этой брошюры: «Г. Котковскій видитъ в *вразданннцъ* (такъ онъ называетъ теперешній русскій алфавитъ) много азійскаго. Но въ своей брошюрѣ онъ употребляетъ такіе филологическіе приемы, которые и въ Азіи уже не употребительны» и проч.

Въ 1860 году начали выходить въ Воронежѣ *Филологическія Записки*, изданіе, которое и до сихъ поръ ведется съ похваль-

---

¹) Сенковскій по видимому не зналъ, что мысль объ оборотномъ г уже выражена въ слѣдующемъ примѣчаніи къ *Разговору* Тредіаковскаго: «Нѣкто изъ искусныхъ людей, котораго я къ себѣ благосклонность почитаю, вымышляетъ ссей буквѣ двѣ фігуры, а именно сію ч і сію л: но мнѣ сіе не нравітся для того что онѣ обѣ странны, і дікі очамъ російскімъ» (*Разг.*, Спб. 1748, стр. 382).

нымъ постоянствомъ и любовью къ наукѣ. Въ первомъ же выпускѣ его напечатаца довольно обширная статья издателя А. А. Хованскаго «Взглядъ на правописаніе вообще». Хотя эта статья и не представляетъ полнаго и систематическаго труда, однакожь авторъ ея заслуживаетъ благодарность за эту первую въ своемъ родѣ попытку выяснитъ современное положеніе русскаго правописанія и обозрѣть его видоизмѣненія въ разныхъ органахъ нашей печати. Г. Хованскій по большей части не входитъ въ критическое разсмотрѣніе того или другаго способа начертанія словъ, а довольствуется указаніемъ нѣкоторыхъ, самыхъ видныхъ разнорѣчій правописанія и приходитъ къ такому заключенію: «Что же намъ наконецъ остается дѣлать, чтобы установить единство въ правописаніи? Остается одно — доказывать право употребленія той или другой буквы, изыскивать и выяснять то начало, на которомъ можно было бы основать неоспоримое доказательство того или другаго правила, — въ остальномъ согласиться не трудно, а согласіе въ этомъ необходимо: оно святое дѣло»¹⁾).

Кажется, эта статья не осталась безъ послѣдствій и имѣла нѣкоторое участіе въ возбужденіи тѣхъ орфографическихъ совѣщаній, которыя въ первой половинѣ 1862 года обращали на себя вниманіе всего грамотнаго Петербурга. По крайней мѣрѣ г. Стоюнинъ, въ рефератѣ прочитанномъ въ первомъ засѣданіи, не забылъ упомянуть о статьѣ г. Хованскаго. Впрочемъ довольно необыкновенное явленіе этого грамматическаго конгресса было въ связи съ господствовавшими тогда въ нашемъ обществѣ стремленіями къ облегченію народнаго образованія, къ распространенію грамотности. Съ 1860 года во 2-ой петербургской гимназій происходили, по два раза въ мѣсяць, педагогическія собранія. На одномъ изъ нихъ, въ январѣ 1862, г. Стоюнинъ предложилъ «пригласить всѣхъ учителей русскаго языка, занимающихся въ Петербургѣ, съ тѣмъ чтобы они согласились въ общихъ орфографическихъ основаніяхъ и, разъяснивъ нѣкоторые спорные

¹⁾ Фил. Зап. 1860, вып. I, стр. 65.

пункты, упростила бы самую ороографію»¹⁾). Мысль эта была одобрена собраніемъ, и въ Великомъ посту пачались совѣщанія, въ которыхъ, кромѣ педагоговъ, приняли участіе и нѣкоторые журналисты; было тутъ много и любопытныхъ. Отчеты объ этихъ разсужденіяхъ печатались въ журналѣ *Учитель*, и притомъ печатались одно время съ новою, одобренной въ собраніяхъ ороографіей. Въ первомъ собраніи, на которомъ присутствовало болѣе ста человѣкъ, и въ томъ числѣ нѣсколько дамъ, г. Стоюнинъ прочелъ составленную имъ записку о подлежащей этимъ сходкамъ задачѣ. Его программа отличалась умѣренностью, и если бѣ совѣщавшіяся лица остались вѣрны главнымъ его началамъ, то вѣроятно тогдашнія собранія имѣли бы большій успѣхъ, пежели какой въ самомъ дѣлѣ выпалъ на долю ихъ. Г. Стоюнинъ очень хорошо понималъ, что невозможно предоста-вить въ ороографіи исключительнаго господства ни этимологическому основанію, ни фонетическому и что рѣчь можетъ идти только о примиреніи ихъ, объ опредѣленіи, «въ какихъ случаяхъ держаться словопроизводства, въ какихъ произношенія». Онъ очень умно замѣтилъ, что *историческое основаніе*, т. е. не одна филологическая сторона, но и давняя привычка, обратившаяся въ законъ, «никакъ не допускаетъ крутыхъ и рѣзкихъ преобразованій и измѣненій, которыя должны были бы заставить все настоящее дѣйствующее поколѣніе переучиться писать и даже читать, и которыя могутъ угрожать будущимъ поколѣніямъ не понимать безъ особеннаго ученія того, что напечатано до настоящаго времени²⁾». Къ сожалѣнію, г. Стоюнинъ, развивая далѣе частности своего плана, самъ забылъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свое основное начало и предлагалъ между прочимъ такія нововведенія, которыя конечно принадлежатъ къ разряду коренныхъ преобразованій письма; напр. онъ предлагалъ писать по слуху: *голанецъ*, *голанскій*, *лапланецъ*, вм. *голландецъ* и проч., т. е. такъ, какъ до тѣхъ поръ никто не писалъ.

1) *Учитель* 1862, стр. 132.

2) *Учит.* 1862, стр. 266.

Программа г. Стоюпина была принята собраніемъ; положено считать вопросы рѣшенными только по общему согласію, и приступлено къ разсмотрѣнію русскаго алфавита, причемъ немедленно рѣшено исключить изъ него *ѣ*.

Собравшіеся во второй разъ, при самомъ открытіи совѣщаній, отступили уже отъ руководящей мысли первоначальнаго плана, заявивъ себя, большинствомъ голосовъ, на сторонѣ коренныхъ преобразованій, т. е. такихъ, которыя клонятся къ измѣненію правилъ, принятыхъ всѣми. По прочтеніи г. Кеневичемъ остроумной записки, направленной противъ буквъ ѣ, ъ, ѣ, ѓ и ѵ, происходили долгіе споры о буквѣ ѣ; наконецъ почти все согласилось, что исключеніе ея было бы желательно, не смотря на возраженія г. Стоюпина и пѣкоторыхъ другихъ педагоговъ, указывавшихъ на практическія неудобства такого исключенія. «Есть ли возможность, спрашивалъ г. Стоюпинъ, учить орфографіи безъ ѣ, пока эта буква не выйдетъ изъ печати, и можно ли надѣяться, что такое нововведеніе будетъ принято въ литературѣ и вообще грамотными людьми? Ученіе дѣтей происходитъ по книгамъ, а разлада или разрыва между ученіемъ и тѣмъ, что дѣти находятъ въ своихъ учебныхъ книгахъ, быть не должно. Дѣлать же пробу въ надеждѣ, что современемъ такая орфографія утвердится, не значитъ ли играть учениками, чего никто также позволить себѣ не можетъ»¹⁾. Кѣмъ-то было сдѣлано еще другое, не менѣе основательное возраженіе: «Положимъ, что правила правописанія, одобренныя настоящимъ собраніемъ, будутъ приняты и установятся въ свѣтской литературѣ; но духовная-то литература что скажетъ? Будетъ ли она согласна принять ихъ? А ея согласіе очень важно: мы теперь хлопочемъ о распространеніи грамотности въ народѣ, а народъ, какъ всякому изъ присутствующихъ извѣстно, всего охотнѣе беретъ за книги духовнаго содержанія».

Съ 3-го засѣданія увлеченіе педагоговъ желаніемъ передѣлать кириллицу, вопреки *историческому началу*, признанному въ

¹⁾ Учит., стр. 302. Ср. выше, стр. 60, защиту буквы ѣ въ прежней статьѣ г. Стоюпина.

1-мъ собраніи, замѣтно растеть. Пренія касались особенно предложенія не употреблять буквъ ъ и ь и замѣнить ихъ надстрочными знаками. Но «вопросъ о знакѣ смягченія возбудилъ вопросъ о типографскомъ удобствѣ. Г. Кеневичъ объявилъ, что онъ навелъ справки въ типографіи Академіи наукъ и тамъ узналъ, что предлагаемый имъ знакъ ударенія надъ согласною буквою значительно долженъ увеличить типографскую буквенную кассу, такъ какъ нужно будетъ отливать особенно каждую согласную букву со знакомъ». Это заявленіе заставило собраніе отложить вопросъ о буквахъ ъ и ь. Между тѣмъ однакоже всѣ согласились принять за основаніе такое правило: каждая буква должна выражать опредѣленный звукъ; каждый существующій въ языкѣ звукъ долженъ имѣть соотвѣтствующую букву въ алфавитѣ, но только одну; знакъ, не соотвѣтствующій никакому звуку, не долженъ входить въ разрядъ буквъ, а быть знакомъ надстрочнымъ¹⁾. На этомъ основаніи одобрено предложеніе г. Стоюнина ввести въ азбуку букву ё, и большинствомъ голосовъ опредѣлено ставить ее между прочимъ послѣ ж, ч, ш, щ и ц тамъ, гдѣ она звучитъ какъ о. Затѣмъ, для изображенія звука и, большинство отдало предпочтеніе буквѣ і и рѣшило оставить ее въ алфавитѣ, исключивъ и, а вмѣсто ѣ употреблять і съ краткимъ знакомъ²⁾. Замѣтимъ, что тутъ, вопреки первоначальному постановленію собранія, вопросы рѣшаются уже по большинству голосовъ, а не съ общаго согласія.

Въ слѣдующемъ засѣданіи г. Стоюнинъ, одобревъ принятыя совѣщавшимися заключенія, какъ согласныя съ установленнымъ предварительно основаніемъ (въ чемъ однакожь трудно убѣдиться), напомнилъ между тѣмъ, что всѣ предложенныя исключенія буквъ могутъ быть заявлены «только какъ разумное желаніе, чтобы упростить и облегчить нашу орфографію; ввести же эти новизны въ общее употребленіе, въ печать», замѣтилъ онъ, «не въ нашей власти; поэтому нельзя ихъ вводить и въ педагогическую

1) Учит., 345.

2) Учит., 347.

практику, пока онѣ не примутся въ печати»¹⁾). Затѣмъ онѣ совѣтовалъ заняться болѣе практическими вопросами правописанія и перейти къ третьему отдѣлу программы, т. е. *перебрать всѣ разногласія въ орфографіи по частямъ рчи*. Согласно съ этимъ и были разсмотрѣны нѣкоторые частные случаи, и тутъ высказаны кое-какія дѣльные и интересныя замѣчанія, но постановлено опять нѣсколько совершенно непрактическихъ по повизнѣ своей правилъ, напр. по предложенію г. Стоюнина опредѣлено писать: *шастіе, щитать, пищая бумага*, и далѣе: *рассказъ, рассужденіе, бесстыжсе, бессловесный*, или еще: *Лягартъ, Ляморисверъ, маёръ* (вм. майоръ), *петербургскій, выборскій, французскій, персикскій*. Г. Кеневичъ, прочитавшій особую записку о правописаніи слитныхъ предлоговъ *воз, из, низ, раз, без* и *чрез* и подавшій ея поводъ къ приведенному окончательному заключенію по этому предмету, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ весьма основательный разборъ орфографіи этихъ предлоговъ въ словарь Даля, который напишетъ: *бесбруйный, бесвязный, беславіе, бессловесный* и т. п.

Изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ новаго правописанія, задуманнаго педагогическими собраніями, достаточно видно, какъ они незамѣтно удалились отъ первоначально принятой ими программы и, въ прямомъ противорѣчій съ нею, стали на путь, по которому идти далѣе было трудно. Отчетъ о 6-мъ совѣщаніи кончается заявленіемъ, «что по случаю наступающаго лѣта и каникулъ орфографическія собранія откладываются до осени. Очередные вопросы слѣдуютъ: о флексіяхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ». Осенью однакожъ орфографическія совѣщанія не возобновились; въ *Учитель* прочли только нѣсколько замѣтокъ по этому предмету, присланныхъ заинтересованными лицами на обсужденіе бывшихъ собраній и по большей части отличавшихся смѣлостью предложеній. Такимъ образомъ орфографическія совѣщанія 1862 года не привели ни къ какому практическому результату и остались только любопытнымъ и по-

¹⁾ Уч., 401.

учительнымъ эпизодомъ въ исторіи попытокъ перестроить нашъ алфавитъ и наше правописаніе на новыхъ основаніяхъ. Если бѣ затѣявшіе это дѣло сумѣли удержаться на практической почвѣ, если бѣ ограничили свою задачу разъясненіемъ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и рѣшеніемъ, которое изъ двухъ или трехъ уже употребительныхъ начертаній болѣе рационально, то можетъ быть результатъ былъ бы другой и публика сказала бы совѣщавшимся лицамъ спасибо. Но въ данныхъ условіяхъ орфографическія собранія 1862 года послужили только новымъ подтвержденіемъ той истины, что никакія крутыя преобразованія въ языкѣ, предпріятыя по теоріи, не удаются, хотя бы и имѣли за себя авторитетъ извѣстныхъ спеціалистовъ.

Органы нашей журналистики очень различно отнеслись къ орфографическимъ совѣщаніямъ. Въ апрѣльской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* явилась юмористическая статья въ видѣ отрывковъ изъ не существующаго журнала *Самодуръ*, напечатанныхъ на основаніи новой орфографіи, въ которой осуществлены не только предположенія, одобренныя собраніями, но и нѣкоторыя черты частныхъ мнѣній, не принятыхъ ими¹⁾. Въ мартовской книжкѣ *Библиотеки для чтенія* неизвѣстный авторъ статьи «По вопросу объ упрощеніи русской орфографіи» нападаетъ съ ожесточеніемъ на всякую связь правописанія съ грамматикой, и потому, находя даже предположенныя преобразованія недостаточными, требуетъ чисто-фонетической орфографіи, не касаясь однако вопроса о практической возможности осуществленія такой мысли²⁾. Особо-живая статья по поводу петербургскихъ совѣщаній о правописаніи явилась въ журналѣ *Время* (март. книжка) подъ заглавіемъ: «Орфографическая распря». Извлеченіе изъ нея помѣщено въ приложеніяхъ къ настоящему труду. Съ безусловнымъ сочувствіемъ къ преобразовательнымъ планамъ конгресса отнесся *Книжный Вѣстникъ*, напечатавъ (въ № 5) статью г. Бѣ-

¹⁾ *Отеч. Зап.*, т. СХLІ, статья «Все и ничего», стр. 239—254.

²⁾ *Библ. для Чит.* т. 170, стр. 76—92.

лобородова, «Нѣсколько словъ объ упрощеніи правописанія»¹⁾. Авторъ не сомнѣвается въ благотворныхъ результатахъ совѣщаній, приходитъ къ заключенію, что «какъ народъ нельзя заставить говорить такъ, какъ пишется, то, натурально, надо писать, какъ говорится», и представляетъ образецъ новой орфографіи, въ которой идетъ еще далѣе совѣщающихся и пишетъ напр.: географическаво, гражданскова, общева.

Между провинціальными газетами всѣхъ серьезнѣе взглянулъ на дѣло *Кіевскій Курьеръ*. Въ статьѣ: «По поводу преобразованія нашего правописанія» рассказано о преніяхъ 2-го собранія и между прочимъ замѣчено, что тутъ были «и такіе господа, которые позволили себѣ недостойное глумленіе надъ наукою, что хотя было и остроумно, но вовсе не умно. Смѣйтесь надъ педантизмомъ, надъ рутиной, сколько вамъ угодно, а науку, воли которой не переѣздить, оставьте въ покоѣ». Всего любопытнѣе что вмѣстѣ съ тѣмъ редакція объявила, что съ слѣдующаго (12) номера она изгоняетъ изъ своей газеты тѣ въ концѣ словъ, и дѣйствительно во все остальное время изданія газеты, т. е. до конца іюля мѣсяца того же года, *Кіевскій Курьеръ* печатался безъ сровъ, начиная отъ заглавія и кончая подписью: «Редакторъ Петръ Стрешнев».

Въ Москвѣ *Новое Время* напечатало по тому же поводу статью одного изъ тамошнихъ преподавателей, г. Робера, вступившагося за честь русской орфографіи. Въ его статьѣ особено важно заявленіе, что онъ, «къ удивленію своему, не видитъ ни малѣйшей причины къ такому возстанію противъ нашей орфографіи», какое произошло въ Петербургѣ. «Едва ли какой языкъ», по его мнѣнію, «представляетъ такую правильность, такое богатое развитіе въ производствѣ словъ, какъ русскій языкъ... И едва ли есть языкъ, въ которомъ бы такъ ясно производство слова выражалось въ правописаніи. Только въ очень немногихъ случаяхъ наше правописаніе отступило отъ производства... Всякое коренное измѣненіе въ нашемъ правописаніи будетъ замѣною правилъ, осно-

¹⁾ Эта же статья была напечатана и въ С. О. 1862, № 36.

ванныхъ на разумныхъ началахъ, другими, основанными на простомъ условномъ соглашеніи: гдѣ же будетъ болѣе сбивчивости и шаткости? Вслѣдъ за тѣмъ составитель предлагаемаго очерка помѣстилъ въ *Современной Лѣтописи* свои соображенія «по поводу толковъ о правописаніи»¹⁾. Не могу здѣсь умолчать объ этой статьѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она выражала не одно личное мое мнѣніе, а во-вторыхъ, она вызвала возраженіе со стороны одного изъ тѣхъ членовъ орѳографическихъ соборій, которые принимали въ нихъ самое дѣятельное участіе. Статья моя была главнымъ образомъ посвящена вопросу о возможности сократить или пополнить нашъ алфавитъ. Желаящіе ознакомиться съ тогдашними замѣчаніями моими найдутъ ихъ въ приложеніи къ настоящему труду. Здѣсь же упомяну только, что я находилъ несумѣстною въ *русскомъ* алфавитѣ *греческую* букву (*ѳиту*) и кромѣ того считалъ полезнымъ прекратить употребленіе въ концѣ словъ *ера*, который тутъ можетъ всегда подразумеваться. Съ этимъ послѣднимъ взглядомъ предварительно согласились уважаемые сочлены мой по Академіи наукъ: покойный Востоковъ и И. И. Срезневскій. Только впоследствии я узналъ, что Востоковъ уже въ самомъ началѣ своего филологическаго поприша былъ того же мнѣнія²⁾.

Такъ взглянула на этотъ вопросъ и редакція газеты, гдѣ появилась означенная статья моя, и въ выноскѣ было помѣщено примѣчаніе: «Намъ также кажется, что дѣло слѣдуетъ начать съ отмѣны *ера* въ концѣ словъ; но мы полагаемъ, что для этого нужно согласіе по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ журналовъ. Мы заранее заявляемъ готовность присоединиться къ договору». Такое устраненіе буквы ѳ (было замѣчено въ той статьѣ) не только сберегло бы много мѣста и времени, но уменьшило бы и издержки печатанія. При этомъ редакція газеты исчислила, что «сбереженіе составило бы приблизительно 8% на наборѣ, печати и бумагѣ. Изданіе, тра-

¹⁾ *Совр. Лѣт.* 1862, № 28 (іюль).

²⁾ См. выше, стр. 45; Борна *Крат. руковод. къ рос. слов.*, стр. 17.

тящее на эти предметы 100.000 р., платитъ за букву ъ приблизительно 8000 р.».

Относительно этого уже и въ орфографическихъ собраніяхъ было исчислено г. Кеневичемъ, что ъ и ѣ «составляютъ болѣе чѣмъ двадцатую часть всего печатаемаго¹⁾». Такъ въ сочиненіи Буслаева «Историческіе очерки народной поэзіи», въ томѣ 40 листовъ; можно полагать, что изъ нихъ слишкомъ 2 листа заняты полугласными. Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, который предполагается издать въ 40 томахъ, два тома будутъ заняты только полугласными; между тѣмъ изданіе тома обходится среднимъ числомъ около 15 тысячъ; слѣдовательно издатели Энциклопедическаго Лексикона платятъ 30 тысячъ р. только за полугласныя».

Десять лѣтъ прошло со времени всѣхъ этихъ разсужденій; однакожь буква ъ и до сихъ не потеряла своего права гражданства на концѣ словъ въ русскомъ письмѣ, и невольно припоминается замѣчаніе русской грамматики, изданной въ 1750 г. на шведскомъ языкѣ: «Хотя этотъ знакъ въ произношеніи и начертаніи словъ не только никакой пользы не приноситъ, а напротивъ еще скорѣе затрудняетъ чтеніе, однакожь онъ такъ вошелъ во всеобщій обычай, что почти нельзя ожидать, чтобы названный знакъ когда-нибудь былъ исключенъ изъ числа русскихъ буквъ»²⁾.

1) Въ прошломъ столѣтіи враги буквы ѣ сдѣлали арифметическое вычисленіе, и нашли, что эта буква занимаетъ $\frac{1}{16}$ долю всего типографскаго набора буквъ (Смолюнинъ, *О русской азбукѣ*). Въ *Книжномъ Вѣстникѣ* утверждали, что отказавшись отъ буквъ и, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ и ѣ, мы «выиграемъ шестую часть времени и капитала, т. е. на $\frac{1}{6}$ часть будемъ меньше тратить бумаги, чернилъ, перьевъ и пр., а слѣдовательно меньше потребуются времени и писарей». (К. В. 1862, № 5). Еще до того Сенковскій, по поводу книжки Кадинскаго, говорилъ: «Пагубнѣе всѣхъ и всего этотъ тунядь ѣ, эта пиявка, высасывающая лучшую кровь русскаго языка, этотъ злокачественный наростъ — родъ грамматическаго рака — на хвостѣ русскихъ словъ: онъ пожираетъ болѣе восьми процентовъ времени и бумаги, стбитъ Россіи ежегодно болѣе 4.000.000 руб., — а какую приноситъ ей выгоду или честь?» и т. д. (*Листки бар. Брамбеуса*, Спб. 1858, стр. 633).

2) «Россійская Грамматика. Thet är Grammatica Russica eller Grundelig Handledning till Ryska Språket &c. Utgifven af Michael Groening». Stockholm 1750.

Послѣ 1862 года было только одно довольно крупное изданіе, которое умѣло отрѣшиться отъ предразсудка, считающаго конечный ѣ необходимымъ. Это *Настольный Словарь* покойнаго Толля, гдѣ ѣ на этомъ мѣстѣ удержанъ только въ заглавныхъ словахъ; въ объясненіяхъ онъ исключенъ, оставаясь однакожъ какъ въ серединѣ словъ, гдѣ нужно (напр. въ словѣ «объявить»), такъ и при предлогахъ, состоящихъ изъ одной согласной (въ, къ). Такъ же точно и *ѣта* совершенно устранена изъ этого словаря.

Что касается до буквы ѣ, то въ статьѣ 1862 года я находилъ, что изгнаніе этой буквы равнялось бы уничтоженію этимологическаго характера нашей орфографіи. Г. Кеневичъ, оставаясь вѣрнымъ тому, что онъ говорилъ въ собраніяхъ, является и въ возраженіи своемъ на мою статью непримиримымъ врагомъ этой буквы¹⁾. Главнымъ основаніемъ служитъ ему то, что правильное употребленіе ея въ корняхъ словъ издавна не вполнѣ соблюдается, такъ что во многихъ случаяхъ мы не пишемъ ея тамъ, гдѣ она въ древности писалась; во флексіяхъ же можно равнымъ образомъ обойтись безъ нея, такъ какъ мѣсто, занимаемое словомъ въ предложеніи, достаточно опредѣляетъ грамматическую форму слова. Въ заключеніе авторъ спрашиваетъ: «Стоитъ ли учиться тому, что, требуя отъ учащагося большихъ усилій, не даетъ ему никакого положительнаго знанія, не развиваетъ его способностей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы? Стоитъ ли терять время, замѣтьте, лучшее время жизни, на то, чтобы пріобрѣсть навыкъ совершать дѣйствіе, не имѣющее ни опредѣленной цѣли, ни разумнаго основанія». — Едва ли можно согласиться съ г. Кеневичемъ въ посылкахъ, на которыхъ построены его вопросы. Едва ли знаніе разлхохарактернаго состава словъ языка и различнаго образованія его флексій можно считать безцѣльнымъ, неразумнымъ и бесполезнымъ. Нельзя сказать, чтобы неодинаковое начертаніе такихъ словъ, какъ напр. *сведеніе* и *свѣдѣніе*, ни на чемъ не было основано. Если скажутъ, что для различенія этихъ двухъ словъ при одинаковомъ начертаніи ихъ достаточно

¹⁾ *Слв. Пчела*. 1862, № 314: «Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Грота».

было бы знака ударенія, то можно спросить, чѣмъ же этотъ способъ былъ бы лучше и былъ ли бы онъ достаточно знаменателенъ?

Въ истекшее десятилѣтіе самыя замѣтныя отступленія отъ господствующаго правописанія позволилъ себѣ покойный В. И. Даль въ своемъ словарѣ. Вотъ главныя особенности его письма:

1) Находя, будто фонетикѣ русскаго языка противно удвоеніе одной и той же буквы, онъ во многихъ случаяхъ не допускаетъ такого удвоенія и пишетъ, напримѣръ: *беславіе, бессмертіе, бесмысліе, конченый, опредѣленный, исполненный*, также: *вообще, воображеніе, вооружать* и т. п. Однакожь надобно замѣтить, что Даль самъ не выдерживаетъ своего правила и, по мѣрѣ удаленія отъ начала словаря, болѣе и болѣе измѣняетъ себѣ: такъ предлогъ *из* передъ с онъ уже пишетъ то цѣлкомъ, то ставя з въ скобкахъ, напр. *изсасывать, изсиня, и(з)спссивать, и(з)страдать, и(з)стари*, хотя въ обоихъ случаяхъ не слышно никакой разницы въ произношеніи; а предлогъ *раз* онъ уже нигдѣ не сокращаетъ передъ с и пишетъ: *разсаживать, рассуждать* и проч. Да и трудно было бы остаться вѣрнымъ правилу, основанному на совершенно ложномъ положеніи: русская фонетика не только не чуждается удвоенія буквъ, но напротивъ часто безъ основанія сдваиваетъ согласныя, особенно букву н, какъ видно изъ произношенія страдательныхъ причастій и прилагательныхъ въ родѣ: *деревянный, соломенный, мысленный*, также глагола *итти*, словъ подобныхъ *прочій, причина, поручекъ* и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ правописаніе давно уступило говору, и до сихъ поръ пишутъ съ двойнымъ н причастія и прилагательныя, а прежде писали на томъ же основаніи: *спротчелъ, притчина*, произнося: *вироччемъ*, и т. д.

2) Постояннѣе Даль держится своего правила въ иноязычныхъ словахъ, которыя считаетъ справедливымъ писать только по слуху, безъ соображенія съ подлинною ихъ орфографіею; но между тѣмъ, строго слѣдуя принятому началу, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ произношеніемъ, когда напр. пишетъ: *каса, маса* и т. п.

Другія особенности орфографіи Даля касаются частныхъ случаевъ, и я не буду останавливаться на нихъ, тѣмъ болѣе что опѣ уже обозначены мною въ другомъ мѣстѣ¹⁾. Нѣкоторыя черты этого правописанія пашли у насъ послѣдователей: есть люди, которые пишутъ *Росія, Прусія, комисія, професоръ, колеія, класъ* и проч. Но объ этомъ ниже.

Въ послѣдніе годы одинъ изъ типографскихъ корректоровъ въ Петербургѣ, г. Студенскій, убѣдившись на опытѣ въ неудобствахъ пестроты нашего правописанія, издалъ одну за другою двѣ справочныя книжки для авторовъ и переводчиковъ. Первая изъ нихъ (1869, 52 стр.) озаглавлена: «Корректурный Списокъ 700 словъ наиболѣе требующихъ одинаковаго начертанія»: вторая (1870) названа: «Корректурно-грамматическій или корректорскій списокъ». Последняя, и по объему (200 стр.) и по плану, гораздо обширнѣе первой и заключаетъ въ себѣ 4 отдѣла: I. Рукопись. — Издатель. — Списокъ словъ, требующихъ одинаковаго начертанія. — Корректурка. — Наборщики. — Типографія. — II. Грамматика и правописаніе. — III. Лексикографія. — IV. Языкъ и философія языка.

Нельзя не признать справедливою мысль автора о потребности въ такомъ пособіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что у него исполненіе вовсе не соотвѣтствуетъ доброму намѣренію. Ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ нѣтъ системы; вмѣсто серіознаго отношенія къ дѣлу, вездѣ странное балагурство; положительныхъ свѣдѣній мало, лишняго пропасть и наконецъ множество невѣрныхъ указаній и просто ошибокъ, такъ что пользоваться этою книжкой невозможно. Что сказать, напр., о слѣдующихъ замѣчаніяхъ: «*Борются* матеріально, тѣлесно, напр. боксеры; *боятся* съ предразсудками и пр. *Надѣются* и *надѣются* — разсужденія тѣ же» (стр. 28), или: «Сѣверная Америка, а не сѣверная, Южная Америка, а не южная, и это потому, что Америка самой природой такъ перехвачена въ срединѣ, какъ талія самой отчаянной ко-

¹⁾ См. *Филол. разысканія* Я. Грота. Разборъ *Толковаго Словаря* для присужденія автору Ломоносовской преміи, стр. 43—47.

кетки. — А грудь?.. пожалуй спросите вы. — Соединенные Штаты. — А башмачокъ? — Огненная Земля... Сл. у Бокля о плодородіи Бразиліи и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ о вѣздѣ Колумба» (стр. 72 . Но довольно... Иначе пришлось бы выписать почти всю книжку.

Недавно на нѣкоторыя трудности современнаго нашего правописанія указалъ бывшій преподаватель военно-учебнаго вѣдомства г. Новаковскій въ особой статьѣ, которую онъ представилъ въ Академію наукъ и потомъ напечаталъ¹⁾; въ этой статьѣ, имѣющей цѣлію примиреніе этимологической орфографіи съ говоромъ, авторъ приглашаетъ Академію къ рѣшенію спорныхъ вопросовъ своимъ авторитетомъ.

Мысль, что единство орфографіи можетъ быть установлено только рѣшеніемъ ученаго ареопага, очень естественна. Ее выражали не разъ, и тѣмъ настойчивѣе, что примѣръ тому видѣли во Франціи. Такъ и одинъ изъ бывшихъ нашихъ сочленовъ, покойный П. А. Плетневъ, при разборѣ грамматическаго сочиненія, изданнаго въ 1844 г., замѣтилъ: «До тѣхъ поръ мы будемъ писать по привычкѣ или по прихоти, пока этотъ грамматическій вопросъ» (т. е. вопросъ объ орфографіи) «не рѣшенъ будетъ, какъ во Франціи, единодушно обществомъ истишныхъ представителей Русскаго слова»²⁾. Надобно однакожь замѣтить, что примѣръ Франціи остается до сихъ поръ чуть ли не единственнымъ въ этомъ отношеніи: да и тамъ давно уже рѣшенія академіи принимаются не безусловно и не безъ критики, чему новѣйшимъ доказательствомъ можетъ служить недавно оконченный превосходный словарь Литтрé. Въ Швеціи, гдѣ учрежденная королемъ Густавомъ III академія также пыталась быть законодательницей въ дѣлѣ языка и, между прочимъ, правописанія, успѣхъ ея былъ далеко не полный. Можно навѣрное сказать, что и у насъ опредѣленія Академіи, если бъ и можно было достигнуть въ средѣ ея общаго соглашенія по этому предмету, не привели бы къ едино-

¹⁾ *Филол. Записки* 1872, вып 1 и 2.

²⁾ *Соврем.* 1844, т. XXXIX, стр. 311.

образію въ правописаніи: не только въ разныхъ органахъ печати нельзя предполагать такой уступчивости, которая побудила бы ихъ отказаться отъ своихъ орѳографическихъ привычекъ, но можетъ статья и тѣ, которые теперь взываютъ къ авторитету Академіи, первые отвергли бы ея опредѣленія, если бѣ эти послѣднія не были согласны съ ихъ собственными взглядами.

Поэтому Академія, по выслушаніи письма г. Новаковскаго, передала его статью въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, которое поручило мнѣ разсмотрѣть ее. Настоящій трудъ и предпринять по этому поводу. Въ своей запискѣ г. Новаковскій, жалуясь на пестроту и шаткость нашей орѳографіи, указываетъ на необходимость согласить два разнородныя начала ея, и для того выставляетъ нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ, съ помощію этимологіи и логическихъ доводовъ, доказываетъ преимущество одного начертанія передъ другимъ или предлагаетъ новое.—Такъ онъ совѣтуетъ писать: 1) *ити* вмѣсто *идти* или *итти*; 2) *попрежнему*, *помоему*, *понинынему*, не отдѣляя предлога; 3) *въ слѣдствіе*, т. е. отдѣляя предлогъ, вм. *вслѣдствіе*; 4) *ниодинъ* слитно вм. *ни одинъ*, соображаясь съ словами: *никто*, *ничто*, *никогда* и проч.; 5) *двѣсти*, какъ двойств. число, вм. *двѣсти*. Особенно настаиваетъ онъ на томъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда е съ удареніемъ слѣдуетъ за шипящими буквами ж, ч, ш, щ, писать не е и не просто е, а е съ двоеточіемъ (ё), за исключеніемъ немногихъ словъ (*свѣжо*, *горячо*, *плечо*, *хорошо*), въ которыхъ окончаніе на о уже утвердилось.

Разбирая эти вопросы, затронутые г. Новаковскимъ, я счелъ нужнымъ расширить свою задачу и пересмотрѣть съ исторической точки зрѣнія все нынѣшнее наше правописаніе. Замѣчанія мои, по мѣрѣ ихъ составленія, читались то въ Академіи, то въ петербургскомъ Филологическомъ обществѣ, и хотя не во всѣхъ случаяхъ можно было достигнуть единогласныхъ заключеній, но по крайней мѣрѣ каждый спорный вопросъ подвергался многостороннему обсужденію, и предлагаемые ниже выводы основаны на внимательномъ соображеніи разнообразныхъ мнѣній.

Наконецъ, уже во время печатанія настоящаго опыта, въ *Голосъ*¹⁾ появилась статья г. Скандовскаго о томъ, что разнорѣчія правописанія могутъ иногда, въ нашихъ гимназіяхъ, имѣть очень прискорбныя послѣдствія для экзаменуемыхъ учениковъ. Жаль, ежели въ самомъ дѣлѣ есть преподаватели, которые на обычныя орфографическія разнорѣчія письма смотрятъ какъ на ошибки. Но здѣсь не мѣсто касаться этой стороны предмета. Для насъ любопытны наблюденія автора (хотя мы съ нимъ и не во всемъ согласны) надъ особенностями орфографіи современныхъ газетъ и журналовъ; не лишень также интереса рассказъ его «о томъ, что происходило въ нынѣшнемъ году во 2-ой московской гимназій въ комиссіи, обсуждавшей учебникъ русскаго правописанія, составленный *И. Е. Соснецкимъ*. Комиссія состояла изъ директора, инспектора и трехъ преподавателей русскаго языка и словесности; инспекторъ (г. Гулевичъ) участвовалъ въ ней тоже въ качествѣ преподавателя словесности и русскаго языка. При обсужденіи разныхъ вопросовъ каждый изъ насъ», говоритъ авторъ, «не разъ и не два оказывался несостоятельнымъ, и мы провѣряли себя академическимъ и другими словарями, которые, въ свою очередь, отказывались иногда отъ рѣшенія нашихъ вопросовъ. Г. Гулевичъ представилъ болѣе сотни словъ, предлагая устранить въ нихъ двоякое правописаніе и постановить что-нибудь одно, на научныхъ, прочныхъ основаніяхъ. Но мы не пришли тогда ни къ какимъ прочнымъ результатамъ, такъ какъ поднимались вопросы и о совершенномъ устраненіи нѣкоторыхъ словъ». Далѣе авторъ такъ рассуждаетъ: «Прочные результаты, безъ сомнѣнія, желательны во всякомъ дѣлѣ, но едва ли они достижимы тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ установленіи прочнаго въ непрочномъ, *обязательныхъ навсегда и для всѣхъ правилъ въ живомъ еще языкѣ*. Тутъ возможно только временное соглашеніе. Потрудитесь-ка сосчитать число грамматическихъ, по нашему, ошибокъ въ грамматикѣ *Ломоносова* и въ грамматикѣ *Востокова*! Устанете. По кто же обвинитъ ихъ въ незнаніи грамматикъ?» — На эти замѣчанія, какъ надѣемся, предыдущее уже заклю-

1) 1872, № 162.

часть въ себѣ отвѣтъ. Въ каждую эпоху правописаніе, дѣйствительно, представляетъ свои особенности, свою фазу развитія. Многого, что писалъ Ломоносовъ, теперь конечно никто уже не напишетъ, напр. *двадцать, бутто, съ перьва*. Но нельзя же не согласиться, что въ нынѣшнихъ начертаніяхъ этихъ словъ виденъ успѣхъ науки, и что она должна постоянно стремиться къ большому и большому установленію правильнаго письма. А что касается до Востокова, то и нынѣшнимъ грамотеямъ полезно было бы почаще справляться съ нимъ. Иное дѣло обычай, иное — наука. То, что Востоковъ предписываетъ, соображаясь только съ употребленіемъ, напр. большія буквы въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, могло измѣниться; но его научные выводы еще не скоро утратятъ свою цѣну.

Наше перечисленіе главныхъ фактовъ въ исторіи русскаго правописанія было бы неполно, еслибъ мы не упомянули объ ученыхъ трудахъ, способствовавшихъ къ ближайшему разъясненію происхожденія славянской азбуки и употребленія ея, начиная съ древнѣйшихъ временъ: послѣ Востокова важныя услуги въ этомъ дѣлѣ оказали Павскій, Срезневскій и Буслаевъ, которыхъ изслѣдованія необходимо принимать въ соображеніе и при разсмотрѣніи орфографіи позднѣйшаго времени. Собственное правописаніе покойнаго Павскаго отличалось нѣкоторыми особенностями (напр. *естли, этъ*), которыя, однакожъ, не смотря на его ученый авторитетъ и на успѣхъ его книги, не перешли въ общее употребленіе. Указаніе на учебники повело бы насъ слишкомъ далеко.

V.

Изъ историческаго очерка нашей гражданской грамоты видно, что повторяющіяся у насъ отъ времени до времени попытки улучшеній по этой части относятся къ двумъ различнымъ предметамъ: 1) къ составу азбуки, и 2) къ правописанію словъ при имѣющейся азбукѣ.

Въ первомъ отношеніи, какъ уже было замѣчено, эти попытки не имѣли до сихъ поръ почти никакого успѣха; удалось

только устранить вошедшее-было въ обычай, съ середины прошлаго столѣтія, начертаніе ю (напр. всю) и на мѣсто его ввести ё, которое однакожъ никогда не было въ большомъ ходу и нынче пишется только въ рѣдкихъ случаяхъ; 1) для различенія словъ, одинаково изображаемыхъ, напр. *ведро* и *вѣдро*, *признаётъ* и *признаётъ*, 2) въ стихахъ, для болѣе нагляднаго обозначенія рифмы, напр. *заботъ* и *инётъ*, и 3) въ иностранныхъ именахъ и другихъ реченіяхъ: *Гёте*, *Лёве*, *манёвры*, *санёрз*. — Кроме того, въ свѣтскихъ книгахъ почти уже не употребляется у: большинство пишетъ *символь*, *миро*, и многіе отказались отъ *омты*.

Посмотримъ, есть ли дѣйствительная потребность въ пополненіи или сокращеніи нашей азбуки.

Изъ собственныхъ нашихъ звуковъ только одинъ, по настоящему, не имѣетъ соотвѣтственной буквы; это тотъ звукъ г, который слышится въ словахъ *Господь*, *благо*, *богатство*, въ нарѣчійхъ *всегда*, *когда* и т. п., въ косвенныхъ падежахъ слова *Богъ* и нѣкоторыхъ собственныхъ именъ иностраннаго происхожденія: *Петербурга*, *Лейпцига* и проч. Конечно, имѣть знакъ для отличенія такого г (который у славянскихъ народовъ, пишущихъ латинскою азбукою, выражается буквою h) было бы желательно, но оно тѣмъ менѣе необходимо, что приведенныя слова далеко не всеми Русскими произносятся съ подобнымъ отбѣнкомъ звука г: такъ въ Рязанскомъ и нѣкоторыхъ другихъ нарѣчійхъ онъ всегда выговаривается твердо, какъ въ словахъ *городъ*, *говорить*. Затѣмъ рѣчь можетъ идти только о надобности особаго знака для передачи звука h въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ; но тутъ является болѣе общій вопросъ, вопросъ о принятіи: слѣдуетъ ли имѣть въ азбукѣ буквы для выраженія иноязычныхъ звуковъ? Вопросъ этотъ прекрасно рѣшенъ еще Ломоносовымъ: «Ежели для иностранныхъ выговоровъ, замѣчаетъ онъ, вымыслятъ новыя буквы, то будетъ наша азбука съ Китайскую, и таково же смѣшно по правдѣ покажется, естли бы для подлиннаго выговору нашихъ реченій, въ которыхъ стоитъ буква ѣ, звукъ въ какой нибудь чужестранной языкъ приняли, или бы вмѣ-

сто ея новую вымыслили». Собственно же относительно г Ломоносовъ, хотя и соглашается, что эту букву «выговаривать пристойно какъ h, гдѣ h; какъ g, гдѣ g у иностранныхъ», однако прибавляетъ, что «въ томъ нѣтъ дальней нужды»¹⁾.

Одну чужую букву наша азбука изстари имѣла и до сихъ поръ имѣетъ: это греческая θ, которая конечно служить только къ затрудненію нашего письма, хотя, по увѣренію Мелетія Смотрицкаго, «между φ и θ различіе опасно хранимо естъ, ниже бо можетъ пишемо быти Φсооилъ, Θіліппъ, Фекла; но Θεοφίλъ» и т. д. Ломоносовъ же, вѣрный своему началу, говоритъ²⁾, что *Θита* «отъ первыхъ сочинителей Словенской азбуки въ нее внесена напрасно: ибо она Славянамъ и Россіянамъ столько не надобна, какъ Французамъ Ч или Ы, Нѣмцамъ Ж, Китайцамъ Р, которыхъ выговора они въ своихъ языкахъ³⁾ не имѣютъ». Не смотря на то, самъ Ломоносовъ, даже и въ своей Грамматикѣ, писалъ то *Федоръ*, то *Θедоръ*, *Тимошей*⁴⁾ и т. п. По мнѣнію Павскаго, при первоначальномъ изобрѣтеніи кириллицы, въ ней не было *θиты*; предположеніе его основывается на томъ, что эта буква, рядомъ съ ъ, ѱ и Ѵ, стоитъ въ самомъ концѣ азбуки и какъ будто прибавлена, вмѣстѣ съ ними, позднѣе⁵⁾. По замѣчанію И. И. Срезневскаго, θ, необходимая только для греческихъ и еврейскихъ словъ, уже въ древнихъ рукописяхъ очень часто была замѣняема буквою φ, а иногда и буквою τ⁶⁾. И нынче многіе ея уже совсѣмъ не пишутъ.

По всему этому нельзя ли бы, наконецъ, совершенно исключить букву θ изъ русскаго письма? Иностранныя слова можемъ мы вообще писать только такъ, какъ произносимъ ихъ, потому

¹⁾ *Росс. Грам.* §§ 85, 99.

²⁾ Тамъ же, § 22.

³⁾ Любопытно, что Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ постоянно отмѣчаетъ такимъ удареніемъ слово *языкъ* въ значеніи человѣческой рѣчи, для отличія отъ *языки*, *языковъ* въ смыслѣ тѣлесномъ. Это различіе и теперь еще строго соблюдается въ нашихъ духовныхъ училищахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ.

⁴⁾ См. изд. 1755, стр. 27 и 94.

⁵⁾ *Филолог. наблюденія*, Разсужд. I, § 21.

⁶⁾ *О Русс. правопис.* Журн. Мин. Нар. Просв. 1867.

во 1-хъ, что имѣемъ ограниченный запасъ буквъ, а во 2-хъ, что по неволѣ подчиняемъ иностранный выговоръ законамъ своей фонетики. Есть множество случаевъ, въ которыхъ иностранныя слова передаются по-русски въ искаженномъ видѣ не только по правописанію, но и по измѣненію самыхъ звуковъ, то въ окончаніяхъ, то въ самомъ корнѣ слова. Мы напр. говоримъ и пишемъ: *монастырь* (гр. μοναστήριον), *коленкоръ* (фр. calicot), *билетъ* (фр. billet), *трактиръ* (фр. traiteur). Такъ точно мы постоянно искажаемъ и тѣ греческія слова, въ которыхъ употребляемъ вмѣсто *и* (*ипсилона*) букву *η* (и, т. е. *иже*), напр. *тиль*, *лири*, *гимназія*, *мистика* (вм. тупъ, лира и проч.). Такимъ же образомъ мы искажаемъ въ произношеніи и греческія слова съ *и*тою, выговаривая эту букву по-своему, т. е. не какъ *шенелеватое* с (по выраженію Ломоносова), а какъ *ф*; но на письмѣ хотимъ скрыть это искаженіе и употребляемъ чужую, невозможную для насъ букву. Нельзя не согласится съ Хабаровымъ, что тутъ есть своя доля лицемѣрія. Испортивъ слово, сдѣлавъ его неузнаваемымъ въ такихъ звукахъ какъ *Фекла*, *Фивы*, *Федоръ*, *Тимофей*, *Феклисть* (вм. Θεοκτιστή) ¹⁾, мы хотимъ все дѣло поправить для виду и пишемъ *Фекла*, *Фивы*, безъ всякой пользы, только чтобы щегольнуть мнимымъ знаніемъ греческаго языка. Но когда мы въ другихъ случаяхъ произносимъ *ѳ* какъ *т* (напр. въ словахъ *театръ*, *математика*), то поступаемъ честноѣе и ничѣмъ не стараемся отличить на письмѣ 1-ое фальшивое *т* отъ 2-го истиннаго. Такъ же поступаютъ Итальянцы и Шведы, напр. въ словахъ: *teologia*, *teologi*, *teatro*, *teater*, *trono*, *tron* и т. п. ²⁾. И за что же отдаемъ мы предпочтеніе именамъ *Федоръ*, *Феклисть* и пр., отмѣчая на письмѣ ихъ греческое происхожденіе и оставляя многія другія, не менѣе искаженныя, безъ такого обозначенія, напр. *Георгъ*, *Степанъ*, *Оскаръ*?

¹⁾ Иностранцы, желая показать орусѣвшій характеръ такихъ именъ, пишутъ Fedor, а не Theodor.

²⁾ Немцы, Французы и Англичане продолжаютъ отличать не только *th* отъ *t*, но и *ph* (греч. *φ*) отъ своего одинаково произносимаго *f*.

Такимъ образомъ, въ теоріи отмѣна Ѡ является совершенно справедливымъ дѣломъ: гораздо лучше было бы вездѣ сознательно передавать звукъ ф соотвѣтствующею ему буквою, какъ многіе уже и дѣлаютъ, нежели писать, какъ иногда случается видѣть даже въ изданіяхъ относительно ученыхъ грамотеевъ: *Фебъ*, *Никиѡоръ*, *ѡинансы*, *сѡера*, *исторіѡграфъ* и т. п. Противится тому только давняя привычка, поддерживаемая однимъ весьма вѣскимъ соображеніемъ. Дѣло въ томъ, что ни одно собственно русское слово не содержитъ въ себѣ ни Ѡ, ни ф: та и другая буква служатъ только для начертанія заимствованныхъ словъ: справедливо ли же будетъ, могутъ сказать, дать одной изъ нихъ предпочтеніе передъ другою, и тѣмъ, затмивъ происхожденіе многихъ иноязычныхъ словъ, отвергнуть разумную цѣль, съ какою введены къ намъ обѣ буквы? Цѣль эта могла быть, дѣйствительно, разумною въ свое время, когда область заимствованія чуждыхъ словъ ограничивалась одною Греціею; но теперь, когда всѣ языки міра служатъ источниками нашихъ заимствованій, когда буквою ф означаетъ звукъ, существующій и у множества другихъ народовъ, — когда въ бесчисленныхъ случаяхъ мы не имѣемъ возможности точно означать своими буквами натуру иностраннаго звука, надобность въ отличіи ф отъ Ѡ миновалась или по крайней мѣрѣ уменьшилась: принципъ поясненія на письмѣ происхожденія иностранныхъ словъ не можетъ быть выдерживаемъ. Притомъ, когда я пишу, напр., русскія фамильныя прозванія: *Федоровъ*, *Тимофеевъ*, *Фадеевъ*, *Фоминъ*, какая мнѣ нужда самому помнить и другимъ напоминать, что эти имена греческаго происхожденія? Итакъ пусть, по крайней мѣрѣ, употребленіе ф вмѣсто Ѡ не считается ошибкою; пусть каждому будетъ предоставлено на волю либо употреблять обѣ буквы въ разнородныхъ случаяхъ, либо писать всегда ф по произношенію. Достигнуть въ этомъ общаго соглашенія едва ли когда-нибудь удастся. Древность *ѡиты* и видимая ея цѣлесообразность всегда или, по крайней мѣрѣ, очень долго еще будутъ мѣшать совершенному ея изгнанію. Между тѣмъ она родная сестра покойной *ижицы*, и обѣимъ, по-настоящему, одна дорога.

Что касается тѣхъ собственно-русскихъ буквъ, которыя многимъ кажутся лишними въ нашемъ письмѣ, именно: И, Э, Ъ, Ъ, то къ сказанному мною уже прежде прибавлю только слѣдующее:

1) Изъ нашихъ гласныхъ звукъ і всѣхъ чаще встрѣчается въ языкѣ, и потому двойное изображеніе его имѣетъ практическое значеніе для красоты и удобства письма, такъ какъ беспрестанное повтореніе точки надъ строкою вредило бы и въ томъ и въ другомъ отношеніи.

2) Безъ э система нашихъ звуковъ на письмѣ была бы не полна¹⁾. Въ повѣйшее время эту букву стали часто употреблять въ иностранныхъ собственныхъ именахъ для означенія чистаго, т. е. неіотированнаго звука е въ серединѣ или въ концѣ слога. Такъ напр. пишутъ *Бэкизъ, Тэнзъ, мэрія*. Въ сущности всякая тонкая гласная въ русскомъ языкѣ можетъ быть приставляема только къ тонкой же согласной, при которой извѣстное іотированіе такой гласной неизбѣжно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только сравнить, напр., русское *ни* съ франц. *ni* или *nid*; слѣдовательно и э въ такомъ случаѣ произнесется не иначе какъ наше же е послѣ согласной, а не такъ, какъ еслибъ эта согласная была оглущенная (*бээ, тггэ*); и потому употребленіе э послѣ согласныхъ оказывается бесполезнымъ.

3) Въ возраженіяхъ противъ употребленія ѣ много справедливаго, но только въ отношеніи къ нѣкоторымъ корнямъ и окончаніямъ словъ, гдѣ дѣйствительно эта буква пишется либо непослѣдовательно, либо несогласно съ производствомъ и древнимъ обычаемъ; но, во флексіяхъ она имѣетъ важное грамматическое значеніе и можетъ, въ этомъ отношеніи, по праву быть названа *знаменательною*. Сильное въ правописаніи охранительное начало, основанное на исторіи языка, едва ли когда-нибудь допустить, чтобъ буква ѣ исчезла изъ русскаго письма, а потому и направленные противъ нея гоненія стоятъ не на практической почвѣ. Сколько

¹⁾ Ср. выше, стр. 60.

путаницы произошло бы отъ уничтоженія буквы ѣ! Еслибъ напр. писать: *ель, смель, умель* (вм. *ьль, смьль, умьль*), то почему бы и не произносить этихъ словъ такъ, какъ мы произносимъ: *мель, мелъ, велъ?* произошло бы смѣшеніе словъ: *мьль* и *мель, смьль* и *смель, нькогда* и *некогда, чьмъ* и *чемъ* и множества другихъ.

4) Бесполезность буквы ъ въ концѣ словъ до такой степени очевидна, что нельзя не желать отмѣны такого употребленія ея и не надѣяться, что русская печать рано или поздно освободится отъ этого лишняго и во многихъ отношеніяхъ обременительнаго прироста. Въ серединѣ словъ, гдѣ ъ имѣетъ существенное значеніе, нѣтъ никакой надобности замѣнять его другимъ знакомъ. Но въ концѣ словъ сохраненіе этой буквы въ нашу эпоху, когда время такъ дорого, есть анахронизмъ. Объ изгнаніи буквы ъ не можетъ быть рѣчи.

Перейду теперь къ правописанію въ собственномъ смыслѣ и постараюсь разсмотрѣть спорные вопросы по слѣдующимъ группамъ:

- 1) Удвоеніе согласныхъ.
- 2) Правописаніе предлоговъ.
- 3) Буква ы вмѣсто ѣи
- 4) Уподобленіе звуковъ.
- 5) Встрѣча зубныхъ съ буквою щ въ окончаніяхъ.
- 6) Употребленіе о послѣ шипящихъ ж, ч, ш, щ и послѣ ц.
- 7) Смѣшеніе шипящихъ.
- 8) Окончанія прилагательныхъ именъ.
- 9) Глагольныя окончанія и формы.
- 10) ъ и ь въ концѣ словъ.
- 11) Буква ѣ.
- 12) Правописаніе иноязычныхъ словъ.
- 13) Правописаніе именъ собственныхъ на *ла* и *ко*.
- 14) Большая буква въ началѣ словъ.
- 15) Сліянніе двухъ или трехъ словъ въ одно.
- 16) Правописаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ.
- 17) Строчные и надстрочные знаки.

I. Удвоеніе согласныхъ.

Удвоеніе согласныхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, противно духу русскаго языка; но это мнѣніе справедливо развѣ только въ отношеніи къ церковно-славянскому или древнему русскому языку, на что указываетъ орфографія: *бестмени, бесловесный*.

Нынѣшній языкъ, напротивъ того, показываетъ во многихъ случаяхъ склонность къ удвоенію согласныхъ. Такое удвоеніе происходитъ въ немъ либо по закону образованія словъ, либо по безотчетному требованію слуха.

По закону словообразованія произносятся и пишутъ, напр., *беззаконный* (два удвоенія въ томъ же словѣ), *одинадцать, отпереть, изъяснить, поддать, раззорить, ранній, глумливый*.

Однакожь, когда могутъ встрѣтиться три или четыре согласныя рядомъ или когда составъ слова не такъ ясенъ, то иногда и въ выговорѣ и на письмѣ удвоеніе пронадаетъ. Мы говоримъ и пишемъ: *отворить* (вм. оттворить), *встать* (вм. взстать), *вступитъ* (вм. взступитъ), *разъвать, разинуть* (вм. раззѣвать, раззипуть), *разорить* (вм. раззорить). Въ двухъ послѣднихъ глаголахъ многіе, впрочемъ, пишутъ и два з.

Къ удвоенію согласныхъ должно относить и тотъ случай, когда въ слѣдствіе унодобенія звуковъ та же буква слышится два раза, хотя на письмѣ этого и не видно, напр. въ словахъ: *бессовѣстный, возстановить, исцелить, разстять, отдать, притѣжій, высшій, лучшій*.

Особенное явленіе представляетъ удвоеніе буквы н, безъ всякаго этимологическаго основанія, по прихоти слуха, въ страдательныхъ причастіяхъ и въ прилагательныхъ именахъ, напр.: *желанный, сказанный, приведенный, сожженный, спасенный, бездомный, стеклянный, деревянный, огненный, мысленный, свойственный, искренній, внутренній*. Подобное встрѣчаемъ и въ другихъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ и скандинавскихъ, гдѣ послѣ краткой гласной не только п, но и ш часто удваивается, напр.

въ концѣ именъ существительныхъ: нѣм. mann, stamm, königin-
nen, шв. mannen, tummen, furstinna. У насъ въ нѣкоторыхъ изъ
вышеприведенныхъ прилагательныхъ это удвоеніе такъ укоре-
нилось, что отражается даже и въ сокращенной формѣ (*искре-
ненъ*). Но въ вещественныхъ именахъ прилагательныхъ оно ис-
чезаетъ, когда удареніе падаетъ не на предпоследній слогъ: *ко-
жанный, серебряный, жестяной*. Прилагательное отъ *солома*
обыкновенно пишется *соломенный*, но правильнѣе было бы *соло-
мяный*. *Масляный и вътряный* по смыслу должны отличаться
отъ *масленный* или *масленый* (глаголь *маслитъ*) и *вътранный*
или *вътранный* (глаголь *вътрить*): *вътранныя* рыба и *вътранныя*
мельница. На фонетическомъ же основаніи почти всѣ пишутъ *го-
стинница*, хотя это слово происходитъ прямо отъ прилагатель-
наго *гостинный*. Въ другихъ случаяхъ подобныя удвоенія буквы н
въ существительныхъ именахъ начинаются уже съ причастій: *вос-
питанныкъ, священникъ, промышленность* отъ *воспитанный, свя-
щенный, промышленный*. По произношенію же нѣкогда писали
истинна (имя сущ.).

Что двойное н въ причастіяхъ страдательныхъ не составляетъ
необходимости, доказывается другою формой, которую многіе изъ
нихъ принимаютъ, когда они употребляются въ смыслѣ прилагатель-
ныхъ или существительныхъ: *варенный, жаренный, каленный, толче-
ный, ученый, береженный, суженый, зснмый, названный, приданое*.

Удвоеніе согласнаго звука находимъ также въ глаголѣ *итти*.
Въ послѣднее время очень распространилось начертаніе *идти* или
съ предлогами: *выйдти, дойдти, зайдти, найдти* и проч., но
едва ли оно правильно. Въ этихъ предложныхъ глаголахъ явля-
ются невозможныя для русскаго языка звуки, ибо если каждое
изъ этихъ словъ раздѣлить на слоги, то окажется либо: *выйд-ти,
дойд-ти, зайд-ти*, либо: *вый-дти, дой-дти, зай-дти*; но *выйд,
дойд, зайд* такъ же не согласно съ русской фонетикой, какъ и
слогъ *дти*. Притомъ мы произносимъ *зайти, найти, пройти* и
проч., а это уже показываетъ, что передъ послѣднимъ слогомъ нѣтъ
удвоеннаго звука т. Дѣло очень просто: въ беспредложномъ глаголѣ

итти (который въ древнемъ языкѣ писался *ити*) первое т вставляется по прихоти слуха; въ предложныхъ же глаголахъ оно называется лишнимъ и слово принимаетъ свою первоначальную, правильную форму. Павскій справедливо считаетъ корнемъ глагола *итти* въ неопредѣленномъ наклоненіи одну букву и, а не слогъ ид, принадлежащій только настоящему времени¹⁾: трудно допустить, чтобы буква д въ неопредѣленномъ наклоненіи могла устоять передъ окончаніемъ ти и не измѣниться въ с, такъ какъ этому въ русскомъ языкѣ нѣтъ примѣра. Принимать же въ древнемъ языкѣ корень и, а въ новомъ ид нѣтъ основанія.

Писать ли два с въ словѣ *искусство*? По всей справедливости, одного с тутъ совершенно достаточно, потому что второго, при стеченіи столькихъ согласныхъ, не возможно слышать, послѣдняя же буква корня опускается и въ другихъ случаяхъ передъ окончаніемъ (см. ниже отдѣлъ 5). Тотъ, кто пишетъ *муцина, помьщикъ*, впасть бы въ противорѣчіе съ самимъ собою, если бъ не захотѣлъ писать *искусво*. Эта форма и была прежде господствующею въ нашей печати, по крайней мѣрѣ петербургской. Не забудемъ, что въ современномъ правописаніи вообще замѣтно стремленіе сблизаться съ произношеніемъ и что такое сближеніе должно быть поддерживаемо, когда оно происходитъ на разумныхъ основаніяхъ. Кроме того, надобно заботиться и о возможномъ сокращеніи нашего письма, и такъ уже затрудняемаго излишнею долгою словъ, и безъ нужды нигдѣ не писать двойныхъ буквъ. Къ слову, нельзя здѣсь не коснуться начертанія *искусный*, встрѣчаемаго, къ сожалѣнію, нерѣдко у нѣкоторыхъ изъ нашихъ грамотеевъ. Мы бы могли указать на цѣлыя книги, гдѣ оно беспрестанно повторяется. Откуда берется тутъ т при корнѣ *кус* и окончаніи *ный*?

2. Правописаніе предлоговъ.

Правописаніе предлоговъ *воз, из, низ, раз* уже достаточно установилось: передъ глухими согласными (к, п, т, ф, х), передъ

¹⁾ Фил. набл. II, 113.

шипящими (ч, ш, щ) и передъ ц пишутъ *вос, ис, нис, рас*; а передъ звонкими удерживаютъ въ нихъ з, т. е. въ слияніи съ другими словами эти предлоги пишутся такъ, какъ произносятся, исключая когда стоятъ передъ с. Не распространено это правило на одинъ предлогъ *безъ*: только не многіе пишутъ *беспокойный* и т. п. Но здравый смыслъ требуетъ, въ этомъ отношеніи, не отличать предлога *безъ* отъ остальныхъ того же окончанія, тѣмъ болѣе что начертаніе *бесъ* встрѣчается уже и въ древности (*беспечальство, бесплоднѣ*).

Къ вопросу о правописаніи предлоговъ слѣдуетъ отнести и тотъ случай, когда предлоги *разъ* и *съ* дѣйствительно или видимо сходятся въ началѣ слова. Какъ писать: *разсчетъ, рассчетъ, или разчетъ?* — *разсчитывать, расчитывать, или разчитывать?*

Разсчетъ, разсчитывать пишутъ тѣ, которые предполагаютъ, что предлогъ *разъ* соединяется съ словами *счетъ, считывать*, а не *четъ, читывать*.

Посмотримъ, правы ли они, и для этого попробуемъ соединить то же слово съ другими предлогами. При этомъ мы увидимъ, что глагольная форма *честь* присоединяетъ къ себѣ предлогъ непосредственно, форма же *читать, читывать* — то такимъ же образомъ, то при посредствѣ предлога *съ*: *зачесть, начесть, причесть, перечесть, отчесть, сочесть*; — *засчитывать* (или *зачитывать*), *насчитывать, насчитать, пересчитывать, пересчитать, отсчитывать, отсчитать, сосчитывать, сосчитать; вычитывать, вычитать*. Изъ большинства случаевъ слѣдуетъ, что должно писать *нас-честь* и *разсчитывать, расчитать*. Къ существительному корню *четъ* предлогъ также присоединяется прямо: *вычетъ, начетъ, зачетъ, отчетъ, расчетъ*. Чтобы явнѣе показать составъ слова при предлогѣ *разъ* и такъ какъ въ иныхъ формахъ глагола этотъ предлогъ является въ неизмѣненномъ видѣ (*разочли, разоцту, разоцти*), то нѣкоторые не безъ основанія приняли такую орфографію: *разчетъ, разчестъ*.

Такимъ же образомъ спрашивается, писать ли: *разсказывать, рассказъ, или расказывать, расказъ, или наконецъ разказывать, разказъ?* И здѣсь сомнѣніе устраняется приставленіемъ къ основ-

ному слову другихъ предлоговъ. Мы говоримъ: *высказывать, доказать, наказать, пересказывать, подсказывать*. Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ глаголы: *выказывать, доказывать, наказывать*. Слѣдовательно, всякій разъ когда основному слову въ этихъ соединеніяхъ придается значеніе рѣчи, мы употребляемъ глаголь *сказать*, а не *казать*. По этой причинѣ единственно - вѣрнымъ правописаніемъ будетъ: *разсказывать, рассказъ*.

Напротивъ, въ словахъ *разпрашивать, разпросы* нѣтъ необходимости вставлять еще предлогъ *съ*, какъ показываютъ глаголы *допрашивать, спросить*, хотя съ другой стороны говорятъ: *выспрашивать, переспрашивать*.

Предлогъ *раз, рас* принимаетъ иногда, вмѣстѣ съ удареніемъ, форму *роз, рос*, напр. въ словахъ *розсыть, розвални, розыскъ, росказыни, роспись*. Нѣкоторые на этомъ основаніи удерживаютъ въ этомъ предлогѣ гласную *о* при сочетаніяхъ съ словами того же происхожденія даже и тогда, когда онъ не носитъ ударенія, и пишутъ: *розысканіе, росписка, росписаться*; но къ этому, очевидно, нѣтъ основанія; иначе, чтобъ быть послѣдовательнымъ, пришлось бы писать также: *розсказывать, розваливаться* и проч.

Въ древнихъ формахъ *возжеланіе, изживеніе* сдѣлана уступка выговору словъ: *возжеланіе* (возжеланіе), *изживеніе*, и фонетическое ихъ правописаніе издавна утвердилось.

Когда предлогъ *при*, въ сліяніи съ другимъ словомъ, стоитъ передъ гласною, то послѣдняя буква его обращается въ *і*, напр. *приискать*. Немногіе отступаютъ отъ этого правила.

З. Буква Ы вмѣсто ЪИ.

Когда предлогъ, оканчивающійся дебелою согласною, сливается съ словомъ, которое начинается буквою *и*, то въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ пишутъ *ѣи*, въ другихъ *ы*, напр. *предидущій* и *взыскивать*. Ясно, что для такого различія нѣтъ никакого основанія, и что какъ скоро вмѣсто *ѣи* можно разъ написать *ы*, то это слѣдуетъ дѣлать и *вездѣ*. Буква *ы*, сама по себѣ, всегда

и повсюду есть не что иное какъ Ѣи и для того единственно придумана, чтобы сокращенно изображать это сочетаніе. И такъ пишите смѣло: *безыменный, безызвѣстно, предыдущій, розыгрышъ, сыскной*, какъ пишете уже: *взыскивать, обыскъ, отыскать* и проч. Этого требуютъ и логика и произношеніе.

Не удерживайте также *ера* при предлогахъ передъ другими чистыми гласными; не пишите *сзузить, сзумьтъ*, какъ не пишете *сзумасшедшій, обзуза, отзучить, раззумъ*; на общемъ основаніи должно писать: *сузить, сумьтъ*. Послѣ предлоговъ *воз* и *раз* буква Ѣ даже и немислима, потому что они вовсе не употребляются отдѣльно. Совсѣмъ другое дѣло такія слова какъ *съемка, объездъ, отъявленный*, гдѣ Ѣ необходимъ для правильнаго произношенія слѣдующей за нимъ доегласной.

4. Уподобленіе звуковъ.

Въ предложномъ падежѣ един. числа мужескихъ именъ на *ій* и среднихъ на *іе*, въ дательномъ и предложномъ един. же числа женскихъ на *ія* уподобленіе звуковъ требуетъ окончанія *іи*, напр. при *Василіи*, въ *имѣніи*, къ *Софіи*, въ *Россіи*, а не: при *Василіѣ* и т. д. Но когда *і* сокращается въ *ь*, тогда возможность уподобленія исчезаетъ¹⁾ и предложный падежъ такихъ именъ, по общему правилу, оканчивается на *ѣ*.

Смѣшивая е съ *і*, нѣкоторые, по недоразумѣнію, пишутъ также: по аллеи, въ идеи *вм. по аллеѣ, въ идеѣ*. (Кстати, упомяну здѣсь мимоходомъ о встрѣчающемся довольно часто невѣрномъ правописаніи: къ обѣдни *вм. къ обѣднѣ*, на недѣли *вм. на недѣль*).

Въ предложныхъ глаголахъ несовершеннаго вида на *ятъ* и *ятъ*, у которыхъ въ коренномъ слогѣ *о*, правописаніе иногда обращаетъ эту гласную въ *а*, соображаясь съ произношеніемъ гласной окончательнаго слога. Такъ все пишутъ *полагаютъ* *вм. полагать* (ср. положить). Нѣкоторые на томъ же основаніи приняли

¹⁾ Ср. Разборъ Толковаго Словаря Даля, стр. 44 и 45.

ороографію: *догарають, покланяются, поглащают* и даже, въ безпредложномъ глаголь, *раждатъ*. Однакожь большинство пишетъ въ этихъ случаяхъ *о*, подобно множеству другихъ глаголовъ, гдѣ такое измѣненіе никѣмъ не принято, и для единообразія лучше сохранить это правописаніе, предоставивъ а одному глаголу *полазатъ*, согласно съ утвердившимся обычаемъ. Ту же двойкую гласную видимъ въ глаголахъ одного корня, но разнаго вида: *касаться* и *коснуться*.

Уподобленіе звуковъ отражается также на гласной *и*, когда она, подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, произносится какъ *ы* въ словахъ: *дыра, Давыдъ, латынь*, которыя такъ и слѣдуетъ писать, исключая развѣ того случая, когда *Давидъ* является не русскою, а церковно-славянскою формою имени.

Иное представляютъ слова *скрытъ* и *скрытка*, въ которыхъ мы на письмѣ, вопреки общему выговору и безъ достаточной причины, замѣняемъ *ы* буквою *и*. Въ этихъ словахъ *ы* беретъ верхъ, по видимому, въ слѣдствіе особеннаго фонетическаго закона, по которому ни одно русское слово не начинается слогомъ *ри*, тогда какъ *ры* въ началѣ словъ очень обыкновенно. По этому же мы произносимъ *крыло* (ц.-сл. крило), *рынокъ* (отъ герм. ring), *крынка* вм. *крынка*, *скрытъ* вм. *скринтъ*, *охрытъ* вм. *охринтъ*. Даже и въ окончаніяхъ словъ замѣчается иногда та же склонность: въ старину говорили и писали, напр., *товарищъ*, форма, часто встрѣчающаяся въ раннихъ сочиненіяхъ Крылова. Замѣчательно, что и въ польскомъ нѣтъ словъ, начинающихся съ *ri*, но есть много такихъ, которыя начинаются съ *ry* (ры) и съ *ry* (ры).

Б. Встрѣча зубныхъ (З, С, Ж) съ Щ въ окончаніяхъ.

Въ словахъ *пшеницкъ, подтшицкъ* и др. многіе на письмѣ разлагаютъ *щ* на *зч* и *сч*, тогда какъ они же пишутъ *извоицкъ, помтшицкъ, ртшицкъ*. Для единообразія надобно согласиться писать во всѣхъ такихъ случаяхъ *щ*, потому что въ нихъ производственное окончаніе *шицкъ*, означающее дѣтеля (ср. *ямшицкъ, ребен-*

щикъ, спорщикъ), остается неприкосновеннымъ, а опускается, ради легкости выговора, предыдущая согласная. Отъ нихъ можно бы отличить слово *образчикъ* (уменьшит. отъ *образецъ*), гдѣ окончаніе *чикъ*, результатъ умягченнаго ц (ср. *конецъ, кончикъ*); ничего не имѣетъ общаго съ прежде упомянутымъ *щикъ*; но для избѣжанія слишкомъ тонкихъ отличій лучше и это слово писать *обращикъ*¹⁾.

Могутъ сказать, что послѣ буквъ *з* и *с* окончаніе *щикъ* передѣлывается въ *чикъ*, такъ же какъ послѣ *д* и *т*, напр. въ словахъ: *переводчикъ, переплетчикъ*, и что потому надобно писать: *приказчикъ, переписчикъ*. Повѣритъ въ разсматриваемыхъ словахъ дѣйствительную форму окончанія нѣтъ возможности: при существованіи же одной буквы для выраженія сложнаго звука, лучше въ сомнительномъ случаѣ и пользоваться этою буквою, нежели писать двѣ, а иногда и три, какъ было бы, напр., въ словѣ *помѣстчикъ*.

Въ такомъ же положеніи слово *мушина*, въ которомъ окончаніе остается въ чистомъ видѣ (ср. *женщина*), а отбрасывается передъ нимъ буква *ж*. Въ прилагательномъ *мужской*, отъ котораго произведено это существительное, буква *ж* исчезаетъ только въ произношеніи.

Разложеніе звука *щ* на *сч* или *зч* останется только въ началѣ словъ для означенія корня ихъ въ соединеніи съ предлогомъ *съ* (*счастіе, считать* и проч.) и въ немногихъ другихъ случаяхъ, гдѣ обычай утвердилъ однообразное начертаніе: *песчій, песчаный, неотвязчивый, рѣзче* (хотя всѣ пишутъ *чаще*, вм. *часче*, и даже *слаще*, вм. *сладче*).

Б. употреблеііе О послѣ шипящихъ Ж, Ч, Ш, Щ и послѣ Ц.

Еще въ 1808 году Востоковъ замѣтилъ, что буквы *ж, ч, ш, щ* «не имѣютъ ни дебелаго, ни тонкаго, а одно среднее произношеніе» и потому въ сущности не принимаютъ ни *ъ*, ни *ь*, и въ

¹⁾ Ср. *Филол. Разысканія* Я. Грота, стр. 364, 365.

доказательство приводитъ, что онѣ не слагаются ни съ дебелою гласною ы, ни съ тонкими ё, ю, я: «слѣдовательно, прибавляетъ онѣ, т и ѣ приписывается къ нимъ совершенно напрасно»¹⁾. На этомъ основаніи происходитъ, что когда за ж, ч, ш, щ слѣдуетъ е и по общему закону произношенія иногда обращается въ ё, то эти согласныя не отончаются и звукъ о сливается съ ними почти точно такъ, какъ съ дебелыми, т. е. мы слышимъ слоги, почти вполне соответствующіе начертаніямъ жо, чо, шо, шо. Поэтому такое правописаніе уже и утвердилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ; всѣ давно пишутъ: свѣжо, ужо, чужой, обжора; горячо, плечо, чопорный; хорошо, большой, меньшей, шорохъ; трущоба. Въ слѣдствіе этого нѣкоторые стали, при такомъ произношеніи, вездѣ писать о: жолтый, жоны, счотъ, чорный, учоный, самшость, щонный, шоку, возвращонъ.

Случаи подобнаго правописанія встрѣчаются въ нашей печати съ самаго введенія гражданской азбуки; его иногда позволяли себѣ не только Тредіаковскій, но и Ломоносовъ. Между тѣмъ надобно согласиться, что употребленіе этого правописанія во многихъ случаяхъ такъ противно чувству грамматическаго приличія и общему характеру нашей преимущественно - этимологической орфографіи, что такія начертанія едва ли когда-нибудь могутъ сдѣлаться общепринятыми. Но гдѣ же положить границу употребленію о послѣ ж, ч, ш, щ? Это употребленіе колетъ глазъ: 1) въ корнѣ слова, всякій разъ когда, при малѣйшемъ измѣненіи флексіи или нѣскольکو иномъ словообразованіи, на мѣстѣ о является чистое е, напр., паралельно къ приведеннымъ выше примѣрамъ, въ словахъ: жена, желта, честь, чернь, ученіе, шестой, пиено, щика, возвращеніе; или напр. въ словахъ четъ и нечетъ; 2) когда буква о является въ такихъ образовательныхъ или флективныхъ окончаніяхъ, гдѣ по законамъ языка она вовсе не можетъ стоять. Какъ можно напр. писать: влечошь, течоте, шо.тъ, положонный, разрѣшонный, мышшонокъ, когда мы знаемъ, что во всѣхъ являю-

¹⁾ Борна *Краткое руководство къ русс. словесности*, 10.

щихся тутъ окончаніяхъ о составляетъ фальшь; что глаголы въ спряженіи наст. вр. оканчиваются на *ешъ, етз, емз*, и т. д.; глаголы извѣстнаго разряда въ прош. вр. на *елз*; причастія страдательныя — на *еный, енный*, уменьшительныя имена молодыхъ животныхъ на *енокз*, а не на *ошь, отз, омз* и пр., не на *оный, онный*, не на *онокз*, что сейчасъ обнаружится, когда возьмемъ въ примѣръ слово, гдѣ этимъ окончаніямъ предшествуютъ не шипящія, а другія буквы, напр. *берешь, вареный, лвѣнокз*, или, еще яснѣе, когда переменимъ удареніе, напр. *положенный*.

Отсюда естественно вытекаетъ правило, что послѣ шипящихъ буквъ можно писать слышимое тутъ о только въ тѣхъ случаяхъ: 1) когда въ коренномъ слогѣ не легко обнажается противящаяся такой орфографіи первоначальная гласная е; напр. въ словахъ: *чопорный, прожора, шорохз*; 2) когда въ окончаніяхъ буква о не противна этимологическимъ формамъ, слѣдовательно въ прилагательныхъ: *большой, чужой*; въ нарѣчіяхъ: *свѣжо, хорошо*; въ существительныхъ: *плечо, душой, свѣчой, ножомъ, мечомъ, плащомъ*; въ нѣкоторыхъ уменьшительныхъ или имѣющихъ ихъ форму: *кружокъ, вершокъ, сверчокъ* и т. д.

Въ предложномъ падежѣ мѣстоименія *что* (въ *чемз*), хотя окончаніе *омз* и не было бы противно флексіи другихъ мѣстоименій, но оно не согласуется съ окончаніями прочихъ падежей того же мѣстоименія (*чего, чему*) и потому несумѣсто.

Что касается до буквы ц, то она, въ отношеніи къ сочетанію съ твердыми гласными, давно уже отличена отъ шипящихъ. Она терпитъ за собою даже ы; слѣдовательно ей нѣтъ никакой причины чуждаться о, которое и пишутъ послѣ нея всякій разъ, когда на этомъ мѣстѣ удареніе, напр. *лицо, концомъ, кутцовъ*¹⁾.

¹⁾ Уже Ломоносовъ писалъ: «лице или лицо». (Грам., § 149); онъ же писалъ *плечо, горшокъ, сверчокъ, мышокъ* (§§ 179, 197). О словѣ *лицо* мимоходомъ позволю себѣ одно замѣчаніе, которое не относится къ орфографіи. Когда *лицо* означаетъ человека, то въ винит. падежѣ множ. числа въ наше время говорятъ и пишутъ *лицъ*, напр. избрать способныхъ *лицъ*; но это невѣрно. Правило, которымъ при этомъ оправдываются, относится только къ именамъ мужескаго и женскаго рода; у существит. же средняго рода винительный множ. бываетъ

Въ противномъ случаѣ, т. е. при отсутствіи надъ этимъ слогомъ ударенія, пишутъ е, напр. *зеркальце, перцемъ, иностранцевъ, улицю*. Однакожъ въ словѣ *танцовать* ставится о, на томъ основаніи, что тутъ ясно слышится широкая гласная и что наст. время изъясн. накл. имѣетъ форму *танцюю*, а не *танцюю*. Но по настоящему въ неударяемыхъ окончаніяхъ *це, цемъ, цевъ, цю* также слышится не е, а средній звукъ между а и о, и потому тутъ также можно бы писать о, употребляя е только въ такомъ случаѣ, когда оно дѣйствительно замѣтно въ произношеніи, напр. въ словахъ *лицевой, лицельръ, енциеносецъ*. Такъ какъ однакоже установленное обычаемъ различіе въ употребленіи о и е послѣ ц имѣетъ свою хорошую сторону, именно служить указаніемъ относительно ударенія, то лучше сохранить это двойное правописаніе.

Не совсѣмъ удобно только писать *це* въ фамильныхъ именахъ, особенно старинныхъ родовъ, напр. въ имени *Румянцевъ*, такъ какъ въ слѣдствіе введенія такого различія нѣкоторыя изъ нихъ пишутся теперь уже не такъ, какъ писались тѣми, которые ихъ носили. По настоящему, слѣдовало бы держаться правила писать фамильныя имена историческихъ дѣятелей безъ измѣненія современной имъ орфографіи.

Когда въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, звукъ и слѣдуетъ послѣ ц, то на письмѣ соблюдается различіе между словами, сохранившими у насъ свой первоначальный видъ, и передѣланными на русскій ладъ или взятыми съ польскаго: въ первыхъ пишется *ци*, въ послѣднихъ *цы*, напр.:

Цифра, цилиндръ, цитадель, медицина, капуцинъ.

Цыганъ, цыфирь, цырюльникъ.

7. Смѣшеніе шипящихъ.

Въ употребленіи ч и ш, ж и ш иногда ошибаются отъ не-

сходенъ съ именительнымъ, напр. Богъ одарилъ разумныя существа памятью. Отличаются въ этомъ отношеніи только имена ср. рода, которыя имѣютъ форму прилагательныхъ, напр. изучать *животныхъ*, рисовать *четвероногихъ*.

вниманія къ производству и къ закону умягченія согласныхъ. Произношеніе бываетъ, въ этихъ случаяхъ не всегда надежнымъ руководителемъ. Такъ нѣкоторые пишутъ: *пряничный, прачешная, баимашникъ, яшница, горчишница*, теряя изъ виду, что тутъ ш только слышится, точно такъ же какъ въ словахъ *скучно, нарочно*, и что приведенныя имена происходятъ отъ *пряникъ, прака, баимакъ, яйцо, горчица*, въ которыхъ к и ц, при дальнѣйшемъ словообразованіи, должны обратиться въ ч. Несправедливо также писать *ляшка* вм. *ляжка* (отъ *ляга, лябвея*).

Женскія отчества, происходящія отъ именъ Илья, Козьма, Никита, Оома, должны также писаться: *Ильминична, Козьминична, Никитична, Ооминична*, потому что въ основѣ этихъ именъ, какъ и у болѣе обыкновенныхъ: *Ивановна, Васильевна*, остается мужеское окончаніе.

Слово *вяшій* правильнѣе было бы писать *вящій*, потому что слогъ *шій* составляетъ тутъ нераздѣльное цѣлое, какъ принадлежность сравнительной степени (ср. лучшій и польск. *wiekszy*); но первая форма, болѣе краткая и согласная съ выговоромъ, предпочтительна, такъ какъ корень этого слова русскому языку чуждъ и оно уже въ древнихъ рукописяхъ встрѣчается безъ ш: *кацин, ваце, иначе: каштин, кашге*.

8. Окончанія прилагательныхъ именъ.

Окончанія *ый* въ именительномъ падежѣ един. числа прилагательныхъ мужескаго рода и *ій* послѣ гортанныхъ и шипящихъ буквъ (*кій, хій, шій*), когда эти окончанія носятъ удареніе, давно уже выходятъ изъ употребленія и уступаютъ мѣсто формѣ *ой*. Нынче почти всѣ пишутъ: *святой, хромой, второй, роковой, какой, сухой*, а не *святый, какій* и проч., хотя эти послѣднія формы еще и вошли въ академическій словарь 1840-хъ годовъ.

Послѣ такой уступки выговору въ именительномъ падежѣ прилагательныхъ нѣтъ причины слишкомъ упорно стоять за *ого* въ родительномъ, когда удареніе падаетъ на предпоследній слогъ

и слышится *ова*¹⁾). Если большинство давно уже пишетъ *какого, такого*, то непонятно, почему нельзя писать также: *другого, много, молодого, большого*. Противъ этого можно сдѣлать только одно замѣчаніе, именно что въ такомъ случаѣ, при окончаніи *ій* въ муж. родѣ, придется въ род. пад. ед. числа иногда писать *его*, вм. *яго*, напр. *третьего-дня*. Но что же въ томъ за бѣда? Вѣдь есть и другіе случаи, въ которыхъ буква *я* ударяемая произносится какъ *ѣ*, напр. вмѣсто *запрягъ, потрясъ* говорятъ *запрѣгъ, потрѣсъ*. Притомъ въ мѣстоименіяхъ родительный падежъ и безъ того кончается на *ого* и *его*. Правило кончать родительный падежъ един. числа мужескаго рода на *ого* (по примѣру мѣстоименія *тотъ*) въ словахъ *самъ, тотъ, одинъ*, какъ имѣющихъ мѣстоименное, а не прилагательное окончаніе, вполнѣ разумно и вмѣстѣ съ тѣмъ полезно въ практическомъ отношеніи (*самого* отъ *самъ* — не то, что *самаго* отъ *самый*).

Здѣсь кстати отмѣтить одну очень обыкновенную невѣрность въ начертаніи прилагательныхъ именъ относительныхъ. Такія имена, образованныя отъ женскихъ собственныхъ (личныхъ или мѣстныхъ) — *Анна, Екатерина, Пенза*, по большей части пишутся съ окончаніемъ *енскій*. Но чтобы убѣдиться въ неправильности его, надобно понять образованіе подобныхъ относительно-притяжательныхъ именъ. Въ основаніи ихъ лежатъ *лично-притяжательныя*, которыя образуются: отъ муж. именъ съ помощію слога *овъ* или *евъ* (*Иван-овъ, Сергѣ-евъ, Василь-евъ*), а отъ женскихъ съ помощію слога *инъ* (*Анн-инъ, Екатериин-инъ, Пенз-инъ*). Для полученія же относительнаго имени, къ лично-притяжательному, въ обоихъ родахъ, прибавляется еще слогъ *скій*, и такимъ образомъ составляются имена: *Анн-ин-скій, Екатериин-ин-скій, Пенз-ин-скій*. Слогъ *ен* не имѣлъ бы тутъ никакого этимологическаго значенія, а слѣдовательно и оправданія. Въ доказательство правильности показаннаго производства, стоить только взять такія имена, у которыхъ удареніе падаетъ на образовательный

¹⁾ Уже и Павскій сказалъ: «Ежели пишемъ *худой* вм. *худый*, то почему же писать *худого* или *худова* вм. *худого*?» (*Фил. Набл.*, I. § 112).

предпоследній слогъ: Алесандр-*ин*-скій, Балахн-*ин*-скій, Бугуль-*мин*-скій. Да притомъ никто не напишетъ: Елисаветенскій, Мариен-скій: зачѣмъ же писать: Анненскій, Пензенскій? ¹⁾).

9. Глагольные окончания и формы.

Глагольные окончания опредѣляются положительными законами, отъ которыхъ нельзя отступать въ угоду неопредѣленному или неправильному произношенію. Между тѣмъ такія отступленія дѣлаются нерѣдко.

1) Относительно настоящаго (будущаго) времени изъявительнаго наклоненія есть законъ, не допускающій ни одного исключенія: когда въ едип. числѣ *ишь*, *итъ* и т. д., то во множ. *ятъ* или *атъ*; когда въ един. *еишь*, *етъ*, то во множ. *ютъ* или *утъ*; тѣ и другія окончания всегда соотвѣтствуютъ извѣстнымъ формамъ неопред. накл. ²⁾ Слѣдовательно, при существующей въ русскомъ языкѣ неопредѣленности произношенія неударяемыхъ гласныхъ, необходимо повѣрять эти окончания одни другими и не писать, напр., *колеблятъ*, *хлопочатъ*, *держутъ*, *клеютъ*, *строятъ*, *безпокоютъ*, *надутся*, *стытъ*, *морочутъ*, вм. *колеблютъ*, *хлопочутъ*, *стыютъ*,

¹⁾ Объ этомъ въ первый разъ было упомянуто мною въ замѣткѣ, напечатанной въ *Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и словесн.*, т. VIII, стр. xiii. Тамъ, между прочимъ, было сказано: «отъ собственныхъ именъ прилагательныхъ образуются: 1) лично-притяжательныя: *Петр-овъ*, *Алексъ-евъ*, *Мари-инъ*; 2) лично-относительныя: *Петр-ов-скій*, *Алексъ-ев-скій*, *Мари-ин-скій*; 3) мѣстно-относительныя: *Клин-скій*, *Твер-ской*, *Кам-скій*. Отсюда видно, что лично-относительныя образуются помощію двухъ приставокъ, изъ которыхъ послѣдняя *скій* присоединяется къ лично-притяжательному — при муж. окончаніи *овъ*, при женскомъ *инъ*. Такъ производятъ прилагательныя и отъ иностранныхъ именъ: *Шекспир-ов-скій*, *Гомер-ов-скій*, *Виргилі-ев-скій*. Напротивъ, мѣстно-относительныя прилагательныя образуются присоединеніемъ окончанія *скій* прямо къ имени: *Петербург-скій*, *Нев-скій*. Таковъ общій законъ образованія. Случается однакожь, что, ради облегченія выговора, у лично-относительныхъ опускается слогъ *ов* или *инъ*, напр. *Владимір-скій*, *Гофман-скій*, *Софій-скій*, и наоборотъ, у мѣстно-относительныхъ слогъ *овъ* или *инъ* вставляется, напр. *Дмитр-ов-скій*, *Торжк-ов-скій*, *Балахн-ин-скій*, *Бугульм-ин-скій*, *Пенз-ин-скій*. Въ первомъ случаѣ опущеніе посредствующаго слога, а во второмъ вставка его должны быть отнесены къ числу довольно рѣдкихъ явленій».

²⁾ См *Филол. Разысканія* Я. Грота, стр. 311 и д.

надѣются, морочатъ, держатъ, клеятъ, строятъ, беспокоятъ, потому что въ един. числѣ *колеблешь, хлопчешь, съешь, надѣешься, морочишь, клеишь, строишь, беспокоишь.*

Иногда ошибаются въ обоихъ числахъ; такъ въ обычай вошло писать: *дыметъ, дымутъ*, тогда какъ слѣдуетъ писать: *дышитъ, дышатъ*, какъ *слышишь, слышатъ, значишь, значатъ*. Форма *тынешь* тоже существуетъ, но она принадлежитъ неупотребительному глаголу *дыхать* (какъ *нанешь — нахатъ*¹⁾, *нынешь — ныхатъ*).

Съ окончаніями изъявительнаго склоненія необходимо соотнобразять и формы причастій; поэтому неправильны начертанія: *малозначущій, онедышуущій, стояущій* вм. — *ащій, — ящій*. Форму *стояущій* позволяютъ себѣ нѣкоторые для отличія отъ *стоящій*²⁾; но писать неправильно, чтобы отличать одно слово отъ другого, несогласно съ общими требованіями правописанія. Для этого есть другое, законное средство, именно знакъ ударенія, которымъ, при встрѣчающейся надобности, не для чего пренебрегать: въ настоящемъ случаѣ должно писать *сто́ящій*. Собственно, и въ неопредѣленномъ склоненіи слѣдовало бы писать: *сто́ятъ*, а не *стоитъ*; но въ этой послѣдней формѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ вопиющей неправильности: эта форма возможна.

Что въ обоихъ значеніяхъ является одно и то же слово *стоять*, различаемое только удареніемъ, это легко доказать: во 1-хъ, въ томъ же двойномъ смыслѣ употребляется глаголъ *стать*: «во что вамъ это *стало?*» говорятъ вмѣсто: *что стоило?* во 2-хъ, такъ употребляется соответствующій глаголъ и въ другихъ языкахъ: лат. *constare* (въ значеніи стоять) далъ начало германскому *stehen*, фр. *coûter*, ит. *costare*; такимъ же образомъ Нѣмцы употребляютъ свой глаголъ *stehen*; *zu stehen kommen* значитъ стать, обойтись во что. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1840-хъ годовъ и была попытка писать въ обоихъ случаяхъ *стоятъ*, но это правописаніе не нашло послѣдователей.

¹⁾ См. Филол. Разсужденія, стр. 328.

²⁾ См. тамъ же, стр. 44.

2) Въ глаголахъ на *овать* и *ывать* должно съ разборомъ употреблять эти два окончанія. Окончаніе *овать* принадлежитъ особенно двумъ разрядамъ глаголовъ, образованнымъ: а) отъ существительныхъ и прилагательныхъ именъ (*вьрывать, зимовать, мловать*) и б) отъ иностранныхъ глаголовъ (*арестовать, командовать*). Окончаніе *ывать* свойственно многократному или, при соединеніи глагола съ предлогомъ, несовершенному виду глаголовъ разнаго образованія и обыкновенно служитъ признакомъ, что можно сокращеніемъ окончанія вывести глаголъ на степень совершеннаго или, при предлогѣ, совершеннаго вида: такъ изъ *дѣлывать* можно составить *дѣлать*, изъ *проповѣдывать* — *проповѣдать*, изъ *обманывать* — *обмануть*, изъ *наказывать* — *наказать*, изъ *образовывать* — *образовать*.

Послѣ этого спрашивается: правильна ли форма *обнародывать*, такъ какъ она не можетъ сокращаться? Можетъ ли она быть допускаема рядомъ съ другою, *обнародовать*? Первая обыкновенно употребляется для означенія вида несовершеннаго, позволяющаго поставить глаголъ въ настоящемъ времени: *обнародываю*. Обычай узаконилъ эту форму; но для оправданія ея необходимо предположить въ ней эвфоническое опущеніе одного слога, т. е. принять, что такъ произнесенъ слишкомъ трудный для выговора глаголъ: *обнародовывать*; тогда форма *обнародовать* можетъ быть приравнена къ глаголамъ *образовывать, разрисовывать* и др.

По-настоящему форма *обнародовать* сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ значенія совершеннаго вида, точно такъ же, какъ и форма *образовать*, потому что нѣтъ глаголовъ *народовать, разовать*; но первый изъ этихъ простыхъ глаголовъ можно, по крайней мѣрѣ, предположить; второй же совершенно невозможенъ, потому что предлогъ *объ* принадлежитъ уже къ составу имени, изъ котораго образованъ глаголъ. Причина неправильнаго пониманія кратности дѣйствія въ глаголѣ *образовать* кроется въ привычкѣ соединять понятіе совершеннаго вида съ предложными глаголами этой формы (*об — радовать, о — сновать*, или, иначе говоря, причиною служитъ тутъ аналогія, неправильно примѣ-

пенная къ глаголу *образовать*: но, какъ бы ни было, въ слѣдствіе подобнаго пониманія его допущена форма *образовывать*, а на томъ же основаніи можно допустить и потребность въ формѣ *обнарождать*.

Совсѣмъ другое представляетъ часто встрѣчающійся въ нашей печати глаголъ *совѣтывать*, образованный отъ существительнаго *совѣтъ*. Эта форма ничѣмъ не оправдывается, такъ какъ съ другою правильною формою *совѣтовать* не соединяется въ употребленіи понятіе совершеннаго вида и слово *совѣтую* можетъ имѣть только значеніе настоящаго времени; для образованія же совершеннаго вида и будущаго времени, въ распоряженіи говорящаго находятся предлоги *по*, *при*, *отъ*.

Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ надобно помнить древнее родство окончаній *овать* и *ывать*, которыя иногда встрѣчаются въ одномъ и томъ же глаголѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли форма цер.-слав. или русскому языку (*проповѣдовати*, *испытовати*, *связовати*). То же отражается и въ настоящемъ времени, которое еще и теперь иногда употребляется двойко: *проповѣдую* и *проповѣдываю*, *испытую*, *обязую* и т. п. рядомъ съ болѣе употребительными формами на *ываю*¹⁾.

3) Одни пишутъ *раскаиваться*, *разсѣивать*, другіе — *раскаиваться*, *разсѣивать*, третьи — *расклеваться*, *разсѣивать*. Что правильнѣе? Для рѣшенія этого вопроса, здѣсь важнымъ указаніемъ служитъ удареніе. Въ простыхъ глаголахъ *каять*, *сѣять*, какъ и въ глаголахъ *таить*, *чаять*, *смѣяться*, корень составляютъ слоги *ка*, *сѣ*, *та*, *ча*, *смѣ*: если бъ къ корню принадлежала и гласная я, то для образованія многократнаго вида вставлялся бы слогъ *ва* (съ удареніемъ), какъ въ глаголахъ *да-ва-ть*, *зна-ва-ть*; но въ настоящемъ времени буква я отпадаетъ, и въ неопредѣленномъ накл. многократнаго вида она должна замѣняться неударяемою вставкою *ва*, соответствующею слогамъ *ва*, всегда остающимся безъ ударенія въ другихъ глаголахъ (*шрывать*, *дѣ-*

¹⁾ Русская Грамм. А. Востокова. Сиб. 1839, стр. 141.

ывать). И такъ правильно только первое изъ трехъ указанныхъ начертаній: *оттаивать, оттаиваться, осмѣивать*. У нѣкоторыхъ изъ подобныхъ глаголовъ предложный несовершенный видъ образуется и иначе, т. е. вставкою слога *ва́* (съ удареніемъ): *постыва-ть, затыва-ть* (отъ *затывать*: *затывать* неупотребительно). Въ глаголѣ *сія́ть* буква я принадлежитъ къ корню; она не исчезаетъ въ настоящемъ времени (*сіяю*) и въ многократной формѣ, которая потому и образуется также вставкою *ва́* (*осіява́тъ*).

4) Неопредѣленность неударяемыхъ гласныхъ подаетъ часто поводъ къ ошибочнымъ окончаніямъ страдательныхъ причастій. Пишутъ: *услышенъ, окончанъ, смѣшаны, развѣшаны*, вм. *услышанъ, конченъ, смѣшаны, развѣшены*. Чтобы не ошибаться въ этихъ случаяхъ, необходимо справиться съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и помнить, что окончанію *ать* соотвѣтствуетъ въ этомъ причастіи *анъ*, а окончанію *ить* — *енъ*. Когда неопред. накл. кончается, смотря по виду, то на *ать*, то на *ить* (*кончатъ, кончить*), то причастіе образуется только отъ послѣдняго (*конченъ*). *Слышанъ* отличается отъ *слышенъ* тѣмъ, что первое — причастіе, а второе краткое прилагательное; въ жен. родѣ *слышана* — *слышна*. *Развѣшенъ* должно писаться съ *е*, ибо образовано отъ *развѣситъ*, а не отъ *развѣшатъ*.

Въ причастіяхъ *разсмотрѣнъ, заподозрѣнъ* нѣкоторые пишутъ *е*, и не совсѣмъ безъ основанія, такъ какъ простые глаголы *смотреть* и *зрѣть* имѣютъ въ разныхъ нарѣчіяхъ и другую форму съ отличительною гласною и вмѣсто *ѣ* (ср. ц.-сл. *сзмотрѣти* и парод. русск. *зрѣть*). Но такъ какъ образованный языкъ знаетъ только форму ихъ съ буквою *ѣ*, то въ обычай вошло ставить ее и въ причастіяхъ, подобно тому какъ пишутъ: *презрѣнъ, призрѣнъ, вельно* и проч.

Двойное окончаніе въ неопредѣленномъ наклоненіи имѣетъ также глаголъ *обидѣть* (*обидѣти*, ц.-сл.), но употребительна только первая, съ *ѣ*; причастіе же страдательное образуется съ умягченіемъ буквы *д*, *обиженъ*. Такъ и отъ гл. *вертѣть* причастіе *верченъ*.

Малоупотребительное причастіе *видѣнный* (отъ гл. *виждѣть*)

вовсе не употребляется въ краткой формѣ (*видѣнъ*). Съ этою послѣдней не должно смѣшивать прилагательнаго краткаго *виденъ*, которое иные ошибочно пишуть съ буквою ѣ, забывая, что въ жск. родѣ говорятъ *видна*, сред. *видно*, мн. ч. *видны*, и что въ этихъ формахъ причастное ѣ не могло бы исчезнуть. Притомъ *виденъ* управляетъ дательнымъ падежомъ (кому), причастіе же страдательное сочетается всегда съ творительнымъ (къмъ).

Въ своемъ мѣстѣ была уже показана подобная же ошибка правописанія въ прилагательномъ *боленъ* (которое иные неправильно пишуть съ буквою ѣ).

Причастію отъ глагола *жечь* нѣкоторые даютъ ошибочную форму *жженый* (вѣроятно по аналогіи съ словами *тѣжу*, *возжи*); но они теряютъ изъ виду корень этого глагола, который обнаруживается въ настоящемъ времени *жгу*. Причастіе было бы слѣдовательно *жженъ*, но г при этомъ умягчается въ ж, и происходитъ форма *жженъ*, такъ же какъ въ наст. вр. *жжешь*, *жжетъ* и т. д.

Причастіе *отверстый* съ буквою с представляетъ весьма древнюю форму (отъ гл. *отвърсти*).

О неправильномъ окончаніи причастій на *онный* при предыдущей шипящей буквѣ (сбережонный, лишонный), было уже говорено выше въ отдѣлѣ о гласныхъ е и о послѣ этихъ буквъ.

Писать ли *плотшишь* вм. *платшишь*? Изъ многихъ глаголовъ которые въ народномъ языкѣ подвергаются такому измѣненію гласной (см. выше, стр. 333), только *платитъ* перешель въ литературную рѣчь съ формами *плотшишь*, *заплочено* и проч. Всякій, кто такъ произноситъ, можетъ позволять ихъ себѣ и на письмѣ.

Ю. Т и Ъ въ концѣ словъ.

1) Послѣ шипящихъ:

Извѣстно, что въ древности послѣ шипящихъ въ концѣ слова всегда писалось ъ; но смѣшеніе въ этомъ случаѣ т и ъ началось

уже очень рано. Смотрицкій предписываетъ на этотъ счетъ довольно сбивчивыя правила. Въ практическомъ отношеніи очень удобно, хотя и не основано на различіи въ звукахъ, господствующее нынѣ правило, которое предлагали еще Свѣтовъ и Сумароковъ, которое отчасти соблюдалъ уже и Ломоносовъ (*Грамм.*, § 191), — т. е. въ имен. падежѣ ед. ч. именъ и причастій муж. рода писать ъ, а жен. рода ъ, напр. *мечъ, Ильицъ, печь; ножъ, рожъ; плащъ, блестящъ, вещь*; въ родит. же падежѣ мн. ч. именъ женскихъ на а также писать ъ, напр. *тысячъ, тучъ, крышъ*. Въ частицахъ же и *уже*, при сокращеніи ихъ, обыкновенно пишутъ также ъ: *что жъ, ужъ*.

2) Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Род. падежъ множ. числа женскихъ именъ на *нь*, при бѣглой буквѣ *е* безъ ударенія, обыкновенно кончается неправильно на ъ, напр. *нѣсенъ, басенъ, башенъ, купаленъ, колоколенъ* (хотя *банъ, деревенъ*). Окончаніе *енъ* въ такихъ случаяхъ признавалъ уже и Ломоносовъ, какъ видно изъ § 165 его *Грамм.*, хотя онъ, приводя тутъ примѣры этого склоненія, и не остановился на разницѣ дебелаго и тонкаго окончанія. Подобно приведеннымъ словамъ, въ родит. пад. множ. числа оканчивается на *нъ* и слово *саженъ*, принадлежащее къ другому склоненію.

Предлогъ *близъ* въ древности писался двойко, теперь же для отличія отъ существительнаго *близъ* пишется съ *еромъ*. *Покаместъ* — такъ же, по причинѣ состава слова. *Наизустъ*, напротивъ, пишется съ *еремъ* потому: 1) что никто не говоритъ *наизустъ*, а 2) что тутъ съ предлогомъ *на* соединилось существительное *изустъ*, образованное отъ древняго глагола *изустъвати* (Вост.) или *изуститати* (*memoriter dicere*).

При образованіи прилагательныхъ отъ именъ мѣсяцевъ, кончащихся на *ръ* и *нь*, буква ъ обыкновенно сохраняется на письмѣ: пишутъ: *январьскій, июньскій, сентябрьскій* и проч., хотя по закону нашей фонетики ъ тутъ излишенъ, какъ показываютъ примѣры: *царскій, монастырскій, конскій, денской. Февральскій, июльскій* не противорѣчатъ общему закону именъ нарицательныхъ.

II. Буква Ъ.

Буква ѣ въ русскомъ языкѣ имѣетъ тройное употребленіе, именно: 1) въ корняхъ многихъ словъ, напр. *вѣдать, лѣто*; 2) въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ существительныхъ и прилагательныхъ: *злѣй, индѣйскій*; 3) во флексіяхъ измѣняемыхъ частей рѣчи, напр. *чѣмъ, водѣ, хотѣтъ, добрѣе*.

Вообще опредѣленное значеніе имѣетъ буква ѣ только въ 3-мъ случаѣ. Въ корняхъ же и въ образовательныхъ окончаніяхъ употребленіе ея не всегда поддается установленію точныхъ правилъ.

Первоначальное употребленіе буквы ѣ въ древности основывалось конечно на особенномъ ея произношеніи; но по мѣрѣ того, какъ исчезала эта разность выговора, оно становилось болѣе и болѣе шаткимъ: уже въ ц.-сл. рукописяхъ отдаленнаго времени многія слова являютя то съ ѣ, то съ е¹⁾: напр. *зѣница* и *зенца*, *жѣль* и *земь*, *жестя* и *жѣтати*, *лесати* и *лѣати*, *летѣти* и *лѣтати*, *метати* и *мѣтати*, *реку* и *рѣчь*²⁾, *Матѣй* и *Матѣей*, *скудѣль* и *скудѣл*.

Въ русской письменности употребленіе буквы ѣ подверглось еще болѣе измѣненіямъ: 1) Слова, въ корнѣ которыхъ послѣ согласныхъ р и л въ церковно-славянскомъ писалось ѣ, но которыя по закону русскаго полногласія имѣютъ двѣ гласныя вмѣсто одной, теряли у насъ на письмѣ свою первоначальную гласную ѣ: вм. *бръѣъ, бръѣза, мръѣко, прръѣдъ, чръѣзь* Русскіе стали писать: *берѣя* и *берѣза, береза, млеко, передъ* и *предъ, черезъ* и *чрезъ*. Въ числѣ такихъ словъ только *плѣнь* (при русской формѣ *полонь*) сохранило и у насъ свою древнюю орѣографію.

2) Изъ церковно-славянскихъ словъ съ буквою ѣ, не подвергающихся у насъ измѣненію въ звукахъ отъ полногласія, большая часть удержала и въ русскомъ языкѣ свое начертаніе: *Глѣбъ, клѣтъ, плѣсени, плѣшь, слѣдъ, слѣтъ, жлѣбъ, чръѣхъ, жръѣнь* и др. Однакожь и изъ такихъ словъ нѣкоторыя у насъ потеряли

¹⁾ Это обстоятельство до сихъ поръ у насъ еще не было достаточно изслѣдовано и требовало бы спеціальнаго разысканія.

²⁾ Въ этомъ одномъ корнѣ двойное начертаніе сохранилось и до сихъ поръ въ русской орѣографіи.

Ъ, какъ то: *время, блескъ, дремать, стрекать, преніе*; также: *векша, клей, кудель, колебать, мези, песокъ, семья, темя* и др., которыя въ церковно-славянскомъ писались съ ъ.

3) Наоборотъ, въ русскомъ языкѣ стали писать ъ въ нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ этой буквы въ древности не было или гдѣ ея по этимологіи не нужно, напр. *ръшето, рѣшетка, рѣдьки*.

4) Въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ стали писать ъ по произвольному и не выдерживаемому во многихъ другихъ случаяхъ правилу, что первоначальное *і* церковно-славянскихъ, *і* или *аі* иностранныхъ словъ должно обращаться въ ъ. На этомъ основаніи пишутъ: *змѣй, змѣя, Анрѣль, Алексѣй, Сергѣй, Матвѣй, Елисей, Еремѣй, индѣецъ, индѣйскій*; но это правило не соблюдается однакожъ въ бѣльшей части словъ, гдѣ, не смотря на первоначальное *і* или *аі*, нынче пишутъ *е*: *воробей, соловей, иней, Оаидей, Пеллея, батарея, лотерея, армейскій, библейскій, линейный*.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ русскомъ языкѣ употребленіе буквы ъ въ корняхъ и образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ есть дѣло преданія и обычая, въ которомъ выражается уваженіе къ историческому началу, но безъ строгаго сознанія. Во многихъ случаяхъ ъ остается воспоминаніемъ особеннаго древняго произношенія слоговъ, въ другихъ языкѣ по прихоти или недоразумѣнію удаленъ отъ старины. Какъ бы ни желательно было возстановить въ этомъ отношеніи правильное письмо, трудно теперь, да едва ли и нужно измѣнять начертаніе словъ, которыя всеми пишутся одинаково. Попытка къ такому измѣненію могла бы только произвести еще бѣльшій разладъ въ орфографіи.

Но есть и такія слова, гдѣ одни пишутъ ъ, а другіе *е*. На этихъ словахъ надобно нѣсколько остановиться, чтобы всякій могъ сознательно избрать то или другое правописаніе.

Брею, брадобрей. Глаголь *брить* принадлежитъ къ тому же ряду глаголовъ, какъ *бить, вить, лить, пить, шить*; но, имѣя передъ окончаніемъ двѣ согласныя, *брить* не можетъ образовать

настоящаго времени такъ, какъ они: не сокращаетъ буквы і (какъ въ бію, вію, лію) въ ъ, а обращаетъ ее въ е, т. е. поступаетъ точно такъ, какъ эти глаголы въ повелительномъ: *бей, вей, лей, пей, шей*. Ясно, что сходно съ этимъ слѣдуетъ писать: *брею, бреешь* (форма принятая и Павскимъ) и сущ. имя *брадобрей*, такъ же какъ *водолей, швея*. Къ большому еще подтвержденію правильности этого правописанія могутъ быть приведены принадлежащія къ той же категоріи глаголы *выть, крыть, мыть, нить*, въ которыхъ ъ, при спряженіи, измѣняется въ о; буквѣ же о соответствуетъ е, такъ какъ гласной ъ отвѣчаетъ и (крыть — брить, крою — брею).

Такъ должно писать и *грамотей* (отъ греческаго γραμματεύς).

Слово *копейка* сомнительнаго происхожденія, и нѣтъ никакой надобности писать въ немъ ѣ.

Хмель, зеница издревле писались двойко, а потому мы и имѣемъ полное право освободить ихъ отъ ѣ.

Звено— одного корня съ глаголомъ *звенѣть*; ср. польск. dzwono.

Рѣсница согласно съ ц.-сл. начертаніемъ *рѣсна* (впрочемъ встрѣчается и *ресна*).

Купель предпочтительно, такъ какъ ѣ въ окончаніи этой формы у насъ рѣдко; ср. *колыбель* (ц.-сл. колыбѣль, какъ *свирѣль*).

Двѣсти можемъ писать по выговору, не обращая вниманія на славянскую двойственную форму *двѣстѣ*, которая только ученымъ понятна.

Равнымъ образомъ мы пишемъ во всѣхъ родахъ *эти, этихъ* и т. д. по произношенію, а не *этѣ, этѣхъ*. Не считаемъ правыми и *тѣхъ*, впрочемъ немногихъ, которые только въ женскомъ родѣ пишутъ *этѣ*.

Въ словѣ *греча* ѣ пишется нѣкоторыми совершенно неумѣстно, потому что оно явно происходитъ отъ названія страны, откуда этотъ родъ хлѣба первоначально привозимъ былъ въ Россію¹⁾.

¹⁾ Французы называютъ это зерно sarrasin — *сарацинскимъ* (какъ у насъ называется рисъ), т. е. восточнымъ; Поляки и Чехи *поганкой* (пол. roganka, tataraka, hreszka), т. е. пришедшей отъ поганыхъ, язычниковъ.

Взятое съ нѣмецкаго слово *цехъ* также не слѣдуетъ писать съ ъ; эта буква въ сущности неумѣстна и въ имени *въеръ*, котораго окончаніе явно обличаетъ иностранное происхожденіе (нѣм. *fächer*). По той же причинѣ, неправильно писалось въ древнихъ памятникахъ слово *пѣнязь* (англ.-сакс. *penig*, сканд. *peningr*).

Было уже упомянуто, какъ неосновательно писать *болтъ* и *видтъ*, *меткій*, *смета*, *сметливый* (см. выше, стр. 470 и 560).

Начертаніе *свѣденіе* ничѣмъ не оправдывается, потому что эта форма никакъ не могла бы произойти отъ русскаго глагола *свѣдать*, которая дала бы причастіе *свѣданъ*, а никакъ не *свѣденъ*. *Свѣдѣніе* образовано отъ церковно-славянской формы *свѣдѣти*, такъ же какъ *мнѣніе* отъ *мнѣти* (отъ *мнить* было бы *мненіе*). По аналогіи такъ пишется равнымъ образомъ *затмѣніе* и *затмѣвать*, хотя въ основѣ ихъ лежитъ русскій глаголъ *затмить*. Слѣдуетъ писать *обрусеніе* или *обрустѣніе*, смотря по тому, служить ли началомъ имени глаголъ *обрусить*, или *обрустѣть*; такимъ же образомъ возможна двойная форма *омерзѣніе* и *омерзѣтіе*. Хотя уже Карамзинъ писалъ *лекаръ* и теперь получила перевѣсъ эта орѳографія, но очевидность заставляетъ насъ стать тутъ на сторону меньшинства, въ главѣ котораго мы видимъ Ломоносова, указывавшаго на неудобство писать въ наст. вр. *лечу* вм. *лѣчу* (для отличія отъ *лечу*, *лѣтъ*¹⁾).

Въ имени *телѣга* вторая гласная должна быть также ъ; иначе это народное слово вѣроятно произносилось бы *телѣга*. По мнѣнію Добровскаго, это имя — иностраннаго происхожденія²⁾; однакожь изъ словарей Линде, Шимкевича и Миклошича видно, что оно очень распространено у славянскихъ народовъ и что во 2-мъ слогѣ его большею частью слышится гласная *і* (напр. хорут. *taliga*); у Литовцевъ оно имѣетъ формы *talenga*, *tolenga* и зн. *коляска*. Кромѣ того, оно употребительно въ Валахїи и Венгріи.

Въ прежней нашей письменности встрѣчалось также различное начертаніе словъ: *мелкій*, *мельница*, *мель*, *прилежный*, *м-*

¹⁾ См. выше, стр. 14 и 27.

²⁾ Грамматика языка Слов., ч. I, стр. 154.

нейки, унстатъ и нѣк. др.; но такъ какъ нынче едва ли кто уже напишетъ въ нихъ Ѣ, то и не распространяюсь объ этихъ словахъ.

12. Правописаніе заимствованныхъ иноязычныхъ словъ.

Здѣсь прежде всего припомнимъ замѣчательныя слова Гримма, повторенныя Шафарикомъ: «Принятіе чужихъ словъ естественно и неизбежно; оно не оскорбляетъ народной чести, потому что между всѣми народами происходитъ обмѣнъ предметами и словами, и такое заимствованіе, если оно остается въ надлежащихъ предѣлахъ, можетъ даже способствовать къ развитію и обогащенію родного языка. Но я нахожу большое различіе въ томъ, какимъ образомъ мы въ нынѣшнее время допускаемъ въ свой языкъ чужія слова. Древность поступала при этомъ гораздо простодушнѣе и свободнѣе. Нынче мы стараемся сохранять и произносить чужія реченія совершенно такъ, какъ они употребительны у того народа, отъ котораго взяты; мы боимся нарушить вѣрность чужому слову, если какъ-нибудь переименуемъ его удареніе, сократимъ въ немъ одну букву или измѣнимъ его родъ, и охотнѣе налагаемъ руку на самихъ себя, всячески насилуя прирожденный намъ органъ рѣчи. Старонѣмецкій языкъ пользовался принадлежанимъ каждому языку правомъ приравнивать чужое слово къ своимъ звукамъ и привычкамъ»¹⁾. Все это можетъ быть вполне применено и къ русскому языку. Древнѣйшимъ періодомъ подобныхъ заимствованій его, на памяти исторіи, было время принятія христіанства, и многія перешедшія тогда изъ Греціи слова получили на Руси такой видъ, по которому трудно даже узнать ихъ первоначальную форму, напр. *церковь, налой, просвира, пономарь, кутья, исполать*. «Съ греческаго языка», говоритъ Ломоносовъ, «имѣемъ мы великое множество словъ русскихъ и словен-

¹⁾ J. Grimms Deutsche Grammatik, III, 557. Шафар. Славянскія древности, т. I, кн. II, 339.

скихъ, которыя для переводу книгъ сперва за нужду были приняты, а послѣ въ такое пришли обыкновеніе, что будто бы они съ перьва въ Россійскомъ языкѣ родились»¹⁾).

Правописаніе подобныхъ словъ не представляетъ почти никакихъ затрудненій. Относительно словъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, важнѣйшій вопросъ касается употребленія буквы ѳ, о чемъ уже достаточно говорено выше. Довольно установилась уже и орѳографія чужихъ словъ, перешедшихъ къ намъ въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го столѣтія изъ западно-европейскихъ языковъ. Эти слова также подверглись бѣльшей или меньшей передѣлкѣ, напр. *коллегія*, *адмиралтейство*, *биржа*, *гавань*, *офицеръ*, *ефрейторъ*, *ефесъ*, *портупея*, *арестовать*, *комендантъ* и проч. Въ этихъ словахъ мы видимъ преобразованія разнаго рода, по требованіямъ русскаго языка, именно: то въ окончаніяхъ (*коллегія*, *адмиралтейство*), то въ примѣненіи къ своимъ звуковымъ законамъ, напр. *биржа*, *гавань*; сюда относится также исключеніе лишнихъ согласныхъ (въ *офицеръ*, *арестовать*, *кашцеллярія*, *комендантъ*), или перестановка буквъ (*футляръ*, вм. *футраль*). Въ словахъ, усвоенныхъ языку въ ближайшее къ намъ время, такія передѣлки, не смотря на наклонность къ нимъ языка, менѣе удаются, и искаженія, входящія въ народную рѣчь, тщательно исправляются литературнымъ пуризмомъ; такъ напр. слово *ярмонка* въ новѣйшее время стали писать *ярмарка*, хотя избѣжаніе двухъ *р* въ одномъ и томъ же словѣ совершенно согласно съ фонетикой славянскихъ языковъ, такъ что иногда эта особенность отражается даже въ своихъ собственныхъ словахъ (народъ говорить *пролубъ* вм. *прорубъ*²⁾). Перестановкѣ подвергаются у насъ особенно буквы *р* и *л*, что, хотя рѣже, встрѣчается и въ другихъ

¹⁾ Рки. Лом. № 112, стр. 14.

²⁾ Глубокую причину имѣютъ въ этомъ законѣ искаженныя формы словъ, кажущихся смѣшными нашему литературно-образованному слуху: *колідоръ*, *антилерія*, *дилекторъ*, *секлетаръ*, *лицаръ*, *бланкартъ* (отъ *blancard*), *фалеторъ*, *некрутъ* и мн. др. Отъ того произошло и общеупотребительное *февраль* вм. *февраръ*. Такія же передѣлки слышатся въ народномъ говорѣ другихъ славянскихъ нарѣчій. Иногда и при двухъ *л* одно изъ нихъ превращается въ *р*; примѣромъ тому можетъ служить слово *фалбора* (Фр. *falbala*).

языкахъ (Фр. *pélerin* отъ лат. *peregrinus*). У насъ замѣтна особенная склонность къ такой перестановкѣ буквъ, такъ что она отчасти проникаетъ и въ литературный языкъ, узаконившій напр. слова *тарелка* (нѣм. *teller*, дат. *talerken*), и *футляръ* (нѣм. *futteral*). *Клиторъ* издавна произносится *крылосъ*; вмѣсто *пелеринка* русскіе люди часто говорятъ и пишутъ *перелинка*, противъ чего однакожъ протестуетъ литературный языкъ, который и самъ не всегда послѣдовательно охраняетъ подлинную форму заимствованныхъ словъ.

Такъ онъ упорствуетъ въ отношеніи къ слову *сюртукъ*, принявъ «фальшивое окончаніе ¹⁾», но поддерживая гласную перваго слога (вм. болѣе употребительнаго *сертукъ*). Пуристы долго доказывали, что нельзя писать *гувернантка* (вм. гувернанта), однакожъ русская форма теперь утвердилась. Въ словѣ *табакерка* передѣлка пошла еще далѣе, коснувшись и соединительной буквы окончанія (*tabac-tière*); впрочемъ въ старину и французское слово было: *tabaquière* (по-итал. и теперь *tabacchièra*). *Шкафъ* пишется обыкновенно такъ вопреки произношенію; впрочемъ и *шканъ* на письмѣ не будетъ неправильно, такъ какъ въ нѣжне-нѣм., гол. и швед. слово это оканчивается на *r*, а не на *f*, составляющее его окончаніе только въ верхне-нѣм. и въ датскомъ. Всѣ говорятъ *конфеты*, а пишутъ *конфекты* по латинско-нѣмецкой формѣ, но не вѣришь ли тутъ слѣдовать италіанскому *confetti*: иначе какъ бы пришлось писать второбразные слова: *конфетка* и *конфетчикъ*?

Въ отношеніи къ словамъ, заимствованнымъ изъ чужихъ языковъ въ новѣйшее время, главный вопросъ касается удвоенія согласныхъ. По примѣру нѣкоторыхъ старинныхъ словъ иностраннаго происхожденія, отбросившихъ двойную согласную, иные стали писать такимъ же образомъ и всѣ вообще чужія слова. Однакожъ такое правописаніе оказывается иногда въ разладѣ не только съ этимологіей, но и съ фонетикой. Въ начертаніи пришлыхъ словъ всего естественнѣе держаться произношенія и не избѣгать двойныхъ согласныхъ, когда такое удвоеніе ясно для слуха, напр.

¹⁾ Фр. *surtout*.

коллегія, комиссія¹⁾, профессоръ, масса, касса, ванна, идиллія, группа, труппа, эпиграмма. Особенно полезно удвоеніе согласныхъ, когда оно служитъ къ различенію словъ, близкихъ между собою по выговору; поэтому тѣмъ болѣе основанія писать: *вилла* (для отличія отъ русск. вила), *металлз* (для отл. отъ глаг. металъ), *классз* (для отл. отъ славянскаго класъ = колось), *баллз* (для отл. отъ балъ). Иначе неслышное удвоеніе согласной въ концѣ слова всего менѣе нужно, какъ противное русской фонетикѣ, почему и пишутъ: *катарзъ, партерзъ, адресзъ, интересзъ, эполеты, протоколзъ, камергерзъ, геморой*. Разумѣется однакожь, что когда удвоеніе слышно въ косвенныхъ падежахъ, то оно нужно и въ именительномъ. Оно большею частью соблюдается и въ именахъ собственныхъ: *Штаммз, Витте, Траппз*, хотя во многихъ фамильныхъ именахъ отступаютъ отъ этого правила и пишутъ: *Рашиетз, Ласфайетз, Радзивиллз, Рейфз* (Rachette, La Fayette, Radzivill, Reiff). Въ нѣмецкихъ именахъ собственныхъ окончаніе на *dt* сохраняется и въ русскомъ письмѣ: *Энелмардтз, Кронштадтз*, а также иногда и двойная гласная, напр. *Аахенз, Оомз, Цеэ*, чтобы сохранить въ заимствованномъ собственномъ имени слѣды его состава. Съ другой стороны однакожь нѣмецкое начертаніе *st* пишется у насъ по произношенію *шт*: *Штейнз, штатз*. Ср. *гошпиталь, пашипортз*.

Нѣтъ причины не склонять иностранныхъ именъ собственныхъ, когда ихъ окончаніе поддается склоненію. Нынче на письмѣ въ общежитіи часто встрѣчаются такого рода фразы: *г-ну Гартманз, у г-на Бокз*. Но на это нѣтъ грамматическаго основанія; иначе пришлось бы также писать: сочиненія *Шиллерз, Иліада Гомерз, трагедія Вильямз Шекспирз*. Да наконецъ, тогда не слѣдовало бы склонять и такихъ именъ, какъ *Федорз, Александрз, Петрз*, потому что они въ сущности, по происхожденію, не болѣе русскія, чѣмъ *Фридрихз, Карлз* и проч.

¹⁾ Едва ли это начертаніе не самое рациональное: удвоеніе *m* для слуха не замѣтно, а *c* должно быть удвоено, потому что слышится въ словѣ *миссія* и тогда, когда оно само по себѣ употребляется. Пропускъ же одного *m* оправдывается такими словами, какъ *команда, офицерз* и т. п.

Въ нѣкоторыхъ латинскихъ и греческихъ именахъ у насъ нерѣдко являются на письмѣ лишнія буквы и другія невѣрности; надобно писать безъ удвоенія буквъ: *привилегія*, *Иліада*, *Иларіонъ*, *драма*, *литература*, *проблема*, *катабасія*, а не *привиллеія* и т. д.; также *экзаминаторъ*, а не *экзаменаторъ*, такъ какъ это слово въ самомъ лат. языкѣ образовано не отъ имени экзамень, а отъ глагола *examinare* и перешло къ намъ уже готовое.

Суббота пишуть по большой части съ двумя б, но невѣрно: первоначальная форма этого слова — *сѣбота* (Остром.). Невѣрное начертаніе основывается безъ причины на греческомъ правописаніи *σάββατον*, откуда и латинское *sabbatum*.

Такъ какъ ни одно собственно русское слово не начинается съ буквы а, то въ древности и иностранныя слова, имѣвшія эту букву въ началѣ, писались у насъ съ о, напр. *олтарь*. Нынче принято писать, согласно съ латинскимъ производствомъ, *алтарь*. Напротивъ, правильнѣе писать *оладья* (отъ греч. *ἐλαίον*, олей, которому соответствуетъ другая форма *олей*, лат. *oleum*).

Въ нѣкоторыхъ изъ усвоенныхъ русскому языку греческихъ и другаго происхожденія именъ собственныхъ народный слухъ установилъ разнаго рода сокращенія, которыя допускаются и на письмѣ: *Федоръ* (вм. *Феодоръ*), *Дмитрій* (вм. *Димитрій*), *Прасковья* (вм. *Параскева*) и т. п. Иногда отбрасывается цѣлый слогъ или буква въ началѣ словъ, напр. *Ларіонъ*, *Лизавета*, *Сидоръ* (вм. *Исидоръ*), *Савелій* (вм. *Ксаверій*). Слогъ *Ев* въ началѣ нѣкоторыхъ именъ передѣлывается въ *А* или *Ав*, напр. *Астафій*, *Авдотья*, а иногда некстати приставляется, напр. *Евнатій* или *Елнатій* вм. *Инатій*. Бываютъ и другія измѣненія: вм. *Ирина* — *Арина*, вм. *Елена* — *Алена* или, вѣрнѣе, *Олена* (ср. *Осень*, вм. *Юсифъ*, какъ *осень*, *озеро* = *есень*, *езеро*); вм. *Леонтій* — *Левонтій* и пр.

Въ серединѣ заимствованныхъ словъ особенную трудность представляетъ употребленіе чистыхъ гласныхъ а, о, у послѣ і и ѣ. Въ концѣ словъ а послѣ і всегда обращается въ я, напр. *Азія*, *матерія*; въ серединѣ же словъ одни пишуть я, а другіе а, напр. *азіятецъ* и *азіатецъ*, *матеріаль* и *матеріалъ*, *италіянецъ* и *ита-*

ліанецъ, христіянинъ и христіанинъ и т. п. Чтобы достигнуть однообразія въ начертаніи этихъ словъ, было бы одно только средство — согласиться писать послѣ і всегда я, какъ въ концѣ, такъ и въ серединѣ словъ, напр.: *азіатецъ, персіянинъ, матеріалъ, италіанецъ, христіянинъ, фоліантъ, варіантъ, фортепіано*¹⁾. Въ подобныхъ словахъ і можетъ иногда, смотря по удобству, измѣняться въ ъ. Въ словахъ, уже издавна сроднившихся съ русскимъ языкомъ, напр. *дьякъ, дьяконъ, дьячокъ*, всегда пишутъ ъ, подобно тому какъ принято писать *Васильевичъ, Григорьевичъ*, вм. *Василіевичъ, Григоріевичъ, судья*, а не *судія*. *Брильянтъ* (brilliant), *бильярдъ* (billard) правильнѣе чѣмъ *бриллиантъ* или *бриллиантъ* и *биліардъ*.

Не вполне установилось также правописаніе чужихъ словъ, въ которыхъ послѣ согласной слышится іотированное о, особенно когда оно во французскомъ языкѣ стоитъ послѣ такъ называемаго l mouillé. Проще всего въ такихъ случаяхъ писать по-русски *ли*: *баталіонъ, почтиліонъ, медаліонъ, пампліотка*, какъ *милліонъ* (million). Могутъ возразить, что въ первыхъ четырехъ словахъ одному франц. слогу соответствуютъ у насъ два, но здѣсь въ произношеніи і по необходимости сокращается въ й: притомъ то же самое допускается въ другихъ случаяхъ, напр. пишутъ *кампанія* для передачи *campagne* (такъ, какъ *компанія* для передачи *compagnie*). На этомъ основаніи можно писать и *Двинліонъ*, тѣмъ болѣе что по-латыни этотъ городъ называется *Avenio*. Если понадобится, по требованію стихотворной мѣры, въ подобныхъ словахъ убавить и на письмѣ одинъ слогъ, то можно принять для нихъ Карамзинскую орѳографію: *баталійонъ, почтилійонъ*, неудобную только тѣмъ, что она, для сокращенія звука, прибѣгаетъ

¹⁾ Препрежне правило писать въ серединѣ словъ я въ тѣхъ только случаяхъ, когда эта буква уже есть въ окончаніи первоначальнаго имени (напр. *матерія, матеріальный*), неудобно, ибо такимъ образомъ приходится писать послѣ і различно одни и тѣ же прилагательные суффиксы, напр. *матеріальный* и *спеціальный*, *персіянинъ* и *христіанинъ*, и разница эта основана на одной случайности. Если въ концѣ словъ а не можетъ стоять послѣ і, то почему не распространить это правило и на середину словъ, по крайней мѣрѣ въ нарицательныхъ именахъ?

къ удлинению письма. Но никакъ нельзя одобрить начертаній: *батальонъ, почтальонъ, мильонъ*, потому что *ь*, означая только умягченіе *д*, не достаточно іотируетъ гласную *о*, и эти слова въ такой формѣ могутъ быть прочитаны не иначе, какъ если бѣ было написано: *баталёнъ, почталёнъ, милёнъ*. Для повѣрки стоить только перенести слогъ *онъ* въ другую строку; тогда придется читать: *баталь-онъ* и проч. вмѣсто начертаній *батальонъ* короче было бы, конечно, писать *батальёнъ*, но мы естественно избегаемъ тутъ доегласной *ё*, чувствуя, что она своимъ видомъ во все не напоминаетъ *о* и означаетъ только измѣненіе буквы *е* въ русскихъ словахъ. Допускается она въ словахъ: *курёзный, серьёзный* по той причинѣ, что въ нихъ соотвѣтствуетъ фр. слогу *eux*, нѣм. *ö*; впрочемъ правильнѣе писать *куріозный, серіозный* (итал. *curioso. serioso*), но никуда не годится *серіозный* (= серёзный). Довольно употребительное нынѣ начертаніе *майоръ* ничѣмъ не лучше прежняго *майоръ*, гдѣ *і* и такъ по неволѣ произносится коротко, такъ что слышатся только два слога¹⁾.

Передъ *е* можно писать *і*, по сходнѣе съ иностраннымъ произношеніемъ *ь*, въ словахъ: *песа, пьедесталъ, Пьерро, курьеръ* и т. п.

Французскій носовой звукъ *in, ain*, напр. въ *Saint, Villemain*, принято выражать буквами *енъ*: *Сенъ, Вилменъ*, или *ень*: *bulletin, Rollin* — бюлетень, Ролленъ; какъ ни далеки эти начертанія отъ настоящаго выговора, они лучше другихъ (напр. *янъ* или *янь*) и могутъ быть удержаны, какъ наиболѣе установившіяся.

Слоги *en, ant, ent* изображаются то ближе къ французскому выговору, то согласно съ ихъ начертаніемъ, напр. *ресторанъ, презентъ*. Двойная форма, въ какой у насъ ходятъ многія французскія слова съ носовымъ звукомъ, происходитъ отъ того, что

¹⁾ *Майоръ* началъ писать еще Карамзинъ (*Вѣст. Евр.* 1803, № 14, «Рыцарь нашего вр.»). Онъ же писалъ: *Монтескью, йони* (*Моск. Журн.* VII, 65, 93) и *Дверныйскій, шайотинада* (*В. Е.* 1082 и 1803, № 11, стр. 185). По примѣру Карамзина, и Мартыновъ писалъ: *Монтаный* (*Сѣв. Вѣст.* II, 7). Очевидно, что употребленіе *й* въ концѣ или въ серединѣ слога безъ гласной буквы не выдерживаетъ критики. Не видимъ также причины писать *Йоркъ* вм. *Йоркъ* и т. п.

нѣкоторыя изъ нихъ проникли къ намъ не прямо изъ французскаго языка, а отъ другихъ народовъ, которые сами ихъ заимствовали. Въ орфографіи *сентиментальный* непоследовательность: первый носовый звукъ *en* переданъ тутъ черезъ ан, а второй черезъ ен; болѣе основанія писать: *сентиментальный*.

Въ словахъ, взятыхъ съ англійскаго, разногласіе правописанія замѣтно особенно въ способѣ изображенія w передъ гласными. Нѣкоторыя пишутъ *Уордсвортъ, Уиндзоръ, Уэстминстеръ, Уокеръ* и т. п., другіе — *Вордсвортъ, Виндзоръ, Вокеръ*. Такъ какъ ни то, ни другое начертаніе не передастъ въ точности англійскихъ звуковъ, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе тому, которое болѣе соотвѣтствуетъ особннымъ свойствамъ русской фонетики и обще-европейскому выговору. Таковъ, конечно, второй способъ, который, кромѣ того, уже установился для изображенія подобныхъ звуковъ въ словахъ латинскаго языка, напр. въ словахъ: *авторъ, Августъ*, гдѣ наше в выражаетъ u, принадлежащее къ дифтонгу *ai*. Въ приведенныхъ англ. именахъ у (w) начинается дифтонгъ, невозможный въ русскомъ языкѣ; у насъ эта буква прибавляетъ къ слову цѣлый лишній, неуклюжій слогъ, а этимъ произношеніе еще болѣе измѣняется, чѣмъ превращеніемъ у въ в. Какъ нелѣпо было бы, напр., писать: *Уулюичъ* (Woolwich).

Выше было уже говорено объ употребленіи послѣ согласныхъ буквы э въ чужихъ словахъ. Нынче многіе пишутъ *тэма, проблэма, Тэйлоръ, Вэнарэсъ*, — конечно съ цѣлю показать, что звукъ э долженъ оставаться неизотированнымъ¹⁾. Было также объяснено, почему эта цѣль въ сущности не достигается²⁾. Притомъ, такимъ образомъ происходитъ несходство между словами новыми и издавна уже получившими въ языкѣ право гражданства. Страшно было бы начать теперь писать: *тэрмомэтръ, баромэтръ, партэръ*. И потому, для единообразія орфографіи, лучше совсѣмъ не

¹⁾ Нѣкоторыя хотятъ этимъ способомъ означить открытое или широкое произношеніе звука е, но они забываютъ, что выговоръ буквы э бываетъ различенъ, смотря по слѣдующему за нею звуку, дебелому или тонкому, напр. въ словѣ *поэтъ* э произносится широко, а въ словѣ *поэзія* тонко. Ср. въ нашихъ *Филол. разыск.* замѣчаніе о выговорѣ буквъ е, ѣ, э: стр. 278.

²⁾ См. выше, стр. 26.

употреблять буквы э послѣ согласныхъ, тѣмъ болѣе что для употребленія ея въ подобныхъ случаяхъ нельзя постановить точныхъ правилъ: по необходимости оно основывалось бы на произволѣ, и отъ неопредѣленности относительно третьяго э еще увеличилось бы затрудненіе, которое и безъ того уже производитъ двѣ буквы для одного и того же звука (е и ѣ).

Объ изобрѣтеніи Сенковскаго писать иностранныя имена и у насъ латинскими буквами съ присоединеніемъ къ нимъ русскаго надежнаго окончанія было уже упомянуто въ предложенномъ выше историческомъ очеркѣ¹⁾. Странная мысль — отъ каждаго русскаго требовать умѣнія читать на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и уклоняться отъ труда выражать чужія имена русскимъ письмомъ. Конечно, они часто не могутъ быть начертаны удовлетворительно; но въ такихъ случаяхъ не лучше ли къ русскому ихъ изображенію прилагать въ скобкахъ подлинное? Русскія книги пишутся не для однихъ ученыхъ или свѣтски-образованныхъ, знакомыхъ съ произношеніемъ главныхъ европейскихъ языковъ; прочіе же читатели ничего не выиграютъ, если вмѣсто: «Брума» или «Юэлю» вы имъ напишете: «Brougham'a», «Wewell'ю».

Для передачи звука, образуемаго въ западныхъ языкахъ буквою l передъ гласными, одни употребляютъ у насъ чистыя а, у, другіе іотированныя я, ю, напр. въ словахъ: *candélabre*, *Ludwig*. Надобно помнить, что ни та, ни другая русская орфографія (*ла*—*ля*, *лу*—*лю*) не соотвѣтствуетъ иностранному произношенію. Поэтому и оказывается, что до сихъ поръ изъ чужихъ словъ, имѣющихъ этотъ звукъ, одни переносились къ намъ такъ, другіе иначе; напр., съ одной стороны, у насъ ходятъ слова: *астролябія*, *школяръ*, *популярный*, *полярный*; *лютеранинъ*, *плюсъ*, *полюсъ*, *Люциферъ*, *салютовать*, *пллюминація*, *флюсъ*; съ другой стороны: *фистула*, *салитъ*, *шеколадъ*, *классъ*, *планисфера*; *луна*, *луня*, *блуза*, *клубъ*, *Лузитанія*, *Луиза*. Собственные имена странъ и областей, образованныя съ помощію германскаго *land*, перешли

¹⁾ См. выше, стр. 58.

къ намъ также въ двойкомъ видѣ: присоединенныя къ Россіи области называются *ляндіама*, тогда какъ въ именахъ прочихъ слышится слогъ *лан*: *Эстляндія*, *Лифляндія*, *Курляндія*, и — *Голландія*, *Исландія*, *Вермландія* (въ Швеціи), *Даландъ*, *Ланселандъ*, *Готландъ*. У насъ съ этимъ окончаніемъ осталась только *Ингерманландія*, изъ чего видно, что тѣ или другое произношеніе находятся въ зависимости отъ степени распространенности имени во вседневномъ быту. Но въ началѣ словъ вообще гораздо употребительнѣе слогъ *ла*: *лапынь*, *латунь*, *лама*, *лампа*, *лакъ*, *ландшафтъ*, *лакрица*, *Лаго-Маджоре*; напротивъ, слогъ *лу* вм. *лю* въ заимствованныхъ словахъ довольно рѣдокъ. Что же касается до буквы *о* послѣ *л*, то она почти никогда не передѣлывается въ *ё*, и *л* передъ нею произносится твердо, напр. *лопарнемъ*, *лозунгъ*, *лотерея*, *ломбардъ*, *локомотивъ*, *флотъ*. Рѣдкій случай представляетъ слово *флёръ* (Flor).

Такъ же точно и буква *l* сама по себѣ въ концѣ слога или слова переходитъ къ намъ двойко, — съ звукомъ то слабымъ, то тонкимъ: *Карлъ*, *перлъ*, *каналъ*, *балъ*, *стулъ*, *палтусъ*, *галстухъ*, *кристаллъ*, *металлъ* и — *вальсъ*, *мольбертъ* (malbret), *Вольтеръ*, *Вальтеръ*, *Даль*, *хрусталъ*, *Бельвеверъ*, *шалъ*, *дуэль*. Французское *l* *шочиллѣ* обыкновенно переходитъ въ *ль*, напр. *эмаль*, *портфель*, точно такъ же какъ окончаніе *gne* въ *нѣ*: *Шампань*, *Колонь*, *Монтань*, *герцогъ де Линь* и проч.

Изъ словъ, взятыхъ съ италіянскаго, у насъ невѣрно произносятся и пишутъ *крешчендо* вм. *крешендо* (*se* передъ мягкой гласной выговаривается какъ *ш*). На этомъ же основаніи названіе города *Brescia* должно быть произносимо *Брешія*, а не *Бресція*.

Много еще можно было бы сказать о правописаніи чужихъ словъ, но чтобы не слишкомъ вдаваться въ частности, остановимся здѣсь и кончимъ выраженіемъ желанія, чтобы заимствованіе у насъ иноземныхъ словъ не выходило изъ границъ той умѣренности, какую разумѣлъ Гриммъ, говоря о словахъ этой категоріи. Особенно важно при этомъ одно условіе: чтобы, по крайней мѣрѣ, заимствуемое слово имѣло для всѣхъ ясный и опредѣ-

ленный смыслъ, — не такъ, какъ напр. излюбленное нашимъ современнымъ языкомъ слово *шансы*, котораго большая часть употребляющихъ его не сумѣетъ даже и объяснить удовлетворительно, — слово, которое, за предѣлами Франціи, усыновлено только въ гостепріимной Россіи. Такія пріобрѣтенія не обогащаютъ языка и не служатъ къ чести его.

13. Объ именахъ собственныхъ муж. р. на ЛА и КО.

Къ первому изъ означенныхъ здѣсь двухъ разрядовъ именъ принадлежатъ мужскія крестныя имена, которыя, перешедши къ намъ, при введеніи христіанства, съ окончаніемъ *лъ*, измѣнили его въ народномъ языкѣ на *ла*: *Данила*, *Гаврила*, *Кирила*, *Михайла*. Причина такой передѣлки кроется вѣроятно въ томъ, что у насъ окончаніе *илъ* свойственно по большей части въ глаголахъ прошедшему времени (или, пожалуй, причастію) муж. р., а эта форма никогда не обращается въ сущ. имя. Напротивъ, въ существительное имя часто переходитъ женская и средняя форма этого времени. Женская форма является напр. въ словахъ: *курила*, *кутила*, *зантвала*, *надотдала*. Подводя чужіе звуки подъ свои законы, языкъ, по аналогіи съ подобными словами, и передѣлалъ на свой ладъ чуждыя ему окончанія собств. именъ на *илъ*. Отъ личныхъ глагольныхъ именъ на *ла* отличаются имена сред. рода на *ло*, означающія орудіе: *мыло*, *рыло*, *сушило*, *одъяло*, *опахало*, *покрывало*. Поэтому-то приведенныя собственные имена греческаго происхожденія должны на письмѣ получать окончаніе не *ло*, а *ла*, что видно и изъ склоненія ихъ въ просторѣчій: у *Гаврилы*, къ *Кирилъ*, съ *Михайлой*. Вѣроятно, по примѣру этихъ-то именъ народный языкъ сталъ и другимъ собственнымъ именамъ муж. рода давать окончаніе *а*; такъ въ просторѣчій изрѣдка слышатся страшныя для образованнаго слуха формы: къ *Александръ Ивановичу*, у *Петры Петровича*.

Вообще женскія окончанія мужскихъ именъ очень обыкновенны въ русскомъ языкѣ: такъ окончанію презрительныхъ умень-

шительныхъ именъ для неодушевленныхъ предметовъ *мишко* (*домишко, крестмишко, чинмишко*) соотвѣтствуетъ для одушевленныхъ *мишка*: *воришка, мальчишка, плутишка*, которыя и склоняются какъ женскія. То же свойство языка доказываютъ слова: *батка, батюшка*, и уменьшительныя имена собственныя: *Ваня, Ванюшка, Ванька, Саша* и проч. и проч. Изъ кличекъ лошадей только тѣ, у которыхъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, удержали окончаніе *ко* (*гиѣдко, сѣрко*); прочія, какъ *сивка* и *бурка*, перемѣнили его на *ка* («отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей коурки»).

Перейдемъ теперь къ другому разряду разсматриваемыхъ собственныхъ именъ. Это фамильныя имена малороссійскаго происхожденія на *ко*. Такъ какъ окончаніе это въ мужскомъ родѣ почти совершенно чуждо уху великорусса, то опъ до сихъ поръ все еще не знаетъ, какъ ему поступать съ такими именами. Въ обиходномъ произношеніи опъ давно обратилъ и это окончаніе въ *ка*, съ которымъ и склоняетъ ихъ какъ имена женской формы: у *Пащенки*, къ *Марченкѣ*, съ *Шевченкой*. Но на письмѣ опъ еще до нѣкоторой степени затрудняется такъ обращаться съ ними, и потому, охраняя настоящее окончаніе ихъ на *ко* въ имен. падежѣ, въ прочихъ падежахъ старается, по большей части, вовсе не склонять ихъ. Пишутъ, напр.: *Ивану Ивановичу Кованько*, отъ *г. Крамаренко*. Но избѣжать тутъ склопенія чрезвычайно трудно въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ именемъ нѣтъ никакого опредѣлительнаго слова, и потому многіе пишутъ: отъ *Крамаренки*, съ *Пащенкой*, чрезъ *Безбородку*; какъ-то рука не подымается, вопреки употребительному по всей Великой Россіи говору, написать: отъ *Никитенка*, съ *Пащенкомъ*, чрезъ *Безбородка*.

По настоящему, въ нашемъ великорусскомъ склоненіи именъ на *ко* нѣтъ ничего оскорбительнаго для малорусской національной чести; тѣмъ не менѣе однакожъ нѣкоторые настаиваютъ на охраненіи ихъ первоначальной формы соотвѣтственными во всѣхъ падежахъ окончаніями. Въ 1869 году г. Галаганъ напечаталъ замѣтку въ этомъ смыслѣ¹⁾, доказывая, что такія имена, будучи русскими,

¹⁾ Русск. Арх., стр. 1718.

и такны по всей Россіи склоняться такъ, какъ склоняются природныи Малороссіянами. Онъ жалуется на то, что съ недавняго времени завелся обычай какъ въ книгахъ, такъ и въ офиціальныхъ бумагахъ оставлять такія имена безъ склоненія, какъ будто она они были иностранныя: даже въ самой Малороссіи, пзъ подражанія говоритъ онъ, стали дѣлать эту грамматическую ошибку. Авторъ такого обычая авторъ приписываетъ малороссійскимъ именамъ, которая будто бы, не желая чтобъ ихъ называли, напр., *Коваленковою* или *Коваленнскою*, стали подписываться и печатать на карточкахъ свои фамиліи безъ грамматическихъ измѣненій. Но такое вліяніе со стороны Малороссіянокъ немыслимо: дѣло объясняется гораздо проще чутьемъ великорускаго говора, который съ чуждыми ему звуками, хотя и не иностранными, издавна обращается по своимъ собственнымъ требованіямъ. Доказательствомъ тому, что онъ воступалъ такъ и прежде, могутъ служить выдержки изъ сочиненій прошлаго столѣтія; такъ авторъ извѣстныхъ записокъ Энгельгардтъ говоритъ: «о одержанной *Костюшкою* побѣдѣ»: — «она (бумага) хранилась у графа *Безбородки*»¹⁾. Такъ писалъ, по большей части, и Державинъ, напр. «послать на конгрессъ въ Мессы графа *Безбородку*» я нѣсколькими строками ниже: «черенно отъ *Безбородки* къ *Зубову*»²⁾.

Замѣчательно, что съ фамильнымъ окончаніемъ *ко* поступаютъ такъ не только Великоруссы, но и нѣкоторые другіе славянскіе народы, по крайней мѣрѣ Чехи, которые говорятъ напр.: и *Vrt'átku* (отъ *Vrt'átko*). Такое склоненіе имени на *ко* введено у нихъ даже въ грамматику³⁾. То же слѣдовало бы сдѣлать и намъ, чтобъ положить конецъ невольному рождающемуся всегда при встрѣчѣ съ такими именами недоумѣнію. Нѣкоторыя малорусскія фамиліи, уже давно поселившіяся въ Великой Россіи, придали своимъ прозваніямъ и въ именительномъ падежѣ

¹⁾ Записки, стр. 157 и 195.

²⁾ Соч. Держ., т. VI, стр. 625.

³⁾ См. Граматику Зикмунда, которая приводитъ слѣдующее склоненіе: «Jan Komedko, gen. Jana Komedky, dat. Janu Komedkovi, acc. Jana Komedku, lok. o Janu Komedkovi, inst. Janem Komedkou».

окончаніе *ка* (т. е. на письмѣ; въ произношеніи это дѣлается всегда), напр. *Родзянка*. Удобно было бы распространить такое правописаніе и на всѣ фамильныя имена этого рода. Вся сбивчивость въ склоненіи ихъ происходитъ отъ того, что мы произносимъ *ка*, а пишемъ *ко*.

14. Употребленіе большихъ буквъ.

Было время, когда у насъ всякое ипостранное существительное имя отличали на письмѣ большою буквой. Карамзинъ писалъ: *Авторъ, Литтература*. Такъ же писались, еще долѣе, имена званій, должностей, учрежденій, наукъ, титулы, независимо отъ происхожденія словъ, напр. *Генералъ, Профессоръ, Предсѣдатель Департаментъ, Землеописаніе*. Но вскорѣ послѣ Карамзина старая привычка стала измѣняться. Вотъ что говорилъ Сенковскій въ 1835 году: «Смѣшно было бы привязывать (sic) важность грамматической правильности въ употребленіи малыхъ или большихъ буквъ въ извѣстныхъ словахъ: никто, кромѣ общаго обыкновенія и ясности смысла, не имѣетъ права предписывать въ этомъ случаѣ законовъ, подъ карою взысканія за педантство.... Во всѣхъ хорошихъ типографіяхъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, голландскихъ, словомъ, гдѣ только секутся о красотѣ изданій, признано коренною системою, что ничто такъ не пестритъ, не обезображиваетъ, не марааетъ печати, какъ множество прописныхъ буквъ; что чѣмъ меньше такихъ буквъ на страницѣ, тѣмъ печать ровнѣе, чище и пріятнѣе для глазъ. Поэтому умные литераторы стали писать маленькія буквы, вездѣ кромѣ собственныхъ именъ и двухъ родовъ словъ — Богъ, Спаситель, Дѣва и проч., и Государь, Императоръ, Король и проч., разумѣя подъ первыми истиннаго христіанскаго Бога, истиннаго Спасителя, и т. д., а подъ вторыми собственнаго своего Государя, Императора, Короля, Герцога, для различія его отъ постороннихъ владѣтельныхъ лицъ, которыхъ приличнѣе пи-

сать тоже маленькими буквами — король, государь, императоръ, герцогъ, и т. д.»¹⁾

Мы вполне согласны съ Сенковскимъ, что относительно употребленія большихъ буквъ установить совершенно точныя правила невозможно; за правилами все-таки еще многое остается рѣшать такту и здравому смыслу. Оттого въ этомъ отношеніи и господствуетъ у насъ такое разногласіе. Слишкомъ не стрить письмо большими буквами конечно не годится, но съ другой стороны и слишкомъ тщательно избѣгать ихъ нѣтъ основанія: большія буквы во многихъ случаяхъ доставляютъ ту практическую пользу, что при бѣгломъ чтеніи или при пересмотрѣ прочитаннаго даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ ему отысканіе пужнаго. Нельзя сказать, чтобы англійская или, еще болѣе, нѣмецкая печать, изобилующія большими буквами, много теряли отъ этого въ изяществѣ. Гораздо важнѣе кажутся намъ логическія основанія.

Совершенно справедливо признать за общее правило, что съ большой буквы пишутся только слова, служація *названіями*; но такую роль могутъ играть не одни собственно имена въ тѣспомъ смыслѣ, а также и нарицательныя — какъ существительныя, такъ и прилагательныя:

Имена лицъ: *Василій Темный, Петръ Первый.*

» странъ, мѣстностей, урочищъ, городовъ, улицъ, площадей, зданій: *Псковская губернія, Бѣлое море, Царское Село, Черная Грязь; Спальная площадь, Лубянка, Большая Морская, Каменный мостъ.*

» народовъ и населеній: *Русскіе, Славяне, Нѣмцы; Москвичи.*

» учрежденій: *Государственный совѣтъ, Академія наукъ, Харьковскій университетъ, Воспитательный Домъ.*

» дней и эпохъ: *Светлое воскресенье, Великій постъ; Реформація, Пугачевщина.*

¹⁾ Собраніе соч. Сенковскаго, т. IX, стр. 366.

Имена книгъ и рукописей: *Капитанская дочка*, *Московскій Вѣстникъ*, *Изборникъ*.

Относительно названій, состоящихъ изъ нѣсколькихъ словъ, возникаетъ вопросъ: всѣ ли эти слова писать съ большой буквы, или только главное изъ нихъ?

Держась принятаго принципа не расточать большихъ буквъ, слѣдуетъ начинать такую буквою только первое слово подобныхъ названій, напр. *Государственный совѣтъ*, *Академія наукъ*, *Преображенскій полкъ*, *Тулская губернія*, *Министерство внутреннихъ дѣлъ*, *Зимній дворецъ*, *Спальная площадь*, *Каменный мостъ*, *Страстная недѣля*. Но когда названіе состоитъ изъ двухъ именъ, которыя оба употреблены какъ собственные, то и второе должно писаться съ большой буквы, напр. *Царское Село*, *Воспитательный Домъ*, *Черная Грязь* (селеніе). Здѣсь слова *село*, *домъ*, *грязь* употреблены какъ собственные имена.

Названія народовъ пишутся многими всегда съ малой буквы, конечно на томъ основаніи, что признаются нарицательными именами, означающими признакъ происхожденія, подобно другимъ родовымъ именамъ, показывающимъ общность принадлежащаго имъ признака, напр. — *магометанинъ*, *матросъ*, *ремесленникъ*. Но это не вполне справедливо. Если названіе страны, мѣстности, города, деревни считается собств. именемъ, то какъ не признавать такимъ же и имя народа или жителей, по крайней мѣрѣ когда мы разумѣемъ населеніе во всей его совокупности, напр. въ предложеніяхъ: *Французы* воевали съ *Нѣмцами*; *Шведы* и *Норвежцы* заселяютъ Скаandinavскій полуостровъ. Иное дѣло, когда названіе націи служитъ только опредѣленіемъ другого имени или прилагается къ отдѣльнымъ лицамъ, напр.: *англичанинъ* Диккенсъ; *Вальтеръ-Скоттъ* былъ родомъ *шотландецъ*; я встрѣтилъ двухъ *голландцевъ*. Конечно, могутъ возразить, что такое различіе произведетъ сбивчивость въ правописаніи названій народовъ или населеній. Хотя это опасеніе, по нашему мнѣнію, и напрасно, потому что предлагаемое различіе всякому, даже и ребенку, понятно, однакожь, если ужъ избирать одно постоянное правописаніе,

саніе для народныхъ названій, то слѣдуетъ предпочесть большую букву. Писать: «*русскіе, поляки, чехи, сербы* и проч. составляютъ славянское племя», по нашему мнѣнію, еще страннѣе, чѣмъ напр.: «Вукъ Караджичъ былъ *Сербъ*», или: «сюда прѣехали три *Русскихъ*».

Христіанскія, какъ и мифологическія названія цѣлыхъ разрядовъ или видовъ существъ, могутъ считаться нарицательными именами, какъ то: *ангелы, серафимы; — альфы; русалки; грации, музы, нимфы*.

Прилагательныя имена, произведенныя отъ существительныхъ собственныхъ, должны писаться съ большой буквы тогда только, когда они сами служатъ собственными, т. е. названіями предметовъ, напр.: *Невскій* проспектъ, *Московская* губернія. Когда же такія прилагательныя имѣютъ значеніе относительныхъ, то теряютъ право на большую букву, напр. *невская* вода, *московскій* колачъ, *тульскій* самоваръ, *калузскій* житель, *рейнское* вино. Въ реченіяхъ *русскій* языкъ, *французская* литература прилагательныя принимаются также, хотя можетъ быть и не совсѣмъ правильно, за относительныя, а не за собственные. Названія винъ пишутся съ малой буквы, для отличія отъ именъ самыхъ мѣстъ, по которымъ они называются: *хересъ, мадера, малага*; такъ же пишутся: *шампанское, портвейнъ* и проч.

Въ прилагательныхъ отъ собственныхъ именъ личныхъ лучше всегда сохранять большую букву: *Гомерова* Иліада, *Екатерининъ* вѣкъ, *Петровскіе* полководцы, *Суворовская* тактика, *Смирдинское* изданіе. *Шекспировскія* вѣдьмы.

15. О слитномъ письмѣ: составлять реченій.

Одинъ изъ вопросовъ, производящихъ наиболѣе пестроты и путаницы въ нашемъ правописаніи, состоитъ въ томъ, когда писать слитно и когда врознь такіа два или иногда и три слова, которые вмѣстѣ составляютъ одно понятіе и могутъ быть разсматриваемы какъ цѣльная часть рѣчи, т. е. какъ нарѣчіе, пред-

логъ или союзъ, напр. многіе пишутъ слитно слова: *впоследствии*, *встарину*; *вслѣдствіе*, *взамѣнъ*; *зато*, *оттого*.

Вопросъ этотъ особенно важенъ по своему значенію для лексикографіи, ибо слова, слитно пишущіяся, должны занимать отдѣльные мѣста въ словарѣ, а обременять словарь безъ надобности множествомъ лишнихъ словъ, не только неразумно въ научномъ смыслѣ, но и неудобно на практикѣ. Другое соображеніе противъ слишкомъ усиленнаго обычая сливать два слова въ одно заключается въ томъ, что это можетъ вредить ясности рѣчи и давать поводъ къ двусмыслию, напр. начертаніе *наряди* легко можетъ быть принято за дат. падежъ сущ. *нарядъ*. Да притомъ не видно и цѣли въ неумѣренномъ употребленіи такого письма.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что писать слитно многія слова въ подобныхъ случаяхъ совершенно законно и правильно: мы видимъ это обыкновеніе во всѣхъ языкахъ; но съ другой стороны чрезвычайно легко переступить въ немъ должныя границы. Въ нашей орфографіи давно уже замѣчается такая склонность, и потому бесполезно будетъ заняться обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ относящихся сюда явленій.

Начну съ мнѣнія, которое выразилъ по этому предмету Ломоносовъ. «Нѣкоторые», говоритъ онъ въ § 125 своей Грамматики, «неправильно соединяютъ предлоги раздѣльные съ именами, которыя съ ними знаменованіемъ походятъ на нарѣчія: *Вечеру*, *нанизу*, вмѣсто *въ вечеру*, *на низу*: ибо *вечеръ* и *низъ* суть существительныя, съ предлогами сочиненныя въ пристойныхъ надежахъ и въ надлежащемъ знаменованіи. Дѣйствительно претворяются имена съ предлогами въ нарѣчія, и съ ними слитно поставлены быть должны, 1) когда предлогъ стоитъ не съ пристойнымъ падежемъ, напримѣръ: *Вдругъ*, ибо никакой другой предлогъ съ именительнымъ падежемъ не сочиняется. 2) Когда отъ надлежащаго знаменованія въ сложеніи отходить, напр. *вмѣсть*: ибо здѣсь разумѣется *купно*; и такъ писать должно: *Жить вмѣсть съ братомъ*. *Жить въ мѣсть многолюдномъ*. 3) Ежели пред-

логъ стоять передъ именемъ, въ другихъ случаяхъ неупотребительнымъ: *Вдоль, вкось*».

Въ этихъ замѣчаніяхъ Ломоносова мы прежде всего должны отмѣтить одну невѣрность: въ составѣ нарѣчія *одругъ* онъ видитъ им. падежъ сущ. *другъ*, и на этомъ ложномъ основаніи строитъ правило, которое конечно не можетъ имѣть силы. Кроме того мы видимъ, что нѣкоторыя сліянія, которыхъ не допускалъ Ломоносовъ, послѣ него давно уже вошли во всеобщее употребленіе; нынче всѣ, или почти всѣ пишутъ: *ввечеру, внизу*. Конечно, предлагаемыя имъ два послѣднія правила еще и теперь оказываются справедливыми; но сверхъ того есть еще и много другихъ случаевъ, когда вошло въ обычай слитно писать слова, образующія вмѣстѣ какъ бы одну часть рѣчи. Определить такіе случаи точными правилами невозможно. Главнымъ тутъ руководителемъ долженъ служить установившійся обычай, и чѣмъ онъ давнѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ права на то, чтобъ съ нимъ сообразовался. Нѣтъ надобности беспрестанно распространять количество такихъ словъ.

Слитно писать два слова слѣдуетъ тогда, когда соединеніе ихъ беспрекословно утверждено общимъ сознаніемъ: когда же встрѣчается сомнѣніе, писать ли ихъ слитно, или врознь, то лучше избирать послѣднее.

Слитно пишутся предлогъ и существительное болѣею частью тогда, когда оба слова теряютъ свое индивидуальное, самостоятельное значеніе и образуютъ вмѣстѣ одно понятіе или, въ грамматическомъ смыслѣ, нарѣчіе, напр.: *сверхъ, внизъ, сверху, внизу, вмѣстѣ, востанъ, впередъ, врознь, вслѣдъ, втайнѣ, вдали, впоследствии*¹⁾. — *Кстати, издали*. — *Сначала, сверху, снизу, слишкомъ*. —

¹⁾ На нашей еще памяти писали не иначе, какъ въ *последствіи* времени. Употреблять абсолютно въ такомъ же смыслѣ одно слово *последствіе* стали недавно, и такъ какъ это значеніе придается слову только въ соединеніи съ предлогомъ *въ*, то мы и считаемъ позволительнымъ видѣть тутъ нераздѣльное нарѣчіе.

Наверхъ, наверху, навъки, наконецъ, наоборотъ, назадъ, напередъ, наприимърь.

Характеръ такого соединенія виденъ изъ противоположныхъ случаевъ, когда имя сохраняетъ свое индивидуальное значеніе, будетъ ли къ нему (имени) присоединено опредѣленіе, или нѣтъ; или когда предлогъ употребленъ какъ дополненіе къ глаголу: *въ самый верхъ, съ какой стати, съ начала года, на конецъ* (напр. указать). Сюда идетъ также приведенный Ломоносовымъ примѣръ: *жить въ мѣстѣ многолюдномъ.*

Отъ словъ, слитыхъ въ одно нарѣчіе, надобно отличать такія слова, которыя составляютъ только метафору и потому должны писаться врознь, напр.: *въ гору, съ плеча.*

Мы здѣсь покада говоримъ только о нарѣчіяхъ, составленныхъ изъ предлога и имени существительнаго, и утверждаемъ, что не для чего быть слишкомъ щедрымъ на образованіе подобныхъ нарѣчій, что напр. должно писать отдѣльно слова: *въ добавокъ, въ заключеніе, въ старину, за границу, за границей, съ размаху, съ разу, со временемъ, въ волю, въ пору* и мн. др. Но еще осмотрительнѣе надобно быть въ составленіи такимъ образомъ новыхъ предлоговъ, ограничиваясь тѣми, которые издавна утверждены уже обычаемъ, напр. *вокругъ, вмѣсто, сверхъ.* Мы совершенно согласны съ г. Новаковскимъ, когда онъ спрашиваетъ: есть ли надобность въ искусственномъ образованіи такихъ предлоговъ, какъ напр. *вслѣдствіе, втеченіе, въ продолженіе, взаимно?* и рѣшительно предпочитаемъ раздѣльное изображеніе этихъ словъ.

Нѣкоторые пишутъ: *въ теченіи, въ продолженіи*, но это противно общему закону, по которому въ русскомъ языкѣ протяженіе дѣйствія во времени выражается винительнымъ падежомъ съ помощію предлога *въ*, напр. *въ жизнь не видѣлъ, въ свой вѣкъ испыталъ, сдѣлалъ въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ годъ; случилось въ царствованіе...; въ мою болѣзнь, въ ея пребываніе, въ вашъ пріездъ, въ твою бытность, въ отечественную войну.* То же видно изъ присоединенія опредѣлительныхъ словъ къ двумъ рассматривае-

мымъ, выраженіямъ; мы говоримъ: *во все продолженіе*, какъ и *во все царствованіе*, а никакъ не — *во всемъ продолженіи*.

Правило Ломоносова писать предлогъ слитно съ именемъ, которое въ другихъ случаяхъ неупотребительно, едва ли и теперь можетъ встрѣтить противорѣчіе. Вотъ примѣры изъ нынѣшняго языка:

Вдоль, вдоволь, взаимы, взапуски, внутрь, внутри, вплавь, впрядь, вновь, встарь, вкось, вкривь, впрямь, врознь, впроголодь, вопреки, взаперти, вблизи, впотмахъ, впопыхахъ, второпяхъ.

Набекрень, навыворотъ, навзрыдъ, навзничь, навзрячъ, назади, наземь, наперекоръ, навѣрняка, напрямки — икъ, наружу, снаружи, наяву; оземь, изетари, искоши, поодаль, позади, поодпочкѣ, понутру, сзади, спереди, сплошь.

Подобныя сочетанія естественно изображать слитно, потому что нельзя принимать за отдѣльныя слова и заносить особо въ словарь такія существительныя, которыя сами по себѣ въ языкѣ неизвѣстны.

Кромѣ существительныхъ, съ предлогами соединяются еще въ одно понятіе прилагательныя, числительныя, мѣстоименія и самыя нарѣчія. Разсмотримъ и тутъ каждый случай отдѣльно.

Прилагательное можетъ явиться при этомъ въ четырехъ различныхъ формахъ:

1) Прилагательное полное среднего рода.

Такъ какъ подобное прилагательное можетъ и само по себѣ, безъ предлога, быть употребляемо какъ существительное, напр. *кто старое* веюмянетъ; то нѣтъ причины писать его слитно съ предлогами, напр. *по старому*, *по прежнему*, *по видимому*, *по дорожному*, *по приказному*, *по трактирному*, *по книжному*, *по домашнему*, *по праздничному*, *по будничному*. Другое дѣло, когда при такомъ соединеніи настоящее значеніе прилагательнаго какъ будто забывается, напр. *отрочемъ*.

Сюда же относятся и мѣстоименія притяжательныя, имѣющія форму прилагательныхъ: *по моему*, *по вашему*, которыя также нѣтъ надобности писать слитно съ предлогомъ.

2) Прилагательное краткое среднего рода.

Такое прилаг., когда оно не играет роли сказуемого, только и употребляется для образования съ предлогами нарѣчій, которыя потому пишутся нераздѣльно: *одалекъ, вообще, вполне, вскорѣ, вкратцѣ* (ц.-сл.), *очертъ; вправо*¹⁾, *влѣво; докрасна, досыта; навърно, надолго, налѣво, направо, набѣло, нацѣрно; належить, навесель, наготовѣ; заново, запросто; слегка, слѣва, справа, смолоду, снова, спома, споряча, свысока, изръжка, издалека, изсима*. Сюда же можно отнести нарѣчіе *свыше*.

3) Прилагательное полное женскаго рода.

По неупотребительности прилагательныхъ въ этой формѣ отдѣльно, безъ существительнаго и безъ предлога, они пишутся слитно съ послѣднимъ: *вразсытную, вкрутую, всплошную; зачастую, напропалую*.

4) Прилагательное полное мн. числа.

Подъ эту категорію подходятъ только числительныя порядковыя имена, которыя въ соединеніи съ предлогомъ *въ* образуютъ нераздѣльное нарѣчіе: *впервые; вопервыхъ, вовторыхъ* и т. д. Впрочемъ многіе предпочитаютъ начертаніе: *во-первыхъ, во-вторыхъ*, какъ болѣе наглядно выставляющее цифру, которая служитъ къ обозначенію порядка.

Другія числительныя могутъ также служить къ составленію нарѣчій: *вдвое, вдвоемъ, вчетверомъ; заодно; вдвойнѣ, подвое*.

Мѣстоименія съ предлогами образуютъ, между прочимъ, слѣдующія реченія: *потому, посему, потому, почему; потомъ; притомъ, причемъ; дотого, зато, затѣмъ, зачѣмъ, начто, оттого*.

Слитно пишутся эти слова, когда они служатъ союзами; но когда предлогъ сохраняетъ свое самостоятельное значеніе и дополняетъ глаголъ, то онъ долженъ становиться отдѣльно, напр.: *смотря по тому, присутствовать при томъ, дойти до того, платить за то, слѣдовать за тѣмъ, завясть отъ того*. Слова *при этомъ* не составляютъ союза и не должны писаться слитно, какъ это въ послѣднее время иногда стало встрѣчаться въ печати.

¹⁾ *Въ правѣ* (сущ. имя) нѣтъ причины писать слитно.

Нарѣчіе, какъ часть рѣчи неизмѣняемая, не можетъ подлежать управленію предлога и потому пишется съ нимъ слитно: *докуда, дотуда, доколь, досель, дотоль, донинь, понинь, покуда; насколько, настолько, поскольку, поелику, поколику.*

Нарѣчія въ родѣ слѣдующихъ: *поперемѣнно, поочередно, дословно, поголовно, повзводно* сюда не относятся: они образованы отъ соответствующихъ имъ прилагательныхъ: *поперемѣнный* и проч., и не могутъ считаться составными въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы разсматриваемъ слова этой категоріи.

Но здѣсь слѣдуетъ упомянуть о другомъ разрядѣ нарѣчій, которыя образуются съ помощію предлога *по*, правильно отдѣляемаго отъ нихъ черточкою: *по-дружески, по-молодежки, по-стариковски, по-дѣтски, по-свойски, по-каковски; по-русски; по-французски.* Нѣкоторые пишутъ эти слова и слитно, но безъ надобности и къ напрасному обремененію словаря.

Есть и предлогъ, соединяющійся съ другимъ предлогомъ въ нарѣчіе: *напротивъ.*

Для образованія составныхъ нарѣчій соединяются еще:

1) Числительныя то между собою, то съ существительными: *полтора* (т. е. полтора), *двести, триста, пятьсотъ.* Нѣтъ причины и въ косвенныхъ падежахъ не писать слитно: *двухсотъ, тремстамъ.* Слово *полъ* (половина) предъ другимъ существительнымъ слѣдуетъ отдѣлять отъ него черточкою: *полъ-груза, полъ-оборота, полъ-листа:* если бъ написать *поллиста,* то пришлось бы читать *польлиста,* такъ какъ при встрѣчѣ двухъ л, изъ которыхъ второе тонкое, первое всегда уподобляется ему (*милліонъ, коллегія*). Что *полъ* не соединяется тутъ въ одно слово съ существительнымъ, видно изъ косвенныхъ падежей: въ реченіяхъ *полѣ-листа, полѣ-пути* по два ударенія, чего не могло бы быть въ одномъ словѣ, ибо извѣстенъ коренной законъ русской просодіи, что въ каждомъ отдѣльномъ словѣ можетъ быть только одно удареніе.

2) Мѣстоименіе съ существительнымъ: *сейчасъ, сегодня, тотчасъ.*

3) Мѣстоименіе или нарѣчіе съ союзомъ: *тоже* (нарѣч.), *однакоже*, *ужели*, *также* (по раздѣльно: *такъ же*, *какъ*).

Въ другихъ случаяхъ частица *же*, *жъ* пишется отдѣльно: *кого же*, *что жъ*, *тотъ же*, *та же*, *то же* (мѣстоим.); отдѣльно же пишутся частицы *ли*, *ль*, *бы*, *бъ*; *та ли*, *если бы*, *если бъ*, *ежели бы*, за исключеніемъ словъ *ужели*, *чтобы* (союзъ). Но когда что остается мѣстоименіемъ, то оно отдѣляется отъ *бы*: *что бы* предпринять? Соединеніе частицъ *либо*, *нибудь*, *таки* съ предыдущимъ словомъ означаетъ черточкою: *кто-либо*, *что-нибудь*, *все-таки*. Составной союзъ *итакъ* пишется слитно.

4) Два нарѣчія, составляющія по смыслу одно, обыкновенно соединяются между собой черточкою: *мало-мальски*, *давнымъ-давно*, *ранымъ-рано*, *просто-напросто*.

Такимъ же образомъ обозначается соотношеніе двухъ предлоговъ, изъ которыхъ управленіе остается за первымъ: *изъ-за* границы, *изъ-подъ* стола.

Иногда составное нарѣчіе заключаетъ въ себѣ три слова, которыя и пишутся слитно: *сызнова*, *сыздытства*, *снаружи*, *наизустъ*, *наискось*, *насупротивъ*, *наврядъ*, *вполсыта*, *вполпути*, *сполагоря*, *исподволь*. Впрочемъ, собственно говоря, тутъ соединеніе образуютъ только два члена, изъ которыхъ одинъ сложный.

Въ заключеніе нелишнимъ считаю разсмотрѣть, когда частица *не* должна писаться отдѣльно и когда слитно.

Отрицаніе *не* пишется у насъ, по большей части, безъ всякой послѣдовательности, то слитно, то раздѣльно. Для избѣжанія этой неопредѣленности нѣкоторые приняли за правило никогда не отдѣлять *не* отъ слѣдующаго за нимъ слова, забывая, что въ слѣдствіе того каждое такое слово пришлось бы вносить въ словарь два раза, въ положительной и въ отрицательной формѣ.

Съ прилагательными частица *не* вообще пишется слитно, напр. *неловкій*, *недавній*, *нестрашный*, *несурный*, *невольный*. Однакожъ тутъ возможенъ и другой случай. Если отрицается не самое прилагательное, а подразумѣваемый въ сказуемомъ гла-

голь, то частица *не* должна писаться раздѣльно, напр. въ предложеніи: «это обстоятельство мнѣ *не* извѣстно», т. е. не есть извѣстно¹⁾).

Есть разница между выраженіями: случай *не* обыкновенный и случай *необыкновенный*, зависящая отъ того, отрицается ли только положительное качество, или придается качество отрицательное. Сходно съ этимъ и нарѣчія могутъ писаться то слитно, то раздѣльно съ частицею *не*. Напр.: это *не* хорошо (т. е. не есть хорошо) слабѣе нежели: это *нехорошо* (есть нехорошо). Онъ *немного* (т. е. немножко) работаетъ — не одно и то же, что: онъ *не* много работаетъ.

Присоединеніе къ отрицательному прилагательному дополнительнаго отрицанія требуетъ отдѣленія частицы *не*. Напр. *недовольный* пишется слитно; но если присоединить *никакими* *ласками*, то должно написать: *не* *довольный*. Такимъ же образомъ слѣдуетъ писать: *никому* *не* *опасный* и т. п. Отрицаніе, вошедши въ составъ слова, не можетъ требовать въ дополненіе себѣ другаго отрицанія.

Когда отрицанію соответствуетъ въ другомъ предложеніи противоположное утвержденіе, то частица *не* должна отдѣляться, напр. онъ былъ *не* боленъ, а разстроенъ духомъ; *не* богатъ, но честенъ: они слабы, а *не* добры. Поэтому и реченіе *не* *только*, которому соответствуетъ *но* *и*, должно писаться раздѣльно.

Передъ глаголомъ частица *не* составляетъ, вообще говоря, отдѣльное отрицаніе: *не* *знаю*, *не* *могу*, *не* *видитъ*. Слѣдовательно, то же относится и къ причастию: человекъ, *не* *любящій* *ссоръ*; ничего *не* *видящій*, *не* *любимый* товарищами. Причастіе сохраняетъ свой характеръ всякій разъ, когда съ словомъ соединяется понятіе времени, или когда при глаголѣ есть дополненіе положительное или отрицательное. Но когда причастіе обращается въ прилагательное, и означаемое имъ качество безусловно отри-

¹⁾ Эту разницу нагляднѣе представляютъ тѣ языки, гдѣ слитное отрицаніе получаетъ особенную форму, напр. въ нѣм. *un*, *nicht*, во франц. *in*, *dé*, *dés*. Такъ, очень легко понять различіе между фразами: *il m'est désagréable* и — *il ne m'est pas agréable*.

дается, то *не* пишется слитно: *человѣкъ нелюбящій, нелюбимый, независимый, несвѣдущій, неумомимый.*

Съ глаголомъ отрицаніе *не* можетъ составлять одно слово только тогда, когда онъ образованъ съ помощью этой частицы и безъ нея не употребителенъ: *ненавидѣть, негодовать, нельзя* ¹⁾).

Реченія *не смотря, не взирая* часто пишутся слитно, но несправедливо, потому что входящіе въ составъ ихъ глаголы сохраняютъ свое отличительное свойство и требуютъ дополненія, которое можетъ стоять и въ отрицательной формѣ: *не смотря ни на какія препятствія.*

Не входитъ въ составъ многихъ существительныхъ: *ненависть, негодованіе, невѣрность, непокорность, невѣжда, неряха, нетель, недругъ, несчастье, немилость*; случаи, въ которыхъ отрицаніе пишется отдѣльно отъ имени, не требуютъ, кажется, особаго поясненія.

Въ реченіи *не что иное* (= не иное что) невѣрно пишутъ *ничто*. При этомъ послѣднемъ словѣ отрицаніе должно бы повториться передъ глаголомъ, и слѣдовало бы писать, напр.: это *не было ничто* иное, вм. это было *не что* иное.

16. О надстрочныхъ и строчныхъ знакахъ.

Этого предмета считаю достаточнымъ коснуться только слегка.

Знаки ударенія въ наше время употребляются рѣдко, и мы безъ нихъ очень хорошо обходимся. Впрочемъ намъ совершенно достаточно одного знака (остраго'), такъ какъ наше удареніе всегда одинаково, и вовсе не нужно, какъ обыкновенно дѣлается, ставить въ концѣ слова на гласной другое (тяжкое') удареніе. Къ соединительнымъ черточкамъ также не для чего прибѣгать безъ особенной надобности, сознаніе которой предоставляется усмо-

---

¹⁾ Собственно говоря, *нельзя* конечно не глаголъ, но представляетъ эту часть рѣчи въ слѣдствіе опущенія глагола *есть*. То же можно сказать о словахъ: *не должно, не видно* и т. д.

трѣнію каждаго ¹⁾). Гораздо важнѣе знаки препинанія. Извѣстно, что до послѣдняго времени у насъ въ употребленіи запятыхъ всѣми принята была система, основанная на теоріи разграниченія придаточныхъ предложений. Недавно нѣкоторые стали отступать отъ старой въ этомъ отношеніи привычки и почти вовсе не отдѣлять знаками дополнительныхъ, опредѣлительныхъ и обстоятельственныхъ предложений. Примѣръ тому поданъ былъ редакціей *Московскихъ Вѣдомостей*, вообще отличающейся сознательною правильностью языка и разумнымъ правописаніемъ. Надобно согласиться, что такое сокращеніе знаковъ препинанія, очень удобное въ типографскомъ отношеніи, особенно для ежедневной газеты, оправдывается и логическими основаніями, почему оно давно уже введено въ бѣльшей части европейскихъ языковъ, по примѣру Французовъ и Англичанъ (у Нѣмцевъ оно до сихъ поръ не сдѣлалось общимъ). Но что касается русскаго письма, то къ нему эта система пунктуациі не совсѣмъ примѣнима, потому что наша конструкція допускаетъ большую свободу въ размѣщеніи словъ, тогда какъ французская и англійская придерживаются прямого словорасположенія. Такимъ образомъ, у насъ отдѣленіе запятыми придаточныхъ предложений много способствуетъ къ ясности смысла. Къ тому же, и съ педагогической точки зрѣнія, старая наша пунктуациа имѣетъ большое преимущество, облегчая въ значительной степени ученіе о предложеніяхъ, тогда какъ новая отнимаетъ у преподавателя одно изъ важнѣйшихъ пособій къ уясненію состава періодической рѣчи.

Съ другой стороны однакожь и излишество запятыхъ затрудняетъ чтеніе, и потому по крайней мѣрѣ въ составѣ придаточнаго предложенія не слѣдуетъ означать на письмѣ всѣхъ тонкихъ разграниченій его.

Къ числу строчныхъ знаковъ принадлежатъ кавычки или вносные знаки. Употребительный у насъ знакъ « » недостаточенъ

---

¹⁾ Особенное значеніе такимъ черточкамъ придавалъ Тредіаковскій: см. Пекарскаго *Ист. Ак. Наукъ*, II, 177.

въ тѣхъ случаяхъ, когда въ цигату вставляются еще слова, которыя требуютъ подобнаго же знака. Поэтому хорошо было бы ввести у насъ въ употребленіе, кромѣ двойной кавычки, еще и одинакую, припятую въ англійской печати (').

17. Замѣтки о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ.

Вядчина. Русскій, употребляя это слово, не сознаетъ его корня и пишетъ по произношенію *ветчина*. Но присутствіе тутъ корня *вяд* доказывается соотвѣтствующими словами въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и особенно въ польскомъ, гдѣ мы находимъ глаголъ *wędzić*, который именно значитъ «коптить мясо, сушить, вѣшать въ дыму», и существительныя: *wędzina*, копченое мясо; *wędziarz*, коптильщикъ; *wędziarnia*, коптильня. Другой корень *więd*, еще болѣе соотвѣтствующій нашему *вяд*, далъ въ польскомъ языкѣ, между прочимъ, слѣдующія реченія: *więdle mięso*, *więdzyna* (вяленое, копченое мясо). Послѣднее изъ этихъ словъ наводитъ даже на мысль, не есть ли наше *вядчина*, такъ сходное съ нимъ, просто заимствованное съ польскаго: во 1-хъ, наше *вядчина* стоитъ въ русскомъ языкѣ совершенно одиоко, какъ бываетъ обыкновенно съ пришлыми словами; 2) у него удареніе необыкновенное (ср. *дичина*, *солонина*¹⁾); 3) откуда въ немъ явилось ч послѣ д? органически оно не могло произойти; эти двѣ буквы тутъ только играютъ роль польскаго звука *dz*, который, какъ совершенно чуждый русскому слуху, замѣненъ другимъ. Притомъ, и многіе предметы колбаснаго производства носятъ у насъ чужія названія; самое слово *колбаса* скорѣе западно-, нежели восточно-славянское.

Вообще, у насъ еще остается довольно словъ польскаго происхожденія, которыя, по замѣчанію Ломоносова, «пришли къ намъ чрезъ сообщество и частыя войны съ Поляками»²⁾. Эти слова должны быть еще отысканы и указаны.

¹⁾ Одно только слово *свъжина*, изъ означającychъ мясо, носитъ также удареніе на послѣднемъ слогѣ; однакожъ говорятъ и *свъжина*.

²⁾ Акад. ркп. Лом. № 112, стр. 12.

Дальній (не дальшій, какъ въ старину писали). Одно изъ не очень многочисленныхъ прилаг. на *ній*, которыя всегда означаютъ отношеніе ко времени, мѣсту или мѣрѣ. Утренній, вечерній, ранній, поздній; зимшій, весеншій (вешній), лѣтній, осенній; нынѣшній, теперешній, прежній, прошлогодній; давній, древній, всегдашній, завтрашній; передній, средній, крайшій, задній, послѣдній; тамошній, здѣшній, верхшій, нижшій; горній, исподній, сосѣдній, ближшій, домашній; лишній. Сюда же относится *искренній* отъ ц.-сл. *искръ* (близъ). Въ старину неправильно писали: *искренный*. Эта неправильность до сихъ поръ остается въ нарѣчій: *искренно*. Несогласно съ образованіемъ подобныхъ прилагательныхъ оканчивается также слово *малолѣтній* въ слѣдствіе двойкой формы ц.-сл. прилагательнаго отъ сущ. *лѣто*: *лѣтній* и *лѣтный*. Во всѣхъ другихъ сложеніяхъ употребительна первая форма.

Въ словѣ *синій* буква *н* принадлежитъ къ корню.

Итти. Правильна одна только древняя форма *ити*, гдѣ корнемъ служитъ первый слогъ *и* (ср. лат. *itum, ire*). Удвоеніе *т* въ новомъ языкѣ — не болѣе какъ уступка фонетическому требованію; нѣтъ основанія перенести въ неопредѣленное склоненіе корень наст. изъясн. *ид*, котораго послѣдняя буква *д* непременно обратилась бы въ *с* передъ *ти* (ср. поль. *iść*). Въ соединеніи глагола съ предлогами слухъ не требуетъ этого удвоенія, и тогда остается въ силѣ древняя форма: *войти, выйти, дойти, зайти, найти, перейти, подойти, прийти, пройти, сойти, уйти, разойтись*. Только при предлогахъ *вы* и *при* перешла въ образованный языкъ и другая форма, допускающая удвоеніе *т* съ пропускомъ коренной *и*: *вытти, притти*.

Начертанія *войдти, зайдти, перейдти, пройдти* и т. п. совершенно противны законамъ русской фонетики, что особенно ощутительно при переносахъ: писать *войд-ти, перейд-ти* такъ же несообразно съ ея законами, какъ и *вой-дти, перей-дти* и проч. Звукъ *й* въ замкнутомъ слогѣ, какъ въ словахъ *войнѣ, стойлѣ* принадлежитъ къ числу рѣдкихъ исключеній.

Корокатица (*seria*) отъ *корокъ* (*кракъ*), нога, чрезъ возможное

прилаг. корокатый — многоногій: это насѣкомое принадлежитъ къ породѣ такъ называемыхъ главоногихъ моллюсковъ (*serpalo-poda*). Того же происхожденія слова: *корячить*, *окорокъ*. Болг. крака, нога; серб. крак, длинная нога.

Пенять, отъ *пеня* (роена).

Полоумный. Первая часть этого слова заимствована отъ прилаг. *полый* — пустой, открытый. Отсюда же прилаг. *пологрудый*. Отъ прилаг. *полый* происходятъ сущ.: *полость* (грудная полость, т. е. пустота), *полынья*, также *половодье*. Многие по недоразумѣнью пишутъ *полуумный*.

Поперекъ отъ корня *прек*, и потому прежняя орфографія *поперекъ* уже рѣдко встрѣчается.

Потчевать. Павскій, первый, далъ это начертаніе глаголу, который прежде писали то *подчивать*, то *потчивать*, и объяснилъ, что правильная его форма была бы *потчевать* (предложный глаголъ), но она испорчена перестановкою буквъ. И. И. Срезневскій, на основаніи множества сравненій изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, признаетъ въ этомъ словѣ тотъ же корень, однакожь пишетъ *потчивать* и сближаетъ вторую часть глагола съ прилагательнымъ *чтивый*¹⁾. Находя указаніе обоихъ филологовъ на корень *чт* въ глаголѣ *потчевать* несомнѣнно вѣрнымъ, я позволю себѣ только обратить вниманіе на странная аномалія, представляемая этимъ глаголомъ: 1) При господствующей орфографіи *потчивать* для неопредѣленнаго наклоненія, настоящее время имѣетъ однакожь форму *потчую*²⁾; 2) этотъ предложный глаголъ, заключая въ себѣ значеніе несовершеннаго вида, заставляетъ предполагать другую форму вида совершеннаго, но ея нѣтъ; 3) удареніе въ неопредѣленномъ наклоненіи падаетъ на предлогъ, чего никогда не бываетъ (если исключить предлогъ *вы* при совершенномъ видѣ).

¹⁾ *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов.* т. VII, вып. 3.

²⁾ Въ *Словарь Росс. Академіи* (изд. I) показана двойная форма настоящ. вр.: «*подчиваю*, сокращенно же *потчую*». Гречъ и за нимъ Рейфъ были того же мнѣнія; на самомъ же дѣлѣ употребительна лишь послѣдняя форма, которая одна только и означена во 2-мъ изданіи словаря *Росс. ак.*, также въ *словарѣ Отд. русск. яз. и сл.* и въ *Толк. Слов. Даля*.

Наконецъ 4) и самое главное: это — глаголь предложный, а между тѣмъ, для приведенія его въ совершенный видъ, къ нему присоединяются еще предлоги: *попотчевать, запотчевать, отпотчевать, употчевать*, — опять явленіе небывалое.

Такія неправильности можно, кажется, объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ народнаго сознанія относительно состава и природы глагола, а это могло произойти единственно съ *замствованнымъ* словомъ. По свидѣтельству И. И. Срезневскаго, народъ и Великой и Малой Россіи, во многихъ краяхъ, вмѣсто *потчевать* употребляетъ другой глаголь *почтовать* = *поштовать*, и существительное *почтованье* = *поштованье*. Что жъ это значитъ? Известно, что глаголы съ окончаніемъ *овать* или *евать* всего чаще состоятъ изъ существительныхъ, и между прочимъ изъ иностранныхъ (проба—пробовать, танецъ—танцовать и проч.). Въ польскомъ языкѣ есть суц. *poszta*¹⁾ (произн. *пѳчта*) съ значеніемъ: почитаніе, почетный даръ, гостинецъ (Linde: Verehrung, ein Ehrengeschenk). Удивительно ли, что изъ этого слова, въ эпоху перехода къ намъ полонизмовъ, образовался русскій глаголь *пѳчтовать* (чувствовать, угощать), который, по свойству языка, могъ подвергнуться въ устахъ народа двоякому измѣненію, именно: превращенію *ч* въ *ш* (*што* вм. *что*) или перестановкѣ *ч* и *т*. Случилось, смотря по различію мѣстностей, и то и другое; но *пѳтчовать* должно было, по народной фонетикѣ, непременно обратиться въ *потчевать* (такъ какъ ей противно *о* безъ ударенія послѣ шипящихъ²⁾). А при этой формѣ правильно должно было выработаться настоящее время *пѳтчую*. Такимъ образомъ трудность въ объясненіи этого на первый взглядъ страннаго глагола исчезнетъ, какъ скоро мы перестанемъ видѣть въ немъ чисто-русскій глаголь и признаемъ чуждое его происхожденіе.

Самоѳ. Вин. пад. жен. р. мѣстоименія *сама*: *оѳ* — мѣстоименное окончаніе, котораго правильность доказывается формою *еѳ* въ винит. падежѣ мѣстоим. *она*. Напротивъ, форма *саму́*, нерѣдко

¹⁾ Ср. суц. *uczta*, пиръ, угощеніе, и глаголь *ucztować*, пировать, угощать.

²⁾ По той же причинѣ Русскіе, вм. *шоколадъ*, произносятъ и пишутъ *шеколадъ*.

встрѣчаемая въ печати, совершенно несогласна съ живымъ языкомъ и ничѣмъ не оправдывается.

Сегодняшній (не сегодняшій и не сегодняшній), потому что прилаг. образовано не отъ существ. *день*, а прямо отъ нарѣчія *сегодня*, какъ *вчерашній* отъ *вчера*, *завтрашній* отъ *завтра*.

Спесь, *спесивый* (а не спѣсь, спѣсивый), согласно съ Рейфомъ и Миклошичемъ, который ссылается на Поликарпова.

Творогъ. См. *Филол. Разыск.* стр. 438. Нелѣпо сближаютъ съ этимъ словомъ имя *ватрушка*, которое гораздо вѣрнѣе, по Рейфу, приурочивается къ новогреч. *βουτιρῆδον*, отъ *βούτιρον*, масло.

Тма, безъ ъ (хотя по ц.-сл. *тьма*), потому что мы пишемъ *затмить*, *затмѣнїе*, а не *затѣмить*, *затѣмѣнїе*.

Тороватый отъ корня *тр*, въ родствѣ съ глаголами *тереть* и *торить* (а не *терять*, какъ думалъ Рейфъ). Ср. народное *торово*, нарѣч., щедро.

Четверть. Нѣкоторые пишутъ *четверкъ*, предполагая въ концѣ сокращенїе слога *токъ*; но невѣрность этой орфографїи видна изъ произношенїя другихъ падежей: *четверга*, *четверги*. Итакъ приведенное правописанїе имѣеть два неудобства: оно основано на сомнительномъ толкованїи и несогласно съ выговоромъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

По поводу толковъ о правописанїи ¹⁾.

I (къ стр. 527).

Было время, когда у насъ не существовало гражданской азбуки: ее ввелъ и отчасти самъ составилъ Петръ Великій. Составленїе ея было слѣдствїемъ новой потребности и первымъ шагомъ къ созданїю новаго, то-есть *русскаго* письменнаго языка, который долженъ былъ мало по малу вытѣснить изъ литературы языкъ церковно-славянскїй; вмѣстѣ съ тѣмъ это было первымъ отступленїемъ отъ преданїй кирилловскаго письма.

Гражданская наша грамота установилась не вдругъ. Нѣко-

¹⁾ *Совр. Лѣт.* 1862, № 28. Для избѣжанїя повторенїй, печатается здѣсь съ нѣкоторыми сокращенїями.

торія буквы славянской азбуки, не тронутыя Петромъ I, были исключены изъ нея впоследствии. Нѣсколько разъ составъ гражданской азбуки измѣнялся: однѣ буквы были изгоняемы, другія прибавлялись. Такимъ образомъ теперешняя наша азбука составлялась постепенно, и кое-что вошло въ нее послѣ первоначальнаго преобразованія, по мѣрѣ потребности и успѣховъ времени. Теперь вопросъ въ томъ: считать ли сдѣланное доселѣ совершенно законченнымъ, вполне удовлетворительнымъ, или требующимъ нѣкоторыхъ усовершенствованій, — измѣненій, а можетъ быть и дополненій?

Попытки нововведеній въ нашемъ правописаніи, повторяющіяся отъ времени до времени, доказываютъ, что есть дѣйствительная потребность въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ.

Но затѣмъ спрашивается: должны ли эти измѣненія коснуться цѣлой системы нашего правописанія, или ограничиться нѣкоторыми частностями?

Господствующій характеръ системы русскаго правописанія состоитъ въ соблюденіи словопроизводства: въ этомъ отношеніи наше правописаніе отличается большою правильностію и послѣдовательностію, такъ что можно указать только на частныя отступленія отъ этого начала (напримѣръ: *здѣсь* вмѣсто *сдѣсь*, *идѣ* вмѣсто *идѣ*). Въ самомъ дѣлѣ, съ этой стороны языка образованнѣйшихъ націй Европы далеко уступаютъ нашему, и нѣтъ ни основанія, ни надобности измѣнять коренныя начала нашей орфографіи. Притомъ, опытъ другихъ литературъ уже показалъ, что крутыя преобразованія орфографіи никогда не удаются, даже и тогда, когда предлагаются людьми, пользующимися большимъ авторитетомъ. Поэтому Яковъ Гриммъ въ своемъ *Словарѣ* не рѣшился принять всѣхъ нужныхъ по его мнѣнію орфографическихъ нововведеній, чтобы не отбить читателей. Такъ и профессоръ Лео, который долго печаталъ свою очень извѣстную *Исторію* съ особеннымъ правописаніемъ, долженъ былъ напоследокъ отказаться отъ него по просьбѣ книгопродавцевъ, находившихъ, что эти особенности вредятъ сбыту книги.

Совсѣмъ другое — немногія частныя измѣненія въ письмѣ, польза которыхъ можетъ быть всѣми понята и почувствована.

Тѣ, которые въ этомъ дѣлѣ придаютъ безусловный вѣсъ историческому началу, ссылаясь на происхожденіе кириллицы, забываютъ, что мы уже болѣе полутора вѣка тому назадъ измѣнили ей, и что теперь дѣло идетъ только о довершеніи реформы, начавшейся еще въ 1704 году.

Дѣйствительно, если уже въ первое время гражданскаго письма исключены были изъ азбуки нѣкоторыя лишнія буквы, почему то же самое не можетъ быть сдѣлано и теперь, ежели окажется, что первые преобразователи исключили еще не всѣ лишнія буквы кириллицы?

Лишними *могутъ* казаться слѣдующія буквы: ѣ, э, и, ѳ, ѵ: которыхъ же изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ лишнія?

Буква ѣ въ нынѣшнемъ великороссійскомъ говорѣ ничѣмъ не отличается отъ е. Если бѣ было иначе, то всякій Русскій по слуху узнавалъ бы безошибочно, гдѣ должно писаться ѣ. Нѣкоторые думаютъ, что разница есть, но только самая уточенная, неуловимая. Если бѣ и было такъ, то разница этого рода, при бесчисленныхъ видоизмѣненіяхъ въ говорѣ людей одной и той же націи, равнялась бы совершенному безразличію. Сравните, для примѣра, слова: *лѣнь* и *олень*, *ѣли* и *ели*, *ѣсть* и *естъ*. Слѣдовательно неоспоримо, что у насъ для одного и того же звука употребляются двѣ разныя буквы. Но здѣсь является вопросъ: какаѣ же тому причина? Если случайная, основанная на произволѣ, то такая двойственность не должна быть терпима; но если причина разумная, то и явленіе, въ слѣдствіе сего происшедшее, должно быть уважено, особенно если оно и теперь имѣетъ свой смыслъ и свою пользу. Нѣкогда буква ѣ конечно отличалась особеннымъ произношеніемъ; какъ именно она выговаривалась, объ этомъ мнѣнія различны; но у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ нашей буквѣ ѣ въ большей части словъ, гдѣ она встрѣчается, соответствуетъ особенный звукъ, напримѣръ въ польскомъ языкѣ *ia* (*biały*, *wiaża*,

бѣлый, вѣра¹⁾), въ чешскомъ долгое *î* или звукъ *ie*, а въ мало-россійскомъ нарѣчїи нашего русскаго языка — *и* (напримѣръ *вм. смѣгъ—смигъ*). Такимъ образомъ *ѣ* составляетъ исконную принадлежность многихъ корней языка и служитъ отличіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ подобозвучныхъ съ буквою *е*, напримѣръ *вѣд* (*вѣдать*) отъ *вед* (*веду*), *мѣт* (*мѣтитъ*) отъ *мет* (*метать*). Такъ же точно *ѣ* помогаетъ болѣе ясному различенію производныхъ словъ и формъ, каковы напримѣръ слова: *свѣдѣніе* и *сведеніе*, *вѣсть* и *весть*. Но, возражаютъ многіе, цѣль уяснить правописаніемъ значеніе словъ не оправдываетъ существованія двухъ буквъ для одного и того же звука; значеніе слова каждый разъ видно изъ смысла всей рѣчи. Нельзя однакожь не согласиться, что чѣмъ менѣе будетъ случаевъ возможпаго смѣшенія понятій въ письменномъ изображеніи словъ, тѣмъ письмо будетъ совершеннѣе. Для избѣжанія такого смѣшенія служитъ часто и употребленіе буквы *ѣ* въ окончаніяхъ словъ. Такъ отличаются на-

---

¹⁾ Г. Кецевичъ въ своемъ возраженіи приводитъ множество польскихъ словъ, въ которыхъ нашей буквъ *ѣ* соотвѣтствуютъ не *ia*, а другіе звуки; показываетъ, что иногда и русское *е* переходитъ въ *ia* (*dziarzki, ziarno, wiadro*), что наконецъ и польскій звукъ *ie* не соотвѣтствуетъ русскому *ѣ*. «Изъ приведенныхъ фактовъ, заключаетъ онъ, видно, что въ настоящее время одинъ и тотъ же польскій звукъ передается въ русскомъ языкѣ двумя начертаніями одного и того же звука, и на оборотъ русской буквъ *ѣ* соотвѣтствуетъ въ польскомъ не одинъ, а нѣсколько различныхъ звуковъ». Такимъ образомъ г. Кецевичъ не признаетъ, чтобы *ѣ* служило постояннымъ отличіемъ извѣстныхъ корней. Далѣе онъ выражаетъ мысль, что какъ скоро первоначальное произношеніе буквы *ѣ* было забыто, то писцы стали сбиваться въ употребленіи ея и впали въ непослѣдовательность. Совершившееся давво уничтоженіе *юсовъ* даетъ ему новое оружіе противъ *ѣ* и служитъ поводомъ утверждать, что желающіе сохраненія этой буквы, должны стараться и о возстановленіи *юсовъ*. Объ этомъ было говорено и въ орфографическихъ собраніяхъ; но дѣло въ томъ, что *юсы* были оставлены прежде нежели грамматика могла вступить за нихъ, и что возстановить потерянное гораздо труднѣе, чѣмъ сбересть то, что еще мѣется. Авторъ, какъ и многіе другіе, отвергаетъ надобность отличать на письмѣ слова разныхъ значеній, утверждая, что для различенія ихъ достаточно положенія въ фразѣ. Однакожь понятно, что чѣмъ чаще будетъ встрѣчаться такое смѣшеніе словъ на письмѣ, тѣмъ грамота будетъ менѣе ясна и удовлетворительна. Что было бы напримѣръ съ французскимъ письмомъ, если бѣ, при изобиліи въ языкѣ омонимовъ, они писались одинаково, если бѣ напр. *зан* означало и *сто*, и *чувство*, и *кровь*, и предлогъ *безъ*?

примѣръ формы: *искреннее* и *искреннѣе*, *свѣжее* и *свѣжѣе*, *синее* и *синѣе*, въ *поле* и въ *полѣ*. Словомъ, каждая изъ обѣихъ буквъ имѣетъ свое назначеніе и свои законы. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ. Припомню только, что Ѣ рѣдко подвергается измѣненію при переходахъ слова изъ одной формы въ другую ¹⁾, тогда какъ е есть по большей части вставочная, бѣглая, легко выпадающая или измѣняющаяся буква. Въ окончаніяхъ именъ е служитъ для прямой формы единств. числа (*море, здоровье, доброе*) именъ ср. рода; Ѣ для косвенныхъ падежей един. числа (*водѣ, въ морѣ*) и для прямой формы множественнаго въ мѣстоименіяхъ (*тѣ, вѣ*). Для нашей цѣли достаточно вывода, что Ѣ имѣетъ въ языкѣ не только историческое значеніе, но и свой смыслъ, свою разумную цѣль. Эта буква всякій разъ обозначаетъ, такъ сказать, особенную натуру слога. Хотѣть изгнать ее значитъ посягать вообще на начало словопроизводства въ русской орфографіи и вводить систему правописанія, основывающуюся на одномъ выговорѣ. Но эта система вовсе не примѣнима къ русскому языку по причинамъ, которыхъ объясненіе здѣсь повело бы насъ слишкомъ далеко; введеніе ея у насъ никогда не могло бы имѣть успѣха. Главный доводъ противъ буквы Ѣ заключается въ томъ, что она затрудняетъ изученіе письма, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыя слова она вошла неправильно, и наоборотъ, иногда мы ея не пишемъ тамъ, гдѣ бы ей слѣдовало быть. Но подобныя затрудненія и частныя непослѣдовательности правописанія встрѣчаются во всѣхъ языкахъ. Первые побѣждаются навыкомъ, а изъ-за послѣднихъ нѣтъ причины касаться несравненно большаго числа случаевъ, гдѣ особенность правописанія рациональна.

Буква э (къ названію которой вовсе не нужно прибавлять

---

¹⁾ Есть нѣсколько случаевъ перехода буквы Ѣ въ и, съ которою она въ явномъ родствѣ, и наоборотъ: *дитя, дѣти; льнуть, липнуть; тѣснить, тискать, вѣсить, вѣстѣе, стверъ, сиверко*. Такимъ же образомъ Ѣ въ родствѣи съ я (*ѣсть-яство, състь-сяду*).

эпитета *оборотное*, если другую называть какъ слѣдуетъ, то-есть йе), буква э не можетъ считаться излишнею, ибо выражаетъ отдѣльный звукъ, дѣйствительно существующій въ языкѣ. Нужды нѣтъ, что число собственныхъ нашихъ словъ, гдѣ она встрѣчается, не велико: надобность буквы не можетъ измѣряться количествомъ случаевъ, въ которыхъ она слышится. Та же буква э находится въ множествѣ перешедшихъ къ намъ иностранныхъ словъ, совершенно уже слившихся съ нашимъ языкомъ (напр. *эпоха, эхо, элементъ* и проч.). У насъ есть другая буква, которая не попадаетъ ни въ одномъ чисто-русскомъ словѣ: это ф; ужели же мы за то изгонимъ ее?

Для звука і мы опять находимъ у себя двѣ буквы. Различное употребленіе ихъ совершенно условно, и безъ одной изъ нихъ можно бы очень хорошо обойтись. Разумѣется, мы предпочтительно сохранили бы ту, которая принадлежитъ намъ обще съ другими европейскими народами. Такъ въ началѣ поступилъ и Петръ Великій. По какимъ соображеніямъ онъ опять ввелъ и рядомъ съ і, мы не знаемъ положительно; вѣроятно, однакожь, онъ при этомъ руководствовался мыслию, что такъ какъ звукъ і беспрестанно встрѣчается въ нашемъ языкѣ, то слишкомъ часто повторяющаяся надстрочная точка придавала бы печати несовсѣмъ пріятную пестроту, а въ скорописи задерживала бы письмо. Особенно два і сряду въ окончаніи словъ должны были казаться неудобными. Красота письма очень принималась въ расчетъ преобразователями нашей азбуки. Не даромъ и Тредіаковскій, восхищаясь круглыми, четкими буквами первопечатныхъ русскихъ книгъ, отказывался отъ э и з потому только, что находилъ ихъ некрасивыми. Но вкусы различны, и онъ же, вопреки Петру Великому, опять исключилъ и, удерживая только й. Такъ мнѣніе нашихъ стариковъ колебалось относительно и, да и теперь пельзя не согласится, что ежели есть причины выбросить эту лишнюю букву, то есть съ другой стороны и доводы къ сохраненію ея. Скорописи тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе въ ней надстрочныхъ знаковъ: едва ли не легче и не скорѣе можно начертить двѣ палоч-

ки, чѣмъ одну съ точкою надъ ней ¹⁾). Да и печать, кажется, выигрываетъ въ ясности и благообразіи (послѣдняго начала и теперь нельзя же вполнѣ выпускать изъ виду), если по крайней мѣрѣ подъ *краткой* сохранить старинное и. Другихъ основаній для удержанія его нѣтъ. Могутъ замѣтить, что во многихъ словахъ, взятыхъ съ греческаго, оно играетъ роль буквы *эты* (η), изъ которой и составлено, и въ такихъ словахъ должно быть сохранено. Однакожь, какая въ томъ бѣда, что мы будемъ изображать звукъ другою соотвѣтствующею ему буквой въ словахъ, не принадлежащихъ нашему языку? Тутъ нѣтъ разницы въ выговорѣ и нѣтъ надобности отмѣчать происхожденіе чуждаго намъ слова. Это не то, что буква ѣ, которая важна именно потому что отличаетъ наши собственные корни и окончанія. Вѣдь ужъ мы замѣнили *ижицу* буквой и, на примѣръ въ именахъ: лира, типъ, ритмъ; такъ точно и вмѣсто и можно ввести і даже и въ такихъ греческихъ словахъ, какъ риторъ, скипетръ и проч.

Еще менѣе можно стоять за *эшту*, которая служитъ только для передачи греческой ζ. Добро бы еще, если бъ этотъ чуждый звукъ всегда переходилъ къ намъ одинакимъ образомъ. Мы говоримъ и пишемъ: *театръ*, *математика*, вмѣсто *еатръ*, *маѳематика*, и ничѣмъ не отличаемъ первое фальшивое т отъ втораго настоящаго. За что же фальшивый звукъ ф будетъ въ одинаковыхъ случаяхъ пользоваться привилегіей особаго знака? Пора изгнать этого монополиста русской азбуки и начать писать: *Мефодій*, точно такъ, какъ давно уже пишемъ: *Кирилль* вмѣсто *Курилль*; *Федоръ*, *Федотъ* и *Агафья* ничѣмъ не хуже *Кипріана*, *Акиндина* и *Олимпіады*. Греческую υ мы изображаемъ то какъ и (на примѣръ въ приведенныхъ сейчасъ словахъ), то какъ в (на примѣръ въ словѣ *евангеліе*), смотря по произношенію; почему же не можемъ изображать и греческую ζ то какъ т, то какъ ф, по требованію выговора?

¹⁾ Можно бы писать і безъ точки, какъ дѣлали древніе Греки; но въ скорописи такое і слишкомъ мало выдавалось бы между другими буквами, въ составъ которыхъ входитъ похожее начертаніе.

Остается разсмотрѣть букву ъ. Говорятъ, что она не буква, потому что сама по себѣ не выражаетъ никакого звука. Положимъ, что ъ и ь не буквы, а только знаки, принятыя въ азбуку, но и знаки законны, если они нужны.

Нужны ли ъ и ь?

Въ древнемъ языкѣ, который перешелъ въ нашу церковную литературу, согласныя буквы не могли сами собою заканчивать слѣва и требовали поддержки гласной, которая могла быть твердою или мягкою и выражалась начертаніемъ *ера* или *еря*. Это видно въ древнѣйшихъ крюковыхъ погахъ, гдѣ ъ и ь въ концѣ слова всегда составляютъ особый слогъ. Эти гласныя не совсѣмъ опредѣленнаго для насъ звука и очень краткаго протяженія (почему онѣ и названы были полугласными) долго употреблялись и въ серединѣ многихъ словъ тамъ, гдѣ мы теперь ставимъ о и е, напримѣръ въ словахъ *плѣтъ* (плоть), *вѣртѣтъ* (вертепъ). Между тѣмъ онѣ и въ концѣ словъ давно утратили свое первоначальное значеніе, и начертанія ихъ остались только знаками дебелаго или тонкаго произношенія согласныхъ. При такомъ положеніи дѣла нельзя ли обойтись безъ того изъ нихъ, который и въ серединѣ словъ безпрестанно опускается? Такъ мы пишемъ: *полжа*, *долго* безъ ъ послѣ д, и только умягченіе этой согласной отмѣчаемъ особнымъ знакомъ, напримѣръ въ словахъ *полъза*, *только*. Очень легко было бы согласиться принять за правило, что когда и на концѣ слова нѣтъ знака послѣ согласной, то она произносится твердо. При сляніи двухъ словъ въ одно, и теперь уже ъ выпускается послѣ перваго, не только передъ согласными, но и передъ гласными, когда правильность выговора отъ этого не страдаетъ, всѣ пишутъ: *радуемся*, а не *радусься*, *разумъ*, а не *разьумъ*. Напротивъ ь, при соединеніи словъ, почти всегда сохраняется; напримѣръ въ словахъ: *радоваться*, ты *гордишься*. Въ этомъ различіи уже выразилось сознаніе въ необходимости ограничивать употребленіе обоихъ знаковъ дѣйствительною потребностью. Дѣтъ 25 тому назадъ сдѣланъ новый шагъ къ сокращенію *ера* въ предлогахъ, составляющихъ съ существительнымъ или мѣстоименіемъ

какъ бы нарѣчіе. *Отечественныя Записки* стали писать, напри- мѣръ, *оттого, вслѣдствіе, впоследствии*; тотъ же журналъ при- нялъ орѳографію: *пол-листа, генерал-майоръ* и т. п. Эти нововве- денія, сначала казавшіяся странными, скоро нашли однакожъ множество послѣдователей. Да уже и прежде писали: *кстати, сверху, слишкомъ* и т. п. Точно такъ не было бы и теперь невоз- можнымъ пойти еще далѣе и исключить ѣ въ концѣ словъ. Этимъ мы сэкономили бы много времени, мѣста, а при печатаніи — и де- негъ, безъ всякаго ущерба полнотѣ и ясности изображенія словъ на письмѣ. Отсюда однакожъ не слѣдуетъ, чтобы должно было совсѣмъ исключить ѣ изъ азбуки. Онъ удержалъ бы свое мѣсто въ предложныхъ словахъ передъ буквами е, ѣ, я, ю, напри- мѣръ: *съемка, отъездъ, объятіе*. Въмѣсто приисканія другого раздѣли- тельнаго знака для подобныхъ случаевъ, не лучше ли удержать старый, который передалъ намъ исторіей и будетъ жить въ ты- сячахъ уже напечатанныхъ книгъ? Во всѣхъ прочихъ случаяхъ сложенія предлоговъ съ другими словами ѣ совершенно излишенъ, и непонятно, почему многіе считаютъ нужнымъ писать: *сзумѣть, сзузить, отзучить*, когда они же пишутъ: *сумасшедшій* (не *сума- шедшій*), *обучать* и т. д. Когда въ такомъ случаѣ ѣ встрѣчается съ и, то слѣдуетъ писать просто *ы*, такъ какъ самое названіе этой буквы показываетъ ея составъ изъ ѣ и и. Зачѣмъ же упо- треблять два знака, когда есть замѣняющій ихъ одинъ? Всѣ уже пишутъ *взыскать, обыскъ*: почему же не писать такимъ же обра- зомъ *сырять, безыменный, предыдущій*? Встрѣча ѣ съ и наво- дитъ меня на другой случай, который въ глазахъ многихъ мо- жетъ помѣшать безусловному опущенію *ера* и въ концѣ словъ. Случай этотъ представляется намъ въ одномъ изъ слѣдующихъ стиховъ басни Крылова «Стрекоза и Муравей»:

Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ?

Не потерпите ли правильность произношенія послѣдняго сти- ха отъ опущенія *еровъ* передъ и? Отсутствіе ѣ послѣ согласной

позволяетъ сліяніе ея съ послѣдующимъ и въ мягкій звукъ: *готов-и стол-и домъ*. То же можетъ случиться и при отдѣльно стоящихъ предлогахъ; на примѣръ, когда *въ* и *съ* находятся передъ именемъ, начинающимся съ *и*, то образуется слогъ, который не есть ни *ви*, ни *си*: *въ иномъ* случаѣ, *съ иломъ*. Итакъ можно ли писать: *в иномъ с иломъ*, или при подобныхъ встрѣчахъ должно удерживать *ъ* въ предлогахъ и въ концѣ словъ? Кажется, приведенный случай не долженъ служить препятствіемъ къ опущенію *ъ* въ концѣ словъ и въ предлогахъ, если принять за правило, что каждое слово составляетъ отдѣльное цѣлое и тѣмъ самымъ уже ограждено отъ сліянія съ послѣдующимъ.

Съ исключеніемъ *виты* не полезно ли было бы дополнить нашу азбуку какою-нибудь другою буквой? Много разъ, и еще недавно ¹⁾, было говорено о недостаткѣ у насъ особаго знака для одного изъ звуковъ нынѣшней буквы *г*, именно для звука, слышимаго въ словахъ: *благо, Господь, Богу, богатый*. Такой знакъ, говорятъ, былъ бы намъ особенно нуженъ для передачи *h* въ иностранныхъ именахъ, на примѣръ въ *Halle, Heine, Hegel*. При нынѣшнемъ употребленіи въ такихъ случаяхъ буквы *г*, никогда нельзя узнать настоящаго имени, если оно уже напередъ не извѣстно, или если не стоитъ въ скобкахъ подлинное иностранное начертаніе его. Писать въ такихъ именахъ, какъ недавно предлагалось, *Хамбургъ, Хораций, Бетховенъ*, было бы также не совѣмъ вѣрно, потому что *х* соответствуетъ германскому *ch*, совершенно отличному отъ придыханія *h*. Тредіаковскій предлагалъ, для означенія этого звука, нѣсколько измѣнить очертаніе *г*. Палласъ, при изданіи «Сравнительныхъ словарей» Екатерины II, ввелъ для той же цѣли *г* съ подстрочнымъ хвостикомъ (*cedille* Испанцевъ и Французовъ). Но на введеніи этого или подобнаго знака все-таки нельзя слишкомъ настаивать ²⁾, потому что есть и дру-

¹⁾ См. *Спб. Вѣд.* 1862, № 89.

²⁾ Кажется, дѣло звука *h* не возвратно проиграно въ русскомъ языкѣ: ибо съ давнихъ поръ уже онъ въ однихъ словахъ отвердѣлъ въ наше обыкновенное *г* (Голландія, госпиталь, гусаръ); въ другихъ совѣмъ выпалъ (исторія-Иракль), въ третьихъ составилъ съ послѣдующею гласною звукъ *е* (Елена).

гіе чужезязычные звуки, для передачи которыхъ мы не имѣемъ способовъ. Таково напримѣръ германское ö или французское eu, особливо въ началѣ словъ (Öhmann, Eugène). Конечно, мы не можемъ не сожалѣвать, что такимъ образомъ напримѣръ присваиваемъ жителямъ острова Эзеля (Ösel) имя, которое носить никому не лестно (Esel, осель), но подобное неудобство въ передачѣ именъ другихъ націй раздѣляютъ съ нами многіе и даже вѣроятно всѣ языки. Такъ Пѣмцы превращаютъ наше ж въ ш (Schukoffski), а Французы щ въ ш или въ ч (Cherbatoff, Tcherbatoff) и т. п.

Для образца здѣсь помѣщаются первыя строки *Капитанской Дочки*, напечатанныя безъ ъ въ концѣ словъ. «Отец мой Андрей Петровичъ Гриневъ в молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ и вышелъ в отставку премьермаіоромъ в 17** году, съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ своей симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина».

Такое письмо на первыхъ порахъ конечно показалось бы дикимъ. Но сознаемся, что противъ него можно замѣтить только одно: мы не видимъ въ немъ того, къ чему нашъ глазъ привыкъ, но что мы сами находимъ лишнимъ. Отбросивъ ъ въ концѣ словъ, мы бы освободили и себя отъ лишняго труда, и самое письмо отъ обремененія бесполезными знаками.

Кто не допускаетъ въ письмѣ сокращеній для скорости? Какъ же не хотѣть допустить такого, которое нисколько не затемняетъ смысла и вообще не влечетъ за собою никакихъ неудобствъ? Сербы, усвоивъ себѣ нашу гражданскую азбуку, не приняли однакожъ *еровъ* и читаютъ напримѣръ *подъ владомъ турецкомъ* безъ всякаго затрудненія. Прибавлю, что А. Х. Востоковъ и И. И. Срезневскій, которымъ я сообщалъ эти замѣчанія, вполне согласны со мною во взглядѣ на излишество буквы ъ въ концѣ словъ.

II (къ стр. 525.)

Изъ статьи: «Орфографическая распря»¹⁾.

. . . . .

Президентъ. Мы уклонились бы отъ порядка, въ какомъ должны происходить наши совѣщанія, еслибъ прямо начали съ алфавита. Въ прошлое засѣданіе вопросъ объ общихъ основаніяхъ нашего правописанія остался нерѣшоннымъ, и потому не угодно ли будетъ собранію приступить теперь къ обсужденію вопроса: слѣдуетъ ли произвести *коренное* преобразование въ нашей орфографіи, или ограничиться только *второстепенными* вопросами?

Г. К-въ положительно объявляетъ, что коренное преобразование въ нашей орфографіи уже потому невозможно, что языкъ нашъ еще не установился (Странно!)

Г. С-ій. Прежде всего слѣдовало бы кажется обсудить: что надобно разумѣть подъ кореннымъ преобразованиемъ и что подъ второстепеннымъ?

Кто-то. Очень просто: коренная реформа будетъ та, которая заставитъ насъ учиться писать сызнова. Напримѣръ когда правописаніе будетъ сближено съ выговоромъ.

Другой кто-то. Мнѣ кажется напротивъ, грамматика должна устанавливать выговоръ.

Г. М-нъ, которому тоже ужасно нехочется коренной реформы, принимается доказывать, что во всемъ на свѣтѣ, то-есть рѣшительно во всемъ, даже въ установленіи правописанія, *должна быть постепенность.* Онъ начинаетъ издалека, рѣчь его тянется, тянется... Присутствующие переглядываются, являются улыбки; споръ, начатый шопотомъ, становится громче, громче. Звонокъ.

Г. С-въ. Ужь если дѣлать въ нашей орфографіи измѣненія,

¹⁾ *Время* 1862, № 3 (т. VIII). Чтобы отнять у этого отрывка всякій оттенокъ личнаго характера, считаемъ нужнымъ означать имена участвовавшихъ въ преніяхъ сокращенно. Сохраняемъ правописаніе и пунктуацию автора статьи, который подписался: К. Су—въ.

такъ ужь лучше бы всего по-моему преобразовать ее вполнѣ: полумѣры ни къ чему не поведутъ.

Кто-то замѣтилъ, что выраженіе «полумѣры» употребляется говоря только о важныхъ реформахъ, а не о такихъ пустякахъ, какъ наше правописаніе.

Г. К-ий. Мы живемъ въ эпоху коренныхъ преобразованій; крестьянскій вопросъ напримѣръ совершенно долженъ преобразовать наше общество. Поэтому мнѣ кажется и реформа въ правописаніи должна быть коренная.

— Но ежели эта реформа не дастъ никакихъ результатовъ, всѣми принята nebudeтъ?

— Поддержку мы всегда найдемъ, поддержка будетъ!

Кто-то. Къ чему ломать все? Всего ломать пенужно. Къ чему непременно *коренная* реформа? Лучше начать со второстепенныхъ вопросовъ, а потомъ отъ мелочей мы доберемся и до главнаго, до полной реформы.

Г. М-нз. Да, да, совершенно справедливо, во всемъ нужна постепенность. Нынче будутъ сдѣланы одни измѣненія, черезъ десять лѣтъ другія, а ужь тамъ и пойдетъ.

Кто-то (кажется г. Кл.). Ежели предпринято будетъ коренное преобразование нашей ортографіи, то оно необходимо коснется или историческаго хода нашего правописаія, или же будетъ направлено къ полному сближенію съ выговоромъ, то-есть будетъ имѣть дѣло съ мѣстными говорами. Стало-быть для того чтобы рѣшить, какую именно реформу намъ слѣдуетъ предпринять, коренную или только второстепенную, мы предварительно должны отвѣтить на вопросъ: что для насъ важнѣе — исторія ли языка, или сближеніе ортографіи съ произношеніемъ? Если мы примемъ второе, то для того чтобы выразить въ письмѣ всѣ звуки, существующіе въ русскомъ народномъ говорѣ, во всѣхъ нашихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, намъ придется *покрайней-мѣрѣ утроить* нашъ алфавитъ. А ежели мы примемъ историческое начало, въ такомъ случаѣ путаница въ правилахъ правописаія у насъ останется попрежнему, хотъ бы напримѣръ относительно употребленія

буквы ѣ, про которую Миклошичъ совершенно справедливо говоритъ, что русскіе до тѣхъ поръ будутъ биться съ буквой ѣ, пока совсѣмъ не изгонятъ ее изъ своего алфавита.

Президентъ устанавливаетъ поднятые вопросы въ такомъ порядкѣ: мы должны опредѣлить 1) что должны разумѣть подъ кореннымъ преобразованіемъ нашей ортографіи и что подъ второстепеннымъ; 2) какъ слѣдуетъ смотрѣть на историческую основу нашего правописанія и 3) что принять за норму, когда дѣло коснется сближенія нашей ортографіи съ произношеніемъ?

Г. К. Всѣ прежнія реформы нашего правописанія касались однихъ только мелочей и потому не имѣли успѣха; стало-быть и теперь намъ незачѣмъ гоняться за мелочами, и толковать о томъ, какое преобразование лучше — коренное или второстепенное, значить вступать въ совершенно бесполезные споры. Къ чему все давнымъ-давно уже пережованное пережовывать снова? По-моему ужь если дѣлать преобразование, такъ дѣлать радикальное. Будетъ ли оно всѣми принято, нѣтъ ли — какая намъ нужда толковать объ этомъ? На нашей сторонѣ *истина* — чегожъ еще больше? Ручательство за успѣхъ самое вѣрное.

Г. С-ій. Но чтоже такое мы должны разумѣть подъ именемъ мелочей? Писать напримѣръ *лекаръ* черезъ е или черезъ ѣ, *матерьялизмъ* или *матерьялисмъ*.

Г. К. Всего лучше будетъ начать съ крупнаго, а тамъ дойдемъ и до мелочей.

Г. С-ій. Но всѣ главнымъ образомъ существующія разногласія въ нашемъ правописаніи заключаются именно въ мелочахъ: такъ нелучше ли поэтому начать съ мелочей?

Г. К. Позвольте мнѣ отклониться отъ этого вопроса. Я хотѣлъ только заявить собранію, что что бы ни называли кореннымъ преобразованіемъ, во всякомъ случаѣ я объявляю себя въ пользу такого преобразованія.

Г. М-въ. Мы приглашены сюда затѣмъ, чтобы условиться въ установленія правилъ нашего правописанія и чрезъ то облег-

читать самое преподавание этой части грамматики. Но кажется намъ нечего бояться, что всякій будетъ писать по-своему...

Г. С-нъ. Съ этимъ нельзя согласиться: установленіе единообразія въ правописаніи намъ необходимо для установленія самаго говора. Но опять если мы будемъ сближать письмо съ говоромъ, мы впадемъ въ крайность; чрезъ это мы просто уничтожимъ всякое правописание.

Г. К-ий. Лѣтъ двадцать тому назадъ я издалъ «Упрощеніе русской грамматики». Въ этомъ сочиненіи... вѣроятно кто-нибудь изъ общества читалъ его?

Слышится смѣшанные голоса: «какже, читали, читали!.. Что это, К—скаго? еще бы!.. всѣ читали!».

Г. К-ий. Въ этомъ сочиненіи я предлагалъ сдѣлать коренное преобразование въ нашей грамматикѣ, и принявъ предложенную мной реформу, всѣ бы легко и скоро научились писать по-русски безъ ошибки; средство самое простое: принять вмѣсто нынѣшняго русскаго шрифта латинскій. Я нахожу, что нашъ алфавитъ не удовлетворителенъ. Возьмемъ на примѣръ такую фразу: «онъ ее еще и гонитъ». Какъ прочтеть ее тотъ, кто только-что еще учится читать? А вотъ какъ: «онъ ээ эщэ и гонитъ». Все это греки. Самаго звука этого (то-есть э) нѣтъ въ русскомъ языкѣ, онъ изобрѣтенъ у насъ греками. А у меня бы этого небыло.

Подымается крикъ со всѣхъ сторонъ:

— Въ такомъ случаѣ надо завести школы для всѣхъ насъ! мы должны будемъ учиться грамотѣ снова!

— Русскій шрифтъ не умретъ! Онъ будетъ жить пока Россія не умретъ!

— Вы обрекаете всю нашу литературу на сожженіе!

Г. К-ий. Но какъ же вы различите въ письмѣ выговоръ буквы г на примѣръ въ словахъ «господину Головину»? Или на примѣръ *вещь* и *плащъ* — какая тутъ разница въ выговорѣ буквы щ? Да вотъ вамъ, чегожъ еще лучше: неудобство русскаго шрифта доказывается тѣмъ уже, что въ прошедшее совѣщаніе кто-то изъ господъ читавшихъ прочелъ *умъли* вмѣсто *устъли*.

Шумъ. Звонокъ.

Кто-то изъ сидящихъ за столомъ. Вотъ я сейчасъ написалъ по вашей граматикѣ слово *еще*: кажется чуть ли не десять буквъ выходитъ. Позвольте сейчасъ сосчитаю. Разъ, двѣ, три...

Г. К-ій (горько). Ну вотъ, сейчасъ и видно, что вы совсѣмъ и не читали моей грамматики.

Смѣхъ и опять звонокъ.

Президентъ. Намъ кажется пора покончить съ вопросомъ о шрифтѣ, тѣмъ болѣе что съ мнѣніемъ г. К—скаго никто изъ общества не согласенъ. Г. С—ій, кажется вамъ угодно было что-то возразить г. К—скому.

Г. С-ій распространяется о богатствѣ русскаго языка, о прелести нашего алфавита, вполне удовлетворяющаго всѣмъ русскимъ звукамъ, о недостаточности латинской азбуки для передачи нѣкоторыхъ русскихъ звуковъ и проч.

Г. К-ій. А у меня всѣ грамматическія правила умѣщаются на одномъ листѣ.

Легкій смѣхъ.

Г. Кл. Преобразование, предлагаемое г. К—скимъ, есть больше чѣмъ коренное преобразование. Кромѣ того мы видимъ, что всѣ славянскіе народы, принявшіе латинскій шрифтъ, должны были придумать множество новыхъ знаковъ для передачи тѣхъ звуковъ, которыхъ латинскій алфавитъ не выражаетъ. Это...

Г. К-ій. Да опи писать неумѣютъ. (Смѣхъ.)

Г. Кл. Это крайнее неудобство. А между тѣмъ Кирилъ придумалъ начертанія, именно вызванныя нашими звуками. Для выраженія на примѣръ звуковъ щ, ѣ и другихъ, вамъ придется употреблять или какіе нибудь надстрочные знаки, или хвостикъ внизу, какъ на примѣръ въ польскомъ носовые звуки *ą* и *ę*.

Г. К-ій. (съ увлеченіемъ). Я буду безъ хвостиковъ писать.

Страшный хохотъ укрощается смиреннымъ колокольчикомъ. Когда шумъ стихъ, г. К—скій беретъ лежащую передъ нимъ афишу и говоритъ:

— Въ русскомъ языкѣ чрезвычайно много иностранныхъ

словъ. Вотъ напริมѣръ я вамъ прочту начало этой афиши: «Концертъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ императорской медико-хирургической академіи.» Много ли въ этой фразѣ русскихъ словъ? Прочестъ ее, такъ всякій иностранецъ пойметъ, о чемъ тутъ говорится...

Улыбки, легкій смѣхъ, шумъ, звонокъ.

Кто-то. А неудобно ли вамъ выразить латинскимъ алфавитомъ звукъ ѣ, неприбѣгая къ комбинаціи буквъ?

Г. К-ій. Да я совсѣмъ не о томъ говорю. Я говорю, что если мы перемѣнимъ нашъ шрифтъ на латинскій, то хоть намъ и не легче будетъ послѣ этого учиться грамматикѣ, зато иностранцамъ будетъ легче. Вотъ я объ чемъ говорю. Ктому же наборщикамъ при вставкѣ иностранныхъ фразъ въ русскій текстъ не придется лазить изъ одной кассы въ другую...

Шумъ и смѣхъ. «Это будетъ измѣненіе, а не преобразование!» слышится съ одной стороны. «Да мы о себѣ хлопочемъ, а не объ иностранцахъ! Что намъ до нихъ за дѣло!» раздается съ другой. Звонокъ, разумѣется. Президентъ предлагаетъ обществу рассмотреть вопросъ: что должно разумѣть подъ *кореннымъ преобразованиемъ* нашего правописанія?

Г. Р-въ. Въ числѣ нашихъ орфографическихъ правилъ есть такія, которыя принимаются всѣми пишущими и печатающими безусловно, на которыя всѣ согласны; по съ другой стороны встрѣчаются и случаи разногласія въ способѣ писанья — одни пишутъ такъ, другіе иначе, — случаи, которые легко устранить. Отсюда кажется можно прямо заключить, что подъ коренными преобразованиями надобно понимать такія измѣненія въ правописаніи, которыя касаются общепринятыхъ правилъ; соглашеніе же разностей въ правописаніи я считаю второстепенной реформой. Но теперь вопросъ: какихъ основаній держаться при коренномъ преобразованіи? Мнѣ кажется всего справедливѣе — тѣхъ, на которыя въ прошлый разъ указалъ г. С., именно этимологическаго начала и фонетическаго.

Г. Н-ій. Такъ какъ дѣло идетъ о томъ, какое преобразо-

ваше совершить будетъ лучше, то позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе въ пользу радикальнаго преобразованія. Кругъ читающей Россіи въ настоящее время можно-сказать довольно еще ограниченъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что по мѣрѣ успѣховъ распространенія грамотности будетъ возрастать и число читающихъ. Если теперь читающихъ у насъ найдется положимъ три мильона, то лѣтъ черезъ десять ихъ будетъ можетъ-быть десять миліоновъ. Имѣя это въ виду, мы кажется недолжны допускать иного преобразованія въ нашей ортографіи, какъ только радикальное. Чѣмъ дальше мы будемъ откладывать реформу, тѣмъ больше она будетъ становиться невозможною. Если нами будетъ произведена коренная реформа (иной мы и не допускаемъ), то послѣдующее за нами поколѣніе будетъ избавлено отъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ затрудненій въ правописаніи, которыя теперь поминутно сбиваютъ насъ съ толку. Настоящій моментъ какъ нельзя больше удобенъ для радикальной реформы. Если наше предпріятіе — произвести въ нашемъ правописаніи коренную реформу — имѣетъ въ себѣ внутреннюю силу и за него говоритъ сама истина, то оно примется; непременно примется. Итакъ вотъ въ чемъ заключается мое предложеніе: *въ виду распространенія грамотности необходимо произвести радикальное преобразованіе въ нашемъ правописаніи.*

— Но въ такомъ случаѣ вы затронете и общепринятія правила...

— Чтожъ такое, если они и будутъ затронуты?

— Тогда намъ всѣмъ придется переучиваться.

— Переучиваться легче, чѣмъ учиться.

Сильный говоръ. Сквозь шумъ слышится вопросъ г. К—скаго: «а какъ вы напишете напимѣръ *что-жъ?*» и чей-то отвѣтъ: «вотъ это-то мы и рѣшимъ тогда, когда будетъ предпріято коренное преобразованіе.» Звонокъ.

Президентъ. Сдѣлаемъ же теперь résumé изъ всего сказаннаго. Въ виду распространенія грамотности, въ настоящій благоприятный моментъ всего лучше будетъ совершить въ нашемъ

правописанія радикальное преобразование, хотя бы оно касалось и общепринятыхъ правилъ, — принимая при этомъ то опредѣленіе радикальнаго преобразованія, какое сдѣлалъ г. Р—въ. Итакъ большинство стоитъ за коренное преобразование. После этого мнѣ кажется лучше будетъ перейти прямо къ разсмотрѣнію нашей рѣчи, оставя алфавитъ всторонѣ.

Новый шумъ. Между прочимъ слышатся голоса:

— Да, да! А то мы никогда не кончимъ.

— Помилуйте, какже это можно! надо же вѣдь чѣмъ-нибудь кончить съ алфавитомъ.

— Непремѣнно. Покрайней-мѣрѣ при дальнѣйшихъ обсужденіяхъ у насъ nebudeтъ вопросовъ, отклоняющихъ отъ дѣла. (Звонокъ.)

Президентъ предлагаетъ обществу рѣшить большинствомъ голосовъ вопросъ: съ чего начать обсужденіе — съ алфавита ли, или съ частей рѣчи? Кто за части рѣчи, тотъ пусть встанетъ. Большинство оказалось на сторонѣ сидящихъ, и потому опять потянулся споръ о буквахъ...

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 593. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ, перешедшихъ къ намъ изъ Польши, хотя большая часть ихъ — первоначально либо германскаго, либо другого чуждаго корня: булка (*bulka, bułka*) — вензель (*wezeł, узель*) — гарусъ (*hagus или agus, родъ матеріи*) — гвалтъ (*gwałt, насиліе, тревога, шумъ*) — гербъ (*herb*) — дышло (*dyszal*) — карпетка (*skarpetka, szkarpetka*) — кошгъ (*koszt*) — лядунка (*ładunek, патропъ, зарядъ, свертокъ*) — метрика (*metryka*) — оглобля (*hołoble, отъ нѣм. gabel, gabeldeichsel*) — огуломъ, огульный (*ogól, ogólem*) — погопъ, погончикъ (*rogon, вм. ogon, хвостъ; ogoneczuk, ogonek, хвостикъ, жгутикъ*¹⁾) — предместье (*przedmieście*) — ратуша (*ratusz*) — рожа (*болѣзнь, róža, имѣющ. оба значенія: роза и рожа*) — рисунокъ (*rysunek*) — рыдванъ (*rydwan*) — рынокъ (*rynek*) — сеймъ (*sejm*) — тачка (*tak, taczki*) — темлякъ (*temblak*) — фигляръ (*figlarz; figel, ударъ*) — финтить (*fiut, хитрецъ*) — фольга (*folga*) — фортель (*fortel*) — франтъ (*frant*) — фукать (*fukać*) — цырюльникъ (*cyrulik*) — шалберить (*szalbierz, плуть, обманщикъ*) — шеренга (*szereg*) — шлея (*szla, szleia*) — шлыкъ (*szlyk*) — шомполъ (*stepel*) — шоры (*szory*) — штыкъ (*sztych, въ старину значило bayonette*²⁾) — шулеръ (*szuler*) — щеголь (*szczegol*).

¹⁾ Прежде говорили у насъ между прочимъ: «погонъ на шляпѣ» (См. письмо Екатерины II въ *Русск. Арх.* 1863, изд. 1-е, стр. 278).

²⁾ *Słownik polsko-francuzki.* Berlin 1858.

Сюда не включены нѣкоторыя слова, о которыхъ нельзя положительно сказать, заимствованы ли они нами изъ польскаго, или непосредственно изъ другихъ языковъ, откуда они взяты и Поляками. Таковы: *аренда* (польск. *arrenda, aręda*; швед. *arrende*) — *будка*¹⁾ (польск. *budka, buda*) — *гаеръ* (по Рейфу, польск. *gaięr*, отъ итал. *gaio*, веселый) — *дымка* (польск. *duma*, турецкая бумажная матерія) — *киверъ* (польск. *kiwior*, по Рейфу съ венгерскаго) — *клуба* (поль. *kłęb drzew*, съ англ. *clump*) — *комната* (поль. *komnata*, ст.-верх.-нѣм. *kamnate*, лат. *caminata*) — *кофта* (польск. *koftyr, kofter*, турецкая шелковая матерія) — *музыка* (польск. *musyka*) — *слесаръ* (польск. *slosarz*, нѣм. *schlosser*) — *тузъ* (польск. *tus*, нѣм. *daus*) — *филѣнка* (польск. *filunk*, нѣм. *füllung*) — *фортка*, *форточка* (польск. *fortka, forteczka*, нѣм. *pforte*). Спрашивается также, не изъ Польши ли перешло къ намъ слово *коляска* (*kolaska*), которое, по мнѣнію даже иностранныхъ филологовъ (Heyse, Diez, Littré и др.), есть славянское слово, передѣланное западными Европейцами въ *calèche* и т. п. Подъ сомнѣніемъ остаются также слова: *мищанинъ* (польск. *mieszczanin*, отъ *miasto*, городъ) — *предметъ* (польск. *przedmiot*) — *шаровары* (польск. *szarawary*, турец. и перс. *szalwar*) и м. др.

Не ручаюсь за безошибочность предположенія о заимствованіи черезъ Польшу *всѣхъ* приведенныхъ выше словъ: удерживаясь здѣсь отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія ихъ, ограничусь замѣчаніемъ, что этими указаніями я хотѣлъ только дать матеріалъ для изслѣдованій по вопросу, который до сихъ поръ слишкомъ мало обращалъ на себя вниманія. Нельзя не вспомнить, что еще и при Петрѣ Великомъ къ намъ входили слова изъ Польши и что самъ онъ въ

¹⁾ При производномъ *будочникъ* замѣчательно фонетическое явленіе, что буква *д* и между двумя гласными сохраняетъ полученное въ концѣ слога (въ сущ. *будка*) произношеніе звука *т*. Подобное же явленіе видимъ мы въ прилаг. *свадебный*, гдѣ, наоборотъ, *т*, произнесенное за *д* въ слѣдствіе уподобленія звуковъ въ существ. *сватъба*, удерживаетъ этотъ выговоръ и между гласными. Примѣръ такого же произношенія буквы *т* представляетъ мѣстоим. *этакій* и нарѣчіе *этакъ*, которыя въ просторѣчій всегда слышатся какъ *эдакій* и *эдакъ*

письмахъ своихъ не разъ прибѣгалъ къ польскимъ словамъ, каковы напр. *жадный* (никакой), *мусить* (долженствовать ¹⁾). Сюда же слѣдуетъ отнести слово *фортеція* (польск. *forteca*), которое онъ употреблялъ не только въ собственномъ, но и въ переносномъ значеніи («фортеція правды»).

---

¹⁾ Соловьева *Ист. Россіи*, т. XV, стр. 186, 250, 308.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
17	самостоятельный звукъ .	составной звукъ
45	тонщихся	таящихся
118	Wewell	Whewell

